

Г.А.Пугаченкова

ДРЕВНОСТИ МИАНКАЛЯ

Из работ Узбекистанской
искусствоведческой
экспедиции

ИСКУССТВО
УЗБЕКИИ

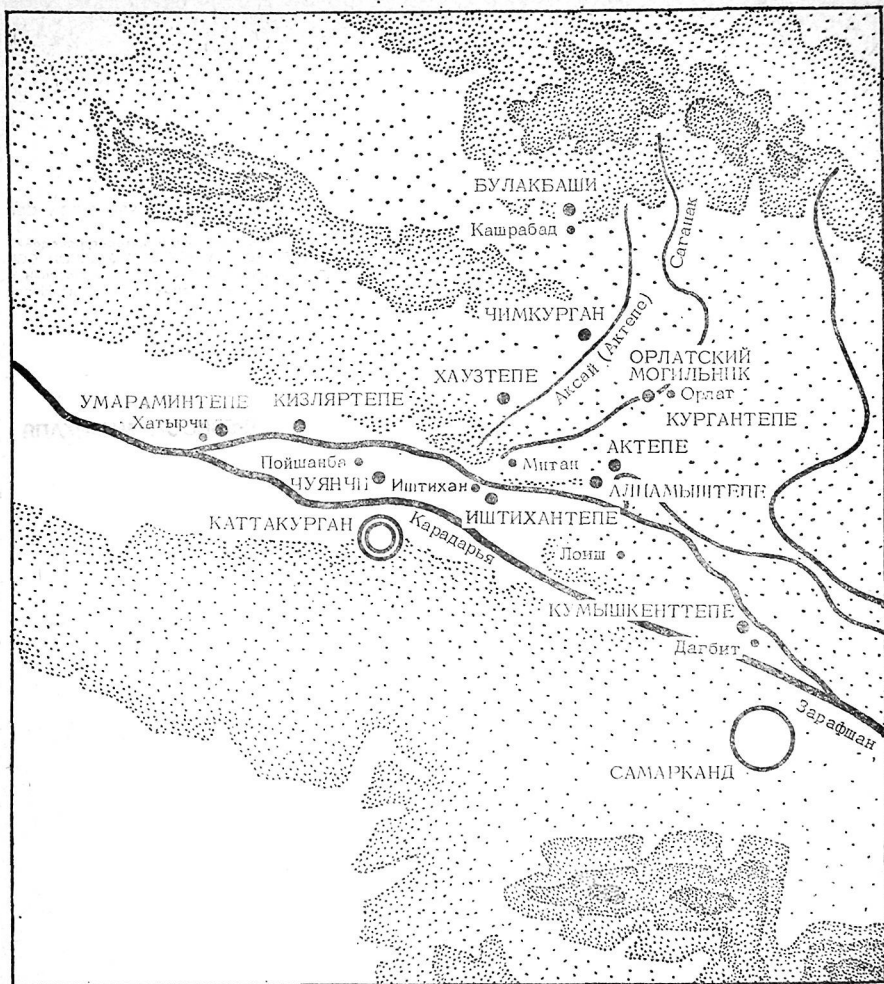

Издательство „Фан“ Узбекской ССР

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Отделение истории, языкознания и литературоведения
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР
Ордена Дружбы народов Институт искусствознания
им. Хамзы Хаким-заде Ниязи

ДРЕВНОСТИ МИАНКАЛЯ

Г. А. Пугаченкова

ДРЕВНОСТИ МИАНКАЛЯ

**Из работ Узбекистанской
искусствоведческой
экспедиции**

Ташкент

Издательство „Фан“ Узбекской ССР

1989

Монография освещает итоги археологических исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции зоны, лежащей к западу от Самарканда (в средневековые — области Иштихан и Кушания). Она вводит в научный оборот ряд новых памятников градостроительства, архитектуры, искусства и ремесла античного и средневекового Согда, имеющих большое познавательное значение.

Для историков, археологов, искусствоведов, занимающихся проблемами культуры Среднего Востока, студентов, а также читателей, интересующихся историей культуры Средней Азии.

Ответственный редактор
доктор искусствоведения

Л. И. РЕМПЕЛЬ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ, Э. И. УСМАНОВА

П 0507000000—3735—23—87
М 355(04)—89
ISBN 5—648—00520—2

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К изучению Мианкаля	9
Кумышкентепе	35
Кургантепе	67
Булакбаши	107
Орлатский могильник	122
Иштихан	156
Черты культуры Мианкальского Согда	176
Приложение	188
Список литературы	200
Список сокращений	204

ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА
ПУГАЧЕНКОВА

ДРЕВНОСТИ МИАНКАЛЯ

Из работ Узбекистанской искусствоведческой
экспедиции

*Утверждено Ученым советом Института искусствозна-
ния им. Хамзы, Бюро отделения истории, языкознания
и литературоведения АН УэССР.*

Редактор *И. Я. Ильсоева*
Художник *Г. Ким*
Технический редактор *А. Т. Шепельков*
Корректор *Т. Кам*

ИБ № 3950

Сдано в набор 6.12.88. Подписано к печати 9.03.89. Формат
84×90/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 17,85. Уч.-изд. л. 18,9.
Тираж 1360. Заказ 9. Цена 3 р. 80 к.

Издательство «Фан» УэССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Типография Издательства «Фан» УэССР: 700170. Ташкент,
проспект М. Горького, 79

К ИЗУЧЕНИЮ МИАНКАЛЯ

В изучение древней и средневековой культуры Средней Азии заметный вклад внесен Узбекистанской искусствоведческой экспедицией Института искусствоведения им. Хамзы (УзИскЭ), ведущей на протяжении четверти века исследования, охватывающие ряд районов Узбекистана, главным образом, на территории Сурхандарьинской области УзССР — бывлой зоны Северной Бактрии — Тохаристана. Результаты этих работ, внесшие немало нового в представление о многовековой культуре данного региона, уже прочно вошли в советскую и зарубежную науку и пополняются новыми материалами из года в год. Изучение Бактрии — Тохаристана проводилось также в Сурхандарьинской области Институтом археологии АН УзССР, в южном Таджикистане — сектором археологии АН ТаджССР и в обеих республиках — некоторыми московскими и ленинградскими научными учреждениями.

В работах УзИскЭ особенно успешным оказалось изучение проблемы периода античности, хотя немало сделано и в познании как более ранних, так и последующих эпох.

Между тем культура античной Согдианы до сих пор раскрыта еще очень слабо. Она уже заявила о себе находками керамики, монет и терракот, курганными могильниками первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры по всему Согду, в его Самаркандской зоне — культурными слоями, погребенными в нижних толщах городища Афрасиаб, и остатками окружающих его стен, Кашкадарьинской области — материалами раскопок городища Ер-Курган, Бухарской — нижними слоями Бухары и Варахши. Однако все это пока предстает в виде разрозненных данных, требующих систематизации и пополнения новыми материалами.

С целью выяснения проблемы городской культуры античной Согдианы нами был выбран почти не исследованный район, лежащий к западу от Самарканда. Мы назвали его Мианкалем, хотя он несколько выходит за пределы собственно Мианкаля — так еще недавно именовался остров шириной до 15 км, длиной около 100 км, образованный раздвоением Зарафшана сразу же за Самаркандом на Акдарью (на севере) и Карадарью (на юге). Местность эта пониженная, местами затоплявшаяся весенними паводками. Очень плодородные, обильно орошаемые земли издавна обжиты человеком. В прошлом столетии многие участки Мианкаля были заболочены, проездные пути затоплялись водой, но в настоящее время мелиоративные меры и упорядочение системы каналов обеспечили полноценное использование мианкальских земель. Освоение их привело к исчезновению многочисленных тепе, отмечающих местоположение бывших населенных пунктов. Этот факт также требовал безотлагательных реконструкций Мианкаля, а также соседней с ним территории на северной стороне Акдарьи. Примечательно, что в начале XX в. Мианкаль как административная единица именовался местным населением Ним-Сугуд, а район к северу от Акдарьи вплоть до ближайших гор — Сугуди-Калая (117, с. 162). В названиях этих — «Полусогд» и «Великий Согд» — запечатлены древние топонимы и, очевидно, представление об этой территории в народе как о коренных согдийских землях. Уже в конце XIX в. краеведы были озабочены судьбой археологических тепе, разбросанных в Самаркандской области. Один из них, М. Вирский, писал: «Многие из курганов, расположенных на культурной полосе Зарафшанской долины, с каждым годом умень-

шаются в объеме по периферии... При здешнем малоземелье и интенсивной культуре местные земледельцы находят в курганной осыпи прекрасное удобрение и пользуются им для своих целей. Ввиду указанного значения здешних курганов и озабочиваясь сохранением их, по возможности, от дальнейшего умышленного разрушения местными земледельцами и кладонскаателями, кружок любителей археологии при областном Статистическом комитете признал полезным привести все курганы в Самаркандской области в точную известность, определить географическое положение их, нанести на особую карту, собрать в народе легендарные сказания и затем, при благоприятных условиях, заняться вскрытием этих памятников древности» (22, с. 245, 246).

Осуществить эти благородные задачи силами немногочисленных краеведов не удалось, хотя и были предприняты кое-какие меры. В Каттакурганском уезде В. И. Чертовым был начат учет курганов (точнее — тепе), однако он ограничился количественным подсчетом их в основных волостях (например, в Митанской — 98, в Ходжа-арыкской — 28 и т. д. (138, с. 247—251)) и привел лишь для немногих связанные с ними позднейшие сведения. Несомненна заслуга В. Л. Вяткина, который для некоторых поселений Мианкаля привлек письменные свидетельства. В их числе «Рисоля» Кырк Мухаммад Салиха (XVIII в. (29, с. 244 и сл.)) и документы XV—XVII вв., на основе которых он привел ряд сведений о существовавших тогда значительных населенных пунктах в Самаркандском вилайете — отчасти и для интересующего нас региона (28).

После значительного интервала в 1934 г. экспедиция Государственного Эрмитажа во главе с А. Ю. Якубовским, проводя исследования между Бухарой и Каттакурганом, вышла к кишлаку Кашан у западной дельты Мианкаля в поисках города Кушани, которого, однако, там не оказалось (146, с. 158—159). И вновь долгое время здесь не велись археологические исследования. Можно упомянуть лишь небольшие раскопки Б. И. Маршака

(Государственный Эрмитаж) и Я. К. Криваса (Республиканский музей истории, культуры и искусства им. А. Икрамова) в 1962—1963 гг. на том участке полуразрушенного тепе в Чилпеке, где в 1961 г. был найден комплекс серебряных сосудов V—VI вв., поступивших в Самаркандский музей (66). Систематические работы по археологическому изучению Мианкаля и прилегающей к нему зоны севернее Акдары осуществлялись Узбеккистанской искусствоведческой экспедицией. В 1961 г. были проведены первичные рекогносцировки археологических пунктов на пути от Дагбита до Зерабулака. Были выявлены и намечены объектами стационарных работ четыре значительных населенных пункта: Катта-Кумышкенттепе (близ одноименного кишлака Кумышкент), Иштихантепе (в Иштихане), Чуянчитепе (в Пойшамбинском районе) и Гяуртепе (западнее Каттакургана (92, с. 57 и сл.)). В том же году при разведках к северу от Акдары был обследован ряд городищ, наибольший интерес среди которых вызвало Арктепе в Иштиханском (ныне Пай-арыкском) районе, имеющее античную основу (131, с. 55 и сл.).

В 1962 г. были начаты и в 1963 г. продолжены раскопки на Чуянчитепе и Кумышкенттепе, главной задачей которых стало выяснение стратиграфии последнего, возвышающегося над прилегающей территорией на 18 м (92, с. 40—50). Изучение его продолжено в 1969—1971 гг.

В 1970 г. было обследовано расположенное в центре Иштихана Иштихантепе в связи с находкой фрагментов оссуария с изобразительными мотивами (90), осуществлено вскрытие обнаруженного вблизи дороги могильника IX—X вв.

В 1974 г. группа Института археологии АН УзССР проводила разведки вдоль русла Турсуня (которые были продолжены в 1978—1979 гг. к северо-востоку от Иштихана), зарегистрировав 65 археологических пунктов. Результаты этих исследований были опубликованы в 1983 г. (112, 113).

В 1976—1977 гг. мианкальской группой УзИскЭ производились рекогносцировки па-

мятников Хатырчинского района, выявившие ряд объектов. На одном из них — Умарамин-тепе, оказавшемся античным памятником, — были проведены раскопки (102, с. 91—93; 110, с. 536).

С 1979 г. осуществлялись систематические исследования Мианкаля и смежной зоны к северу от Акдары, целью которых были максимальный охват региона рекогносцировка, выявление наиболее перспективных для стационарного изучения объектов и производство на них раскопок. В общей сложности УзИскЭ обследовано свыше трехсот памятников. В последнее время раскопки проводились на Иштихантепе в Иштиханском районе, Алпамыштепе в Пайарыском и, в основном, на городище Кургантепе в Кошрабадском районе и прилегающем к нему курганном могильнике. Данные этих исследований пока получили лишь предварительное научное освещение (88, 89, 96, 98, 101, 107). Между тем, их можно рассматривать как начало археологического изучения Мианкальской зоны, хотя огромный объем работ еще впереди. Основные итоги этих исследований излагаются нами в настоящей монографии.

Исторические сведения о Мианкальском регионе весьма ограничены. Объясняется это тем, что в политической жизни Согда он играл второстепенную роль, в то время как ведущая принадлежала Самарканду, с которым связаны смены династий, события войн, политических катаклизмов. То же и в плане экономического, поскольку Самарканд был центром городской культуры, торговли, ремесел, чеканки монет. Мианкаль же всегда был в основном сельскохозяйственным районом, и если его города имели ремесленные мастерские, то, видимо, лишь для удовлетворения внутреннего спроса.

Едва ли не единственными сведениями о данном регионе располагают китайские хроники Шинзы (I в. до н. э.) и Цаньханьшу (не позднее 25 г. н. э.), свидетельствующие о том, что «от Давани на западе до Аньси, хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга» (17, с. 161). Та-

ким, очевидно, был и язык мианкальского Согда. Н. Иакинф в примечании к этому сообщению отмечал, что «это были разные наречия тюркского языка» (там же). Мнение это является ошибочным, так как, несомненно, это были наречия ираноязычной основы. В «Бейшу» и «Сейшу», составившихся с VII в., в правление династии Тан, повествовалось о событиях конца IV — начала VII в. на основе данных более ранних источников и Западный Цао-Иштихан и Хэ-Кушания выделялись как самостоятельные владения. Сведения о них повторяются почти дословно в обоих источниках.

«Цао. Резиденция владения Цао лежит в нескольких ли от реки Намг (Зарафшан. — Г. П.) на юг. Это древняя кангюйская страна. Сие владение не имеет государя, а правление земли канский (самаркандский. — Г. П.) владетель поручил сыну своему Угяню. Резиденция имеет три ли окружности. Строевого войска около 1000 человек. В сем владении есть дух Дэси, которому поклоняются во всех владениях, лежащих от западного (Каспийского. — Г. П.) моря на восток. Он представлен в образе золотого истукана, в 15 футов в объеме, с соразмерною вышиной. Ежедневно в жертву ему закладывали пять верблюдов, десять лошадей и сто баранов. Число жертвующих иногда простирается до нескольких тысяч (в «Сейшу» — до 7000. — Г. П.) и не могут съесть всего. На юго-восток до канского владения 100, на запад до Хэ — 150, на восток до Гуа-чжеу — 6000 ли. В правление Да-йе было оттуда посольство с данью из местных произведений» (17, с. 188).

«Хэ. Резиденция владения Хэ лежит в нескольких ли от реки Нами на юг. Это древняя кангюйская земля. Владетель прозывается Джаову. Он также происходит из рода канского владетеля. Проименование ему Дунь. Резиденция имеет два ли окружности. Строевого войска 1000 человек. Владетель сидит на престоле, представляющем золотого барана. На восток до владения Цао 150 ли, на запад до малого царства Ань 300, на восток до Гау-чжеу 6750 ли. В правление

Да-йе (605—613) было оттуда посольство с данью из местных произведений» (17, с. 275, 286—287; 152, с. 189, прим. 140).

В хронике Таншу, составленной с начала VII до начала IX в., содержится интересное свидетельство о домусульманской Кушании: «Хэ, иначе Кюйшуаннига и Гишуйшани, есть древний город Фумо, принадлежавший малому кангюйскому владетелю. По восточную сторону города есть двухэтажное здание. На северной стене его красками писаны древние императоры Срединного царства; на восточной тукюеские ханы и индийские владетели; на западной — владетели босыские (персидские) и фольнские (сирийские). Владетель, учинив по утрам поклонение перед ними, уходит. В пятнадцатое лето правления Чжан-гуань (641) он отправил посланника ко Двору (китайскому. — Г. П.), получив известие, что дом Тхан предпринимает войну в Западном крае, он изъявил желание доставлять съестные припасы для войск. В непродолжительном времени владение его обращено в округ Гишуйшан, а владетель Чжаову Подати поставлен правителем. Он отправил посланника Бодаши принести благодарность» (17, с. 315; 152, с. 145).

Указанные посольства были вызваны завоеванием Мавераннахра арабами, когда согдийские владетели обращались за помощью к могущественному Китаю, не получив, однако, от него реальной поддержки. Сохранились свидетельства о том, что в VIII в., когда арабы завоевали Самарканд, согдийские правители ихиды перенесли оттуда столицу в Иштихан (9, с. 146—147), но пребывание их здесь оказалось недолгим, поскольку и этот город был захвачен, а доходы с иштиханских базаров и некоторых селений в VIII в. были предоставлены полководцу Уджейфу б. Анбасу, а в IX в. — Мухаммеду б. Тахиру (9, с. 147).

Арабские географы X в. привели некоторые данные об областях Иштихана и Кушании. Отмечая исключительное плодородие земель, они указывают на разветвленную систему их орошения. Главный канал Иштихана, носивший в X в. то же название, что и город, был

выведен, наряду с каналами Синаваб и Бузмаджан, из Зарафшана в месте, называвшемся Губар. По сведениям Ибн-Хаукаля, «каналом этим начинали пользоваться примерно в 4 фарсах от его головы, где он разветвляется на протоки и орошает пространство в 7 фарсах, прежде чем доходит до Иштихана. Затем он орошает этот последний и его рустак и является самым значительным из вышеупомянутых каналов» (15, с. 16—17). Приведенное Ибн-Хаукалем расстояние ставит под сомнение указание В. В. Бартольда о расположении Губара «в трех фарсах от Самарканда» (9, с. 174), поскольку Иштихан находился в семи фарсах от Самарканда. Ибн-Хаукаль отмечал также «каналы Кушании» (15, с. 17).

Арабский географ привел краткие данные о главных городах обеих областей (15, с. 1—9): «Иштихан — отдельно стоящий город, очень здоровый, изобилующий окрестными селениями, садами, лугами, местами для прогулок и болотами, поросшими тростником... В Иштихане имеется цитадель в шахристане и рабад, а также протоки и плантации... Там же селения, которые конфисковал Мутасим... Кушания — самый цветущий из городов Согда. Он и Иштихан — два весьма сходных по величине округа, но только главный город Кушании больше и селения его крупнее. Но зато границы Иштиханских рустак обширнее, потому что селения Иштихана находятся сзади (очевидно, по ту сторону Акдары. — Г. П.). От гор, называемых Сагардж, до границ Кушании приблизительно 5 переходов в длину, в ширину же около 1 перехода. Селения Кушании занимают пространство около 2 дней пути в длину, а в ширину примерно один. Обе упомянутые области расположены на севере от Согдийской реки... Сердцем согдийских городов является Кушания, жители которой богаче, чем население остальных областей Согда» (15, с. 19).

Ибн-Хаукаль писал о долине Зарафшана вокруг Самарканда и к западу от него следующее: «Если подняться на гору и взглянуть с нее на долину Согдийской реки, то видна сплошная зелень, среди которой не за-

метно ничего, кроме цитадели или замка. Что же до пространства вне этой зелени, то это негодные земли или неводеланные, но таких видно немного» (15, с. 17). Всю эту область Согда арабский наместник Са'ид называл «садом халифа», воспрепятствовав в 720/21 г. разграблению, чтобы сохранить ее как статью дохода халифатской казны (6, с. 196). Впрочем, археологические данные свидетельствуют о запустении большого числа селений VII—VIII вв., описание же Ибн-Хаукаля уже отражает возрождение всей области при Саманидах.

В. В. Бартольд сделал извлечение названий мавераннахрских населенных пунктов (не уточнено — городов или селений) из словарей Самани (середина XII в.) и Якута (начало XIII в.). В их числе — населенные пункты области Иштихана: Бинкет, Гуредж, Завир, Заз (или Зар), Наукедек, Резмаз (или Резман), Растгафер (Растгафир), Сагардж (с уточнением: в пяти фарсах от Самарканда), Хайдештер (или Хандештер), Хушудфатн (большое и богатое селение между Иштиханом и Кушанией), Шикистан (также между Иштиханом и Кушанией) (9, с. 174—187). В области Кушании упоминаются Искарен в 1-2 фарсах от Дабусии и Исмитан (9, с. 177).

Завоевание Мианкальского региона монголами и его последующая история вплоть до времени тимуридов в источниках не освещены, но, несомненно, в XIII в. его постигла та же драматическая участь, что и весь Мавераннахр. Ценные данные были извлечены В. Л. Вяткиным из документов XV—XVII вв. Они обрисовывают Сугуди-калянский и Нимсугудский туманы как области развитого земледелия со значительным числом кишлаков. Но, хотя В. Л. Вяткин выявил и опубликовал названия многих населенных пунктов, упоминаемых в этих документах, лишь для некоторых он смог указать современные названия рубежа XIX—XX вв. Объясняется это тем, что после смерти Абдуллизисхана II в 1680 г. вся Самаркандская область постепенно пришла в полный упадок в связи с разразившимся социально-экономическим кризисом, когда, по данным Кырк Мухаммед Са-

лиха, «жители начали разбегаться в разные места. Затем туманы пришли в окончательное разрушение и разор. В настоящее время можно видеть только следы и остатки бывших зданий, садов и многих арыков» (29, с. 244).

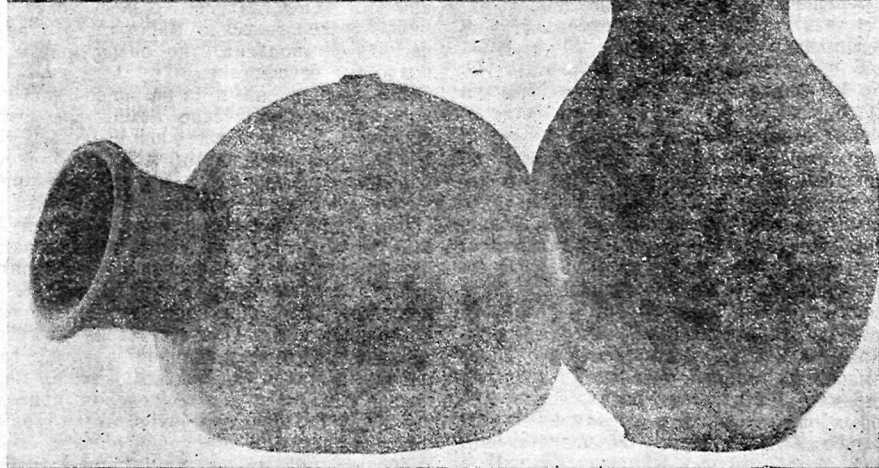
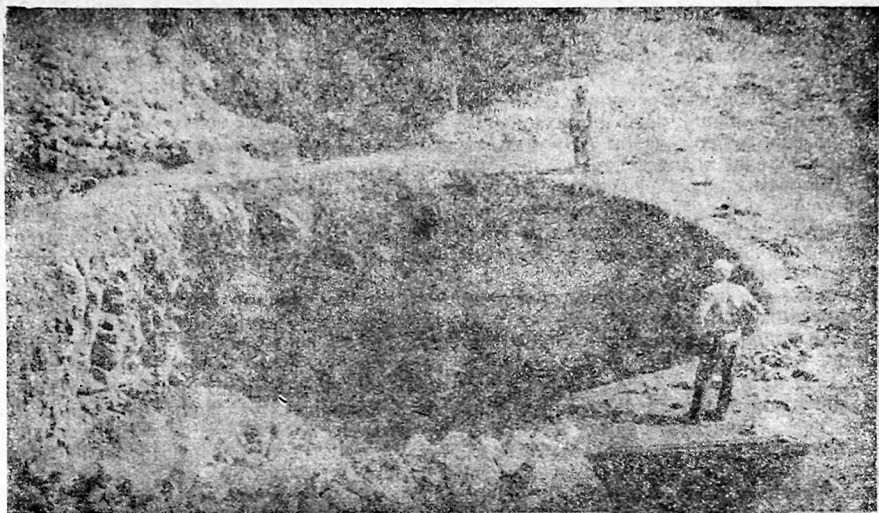
В конце XVIII в. покинутые земли вновь стали заселяться, — в основном, пришлым населением. На картах, составленных вскоре после вхождения Туркестана в состав России (70-е годы XIX в. и позднее), в интересующем нас регионе нанесены многочисленные, в большинстве небольшие кишлаки. Названия их, за редким исключением (например, Кумышкент, Лошш, Дагбит, Иштихан, Митан и другие), не совпадают с приведенными в документах XV—XVII вв., которые уже были забыты. После установления советской власти большинство указанных на данных картах названий также было изменено и лишь иногда удается с помощью старожилов восстановить их.

Еще более скудные сведения о культуре Мианкаля. Представление о ней могут дать лишь археологические работы; эта задача частично выполнена, но очень многое еще предстоит осуществить.

Обследованные нами на островной части Мианкаля археологические памятники — это в основном раннесредневековые кешки VI—VII вв. с прилежащими к ним обычно небольшими поселениями. Их спасли от разрушения монолитные высокие платформы.

Период ранней феодализации Средней Азии был ознаменован появлением множества дикан-земледельцев, обладавших незначительными земельными угодьями. Взрослым наследникам выделялся новый надел, где также возводился кешк. При отсутствии в ту пору мощной централизованной власти, такой, например, как в сасанидском Иране, мелкие князья осваивали для земледелия пригодные территории. Показательно в этом отношении плотное заселение островной полосы, которое требовало налаженной ирригации во избежание затопления многих ее участков.

Меньшим по сравнению с числом сохранившихся археологических объектов VI—VII вв. является количество уцелевших памятников

периода развитого средневековья (IX—XII вв.). Это отнюдь не свидетельствует о запустении Мианкаля — просто изменился вид населенных пунктов. Так, в области Иштихан, по данным восточных авторов, было шесть городов (скорее, городков), но преобладали села и деревни с рассредоточенной застройкой, какой она была и в кишлаках XIX — начала XX в. От них, конечно, не могли сохраниться значительные культурные слои, остатки которых к тому же были распаханы.

Что касается населенных пунктов XV—XVII вв., которые, по данным документов, привлеченных В. Л. Вяткиным, были относительно многочисленны, то их зафиксировано еще меньше (в основном, на самом Мианкале и лишь кое-где к северу от Акдары). Причины, очевидно, те же — рассредоточенная застройка кишлаков, а также общий процесс постепенного захирения сельскохозяйственных земель, приведший к упадку в XVIII в., о котором повествовал Мухаммед Салих.

Археолого-топографическим обследованием УзИскЭ было охвачено свыше трехсот объектов интересующего нас региона. Список их и предварительные или уточненные хронологические определения даны в приложении к настоящей монографии. Остановимся лишь на некоторых наиболее типичных памятниках различных эпох, а далее — на подробной характеристике тех объектов, которые стали предметом специального изучения, с постановкой на них раскопок. При этом особое внимание было уделено памятникам, имеющим античную основу.

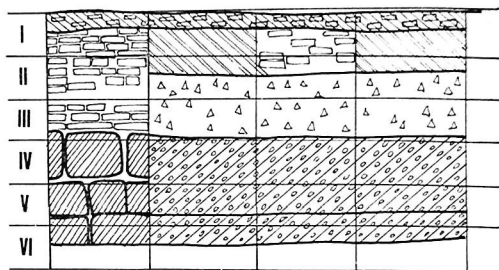
Чим-Курган. Совхоз Янгикент Кошрабадского района. Солидное укрепление, в плане прямоугольной формы (100×70 м), ориентированное по линии запад—восток. Обнесено стенами с крутыми скатами, высотой до 8 м, вокруг — ров. Вход находится в середине южного фаса, к нему ведет пандус. Чим-Курган сильно задернован, но на одном из фавсов мы зачистили кладку из сырца (42×××15 см). Внутри укреплений найдены позднее кладбище, множество могильных холмов, местами продолговатые мраморные плиты —

сагана, характерные для XIX—XX вв. Возле недавней могилы, а также на внешней стороне у подошвы стен собраны фрагменты античной керамики — полуколические донца кувшинчика и бокала, покрытые красным ангобом, тонкостенные закраины бокалов, венчики хумов с рельефной уплощенной закраиной. Вокруг рва на распашке археологических остатков нет.

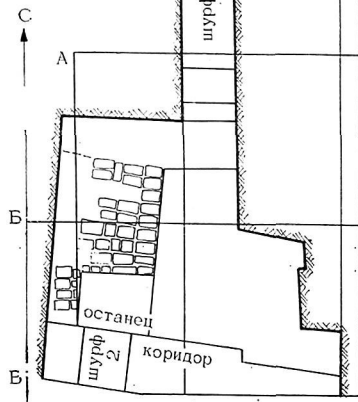
Актепе. Городище вошло в литературу под названием Актепе, между тем у него есть еще несколько названий, основное же — Актепе или Октепе. Оно расположено недалеко от с. Карахан в совхозе им. Димитрова Пай-арыкского района, в 2 км севернее Акдары. Городище состоит из нескольких частей. Самая ранняя из них — Арктепе — обследована в 1962 г. Б. А. Тургуновым, предположившим, что это древний Иштихан. Переданные жителями монеты, чеканенные, по определению М. Е. Массона, в Самарканде, Бухаре, Шахрисабзе и датированные XI—XVI вв. (некоторые — XVIII—XIX вв.), а также подъемная керамика «от доарабских времен до XVII в.», позволили Б. А. Тургунову датировать городище этими пределами (131). Между тем, проведенное в 1981 г. контрольное обследование не подтвердило тождества с Иштиханом и удвредило датировку. Следует отметить, что если при первых разведках городище было совершенно заброшено и кое-где покрыто зарослями камыша, то двадцать лет спустя его окружали возделанные поля, которые частично заняли и его территорию.

Наиболее старая часть Арктепе — укрепление, квадратное в плане (170×170 м), с крутыми скатами стен высотой 11—14 м от подошвы. Его почти горизонтальная поверхность покрыта провалами или холмиками могил и сильно задернована. К юго-западу от Арктепе следует возвышенный подпрямоугольный массив Шогим-атателе, рассеченный надвое глубоким выемом, вероятно, отмечающим ворота и главный

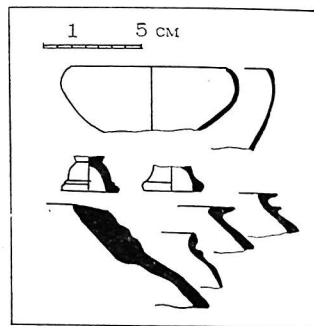
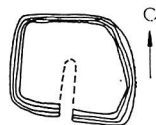
0 1 2 м

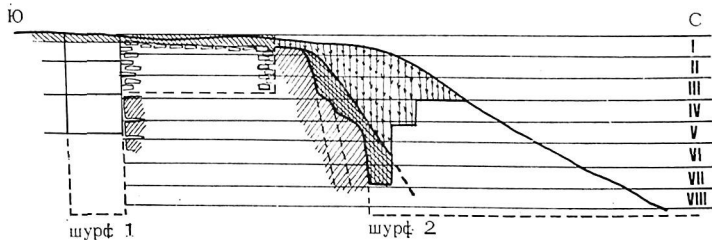
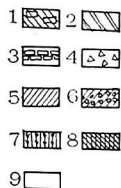
0 1 2 м

0 30 м

0 1 2 3 м

въезд в город. По-видимому, это средневековый шахристан, здесь в обрезах попадаете керамика не только IX—XII вв., но и более поздняя, поскольку на тепе имеются многочисленные могилы, надгробные камни и стены XV—XVII вв.

Очевидно, после монгольского завоевания шахристан стал мазаром, а жизнь переместилась к востоку от Арктепе. Здесь видны остатки еще более позднего города — Карахатепе — подпрямоугольной формы (480 × 300 м), обнесенного валом, сохранившимся на высоту 2—3 м и укрепленным на углах округлыми башнями. Ворота, по-видимому, располагались у середины западного фаса, находясь под защитой цитадели, функции которой по-прежнему исполняло Арктепе. Другие ворота были на расстоянии одной трети от угловой башни на северном фаса, где начиналась главная улица, пересекавшая город на две части. Помимо встречающихся здесь фрагментов керамики типа «кобальт», типичной для XV—XVI вв., следует отметить находку на краю городища мраморной колонны с надписью (50), свидетельствующей об изготовлении последней около 1414 г., то есть в правление Улугбека, вероятно, опытным мастером, приглашенным из Самарканда. Рядом в земле остались куски и других колонн, так что этот участок перспективен для дальнейших исследований.

На склонах и в выбросах земли у могил Арктепе собраны многочисленные фрагменты тонкостенной красноангобированной керамики, в частности, характерные полуколические донца бокалов. По всем данным, это был хорошо укрепленный пункт античного времени. Пока неясно, было ли это укрепление, подобное Чим-Кургану, или лишь цитадель лежавшего у его подножья города. Арктепе на-

ходится в 10 км южнее Кургантепе, в епопидионнотому, возможно, находилось, сформировавшимся на пролегающей по правобережью Акдарьи древней дороги.

Алламыштепе. Находится к западу от Арктепе у кишлака Мангыт Иштиханского района. Несколько лет назад тепе подквадратной формы (80 × 60 м), высотой до 3—3,5 м было санивировано бульдозером, так как на нем предполагалось возведение придорожного шиплана. На поверхности нами собрана керамика, в большинстве античного типа: много тонкостенных красноангобированных фрагментов (стенки и ножки бокалов — некоторые с лошением), горловина кувшина, пряслица, кусочки перламутровой раковины, небольшая зернотерка. По этим данным можно было предположить, что Алламыштепе — стерильный античный памятник, хотя попадались и средневековые фрагменты (стенка хума с бурами потоками по светлomu ангобу, петельчатые ручки).

Для проверки был заложен разведочный раскоп и два стратиграфических шурфа примерно у середины северного края тепе (на площади 15 × 13 м). Раскопки показали, что памятник двухслойный. В его основании лежит архитектурный комплекс, охваченный внешней паховой стеной, наружная грань которой следует к подолу с заметным скосом. Стены внутренней застройки, попавшие в шурф, также паховые, они сохранились в высоту на 2,5 м. Наличие фрагментов античной красноангобированной керамики — стенок и донца кубков, тонкостенных чаш — позволяет отнести датировку этих построек к первым векам нашей эры. Затем следовал слой, свидетельствующий о периоде упадка, а над руинами разрушенных стен и заполненных глиной помещений была осуществлена нивелировка и возведены новые строения. От них на раскопочной площадке сохранились остатки срезанных бульдозером стен высотой до 40—50 см, сложенных из прямоугольного сырца (размеры: от 52 × 22 × 8 см до 48 × 26 × 8 см); глинобитный пол; небольшой прямоугольный очаг на суфе; коридор шириной 1,3 м. Подземный материал пред-

Рис. 2. Алламыштепе. Раскоп на северо-восточном участке; разрез с севера на юг; шурф-2, развертка; план тепе; керамика из нижнего слоя.

1 — плотный завал с кусками кирпичи; 2 — завал сырца с фрагментами гачевой штукатурки; 3 — сырцовая кладка; 4 — плотный слой слезжавшихся омырых кирпичей; 5 — паховая кладка; 6 — плотный завал пахсы; 7 — рыхлый слой земли — отвал бульдозера; 8 — комокват глина опыла пахсы и сырца с включениями фрагментов керамики; 9 — сырцовая кладка с кусками пахсы

ставлен многочисленными фрагментами грубоватой, толстостенной керамики сероватого черепка, со светлым ангобом — в основном от хумов и больших кувшинов, последние — с потеками бурой краски. Все они характерны для VI—VIII вв. Уточняет датировку сильно окисленная медная согдийская монета с квадратным отверстием.

Алчинтепе. Колхоз «Акдарья» Акдарьинского района. Имеет прямоугольный план (158×132 м), цитадель в северо-восточном углу (понизу — 60×70 м, поверху — 25×28 м, высота — до 15 м). На западе и юге тепе ограничено грядой бугров, возможно, первоначально носивших фортификационное назначение, затем занятых жилой застройкой. В юго-восточной части поселения, судя по рельефу,

вероятно, находились ворота — здесь выделяется привратная башня. Бугор, занятый под кладбище, имеет на юге пандус подъема. По периметру поселение окружено современным арыком. Подъемный керамический материал представлен черепками хорошего качества с красным лощением, следовательно, в основе памятник, очевидно, восходит к эпохе античности.

Кызыртепе. Колхоз «Янгиабат» Каттакурганского района, близ правого берега Акдарьи. Округлый холм диаметром 25—27 м, высотой до 4,5 м, поросший травой. На срезах у основания собрана керамика античного времени — фрагменты чаш, мисок, горшков, в большинстве тонкостенных. Плотный красноватый черепок (иногда с перекалом в изло-

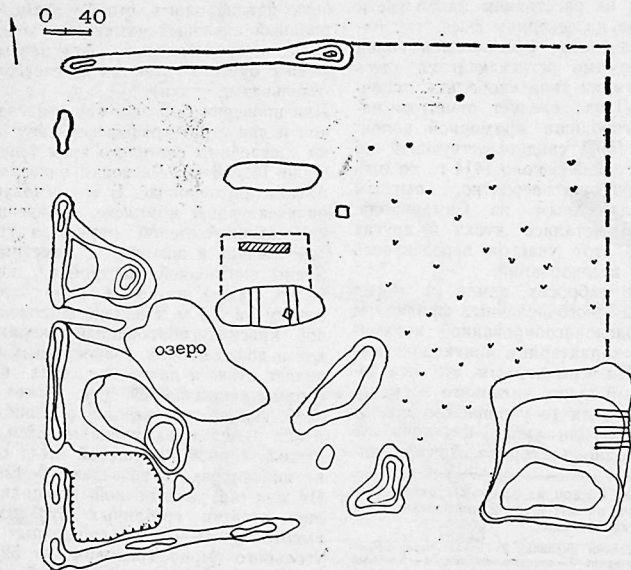

Рис. 3. Умараминтепе. План.

ме), ангоб красный, красный и черный, чер-
ный. Формы грубей, чем в крупных городах
античного Согда (Афрасиаб, Кумышкент), но
в общем входят в единый с ними типологиче-
ский комплекс и могут быть датированы пер-
выми веками нашей эры.

Кызылартепе — античная усадьба состоятель-
ного, судя по составу керамики городского
производства, владельца, близ которой на
распаханной ныне территории, возможно,
было селение.

Умараминтепе. Городище находится близ
райцентра Хатырчи на землях колхоза им.
К. Маркса. Оно привлекло внимание при пер-
вичном обследовании в 1973 г. находками
фрагментов античной керамики (102). Внача-
ле были сделаны зачистки обрывов на внеш-
ней стене и на одном из бугров внутри о-
граждений. Работы возобновлены в 1976—
1977 гг. с постановкой разведочных раскопок
на возвышенной угловой части городища,
близрасположенном разрезе стены, а также
на холме подквадратного очертания, находив-
шемся в центре Умараминтепе.

Умараминтепе (Умарамантепе) расположено в
низменной зоне правобережья Карадарьи
близ слияния ее с Акдарьей, то есть в преде-
лах Мианкаля. Оно имеет прямоугольный
план (400×250 м) и ориентировано по линии
север-юг. На отдельных отрезках сохрани-
лись валы окружавших город стен, с восточ-
ной стороны они почти полностью распаханы.
В юго-восточном углу выделяется возвышен-
ный массив, вероятно, цитадель. Внутри пря-
моугольника стен — бугры былой застройки,
в центре городища — водоем, наполняемый
свежей водой из подземного источника. В на-
стоящее время из-за близости подпочвенных
вод земли городища сильно засолены и пото-
му не использованы под распаху, лишь
посредине построена птицеферма. Возможно,
что наличие водоема и послужило в древнос-
ти причиной выбора данного места для осно-
вания города. Вокруг стен, судя по микро-

рельефу, проходил ров, но башен, кроме уг-
ловых, очевидно, не было.

На двух участках разрезанной промоиной
стен были осуществлены зачистки*. Устано-
влено, что западная стена возведена на мате-
риковом лессе, достигая 10 м у подошвы, где
выделена отмыткой из небольших галек.
Кладка стены представляет собой сплошной
массив пахсы. В разрез попало пространство
коридора или каземата пролетом 1,2 м, вверх
на одном из участков стены обнаружено
два сырцовых кирпича размерами 45×45×
14 см — возможно, здесь начинался свод,
впоследствии рухнувший. Выше следует
пласт битой глины, где также в разрез попа-
ла кладка из сырца (45×40×12 см).

В срезе близ северо-восточного угла ограж-
дений структура стены несколько иная. Стена
сохранилась здесь лишь на высоту 2,5 м. На
материковом лессе возвышается часть стены
толщиной до 2,5 м, от которой внутрь города
на 1,3 м отходит «язык» ее основания высо-
той 60—70 см, на нем — забутовочная масса
из глины зеленоватого цвета с песком и галь-
кой, которую, очевидно, брали из рва или
расположенного неподалеку в древности ка-
нала. Вплотную к этой своего рода платфор-
ме примыкает четырехметровая по толщине
внутренняя стена, возведенная из сероватого
сырца размерами 37×?×12 см с толстыми
швами (3—5 см) из глины более темного цве-
та. Изнутри города к этой стене в 35 см
выше ее подошвы примыкает отмытка из бу-
лыжника, поверх которой, спускаясь на го-
родскую территорию, лежит рыхлый слой за-
дернованной поверху глины — возможно,
продукт многовекового разрушения стены.

Описанный разрез позволяет сделать следу-
ющие выводы: либо вначале была возведена
пахсовая стена с проходившей вдоль нее до-
рожкой для стрелков («язык»), затем парал-
лельно — сырцовая, а дорожка преобразова-
на в боевой каземат, который на заключи-
тельном этапе существования города был за-
бутован глиной; либо обе стены сооружены
одновременно, но одна выведена из пахсы, а
другая — из сырца, между ними был каземат
или внутрисстенный коридор.

* Раскопки на Умараминтепе осуществлялись под
руководством автора: в 1976 г. — Т. Беляевой, в 1977 г.
— Б. А. Тургуновым при участии А. Маликша, Ш. Зап-
парова, А. Исламова.

На самой возвышенной части (10×10 м) и примыкающем шлейфе наверху предполагаемой цитадели был заложен на площади 12×6 м раскоп Ум-3. Разница отметок здесь 1,5 м. Вскрытия велись на глубине от 0,6 до 1,2 м. Выявлены обрывки паховых стен, от трех до пяти примыкающих к ним наслоений комковатой глины — вероятно, остатки лег-

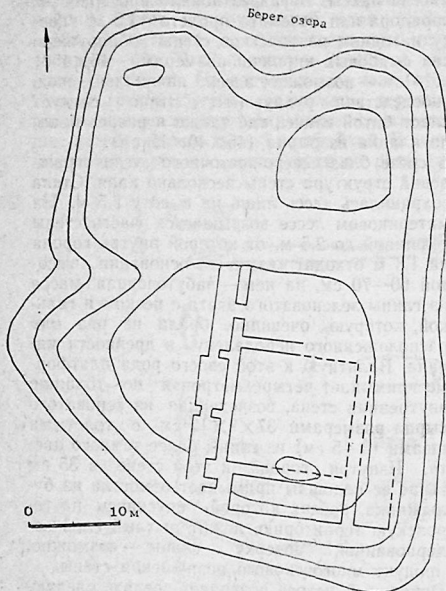

Рис. 4. Умараминтепе. Объект Ум-4, план вскрытых помещений.

ких глинокаркасных строений. Четкой планировки нет. В заполнении глины — три куса зернотерок, в верхнем раскопе — множество речной гальки. Керамика представлена большим числом фрагментов, однотипных в верхнем и нижнем раскопах. Многочисленны фрагменты лепной керамики (котлы, горшки, крышки) с большой примесью дресвы,

сероглиняные или с темным перекалом черепка и буро-красным ангобом. Горшки, миски, кувшины станковой работы, тяжелого коричневатого черепка, снаружи — со светлым, иногда красным ангобом, некоторые без него. Керамика — местная, провинциальная, — восходит к VI—VII вв. Аналогичные фрагменты встречаются на расположенном с восточной стороны Умараминтепе раннесредневековом тепе «столового» типа, подпрямоугольном в плане, по-видимому, оставшемся от небольшого селения доаравского Согда, с которым связаны и верхние напластования Ум-3.

Раскопки были приостановлены, поскольку изучение античной основы потребовало бы сноса вышележащих раннесредневековых пластов. Но античная основа здесь несомненна: во-первых, весь бугор вписывается в общий прямоугольник древней фортификации; во-вторых, при срезе бульдозером его обращенного внутрь города ослыва были выброшены фрагменты античной керамики — тонкостенных кубков на полокониических ножках, двух оригинальных сосудов — сфероконического и овоидального с двумя малыми отверстиями по оси (оба темно-красного черепка, покрытые густо-красным ангобом) и др.

В городище на одном из бугров, лежащем близ птицефермы и прорезанном современной траншеей, была осуществлена зачистка последней и вырыты углубления, что дало выразительный стратиграфический разрез Ум-1. Толщина культурного слоя достигает здесь 3,2 м. Над материковым лессом лежит слой глины в 0,8—1 м с керамикой и другими остатками. Над ним было возведено многокомнатное здание с паховыми стенами и глинобитными полами. В разрез попали стены по крайней мере четырех помещений и хозяйственный дворик длиной до 10 м с зольными и иными хозяйственными завалами. Дом со временем подвергался некоторым перестройкам. На 35 см выше первого пола лежит второй пол. Над ним — линза надувного песка, свидетельствующая об этапе запустения дома. Позже дом был восстановлен. Появился новый пол (на 1,15 м выше первоначального).

чалного) и осуществлены планировочные изменения — в разрезе обнаружена поперечная стена данного периода, которой ранее не было.

Керамические комплексы (фрагменты чаш, кувшинов, бокалов) из всех стратиграфических уровней не имеют существенных отличий. В составе их много тонкостенных красноглиняных фрагментов, иногда с черным покрытием. Встречаются кубки и бокалы на низкой или высокой конусовидной подставной ножках.

Широкий раскоп Ум-4 был осуществлен на большом холме к западу от городского водоема, где угадывались контуры подквадратного здания. Размеры холма: 55×40 м поверху, 60×50 м у подошвы, высота — 2–2,5 м. Он почти плоский наверху, лишь с некоторым повышением в южной половине. Ориентация, как и у стен города, почти по сторонам света, с небольшим отклонением на северо-восток.

Раскоп глубиной в среднем 2 м заложен в западной половине на площади до 300 кв. м. Примерно наполовину выявлено центральное помещение, на одной из стен которого оказалась алтарного типа ниша с выступающей площадкой. Размеры окружающих его прямоугольных помещений различны. С западной стороны их три (помещение № 1 — 8×3,4 м; № 2 — 6,2×3,4 м; № 3 — 6,5×2,25 м). Они представляют собой анфиладу. Между ними и центральным залом — два параллельных помещения, одно из которых (№ 4) имеет длину 13,8 м — возможно, это отрезок коридора, огораживающего зал, так как такого рода продолговатые помещения обнаружены также с северной и восточной сторон. Стены здания сложены из блочной пахсы, без нарезки швов, имеющих неровные очертания, видимо, в силу вековых деформаций. Кладка пахсы — со скосом граней, благодаря чему в уровне полов пролет помещений заметно сужен по сравнению с верхними участками стен. Толщина стен у основания от 1,2 до 1,59 м, а на двухметровой высоте — от 0,8 до 1,5 м. Они обмазаны желтоватой глиной. Наличие двух уровней полов, отделенных

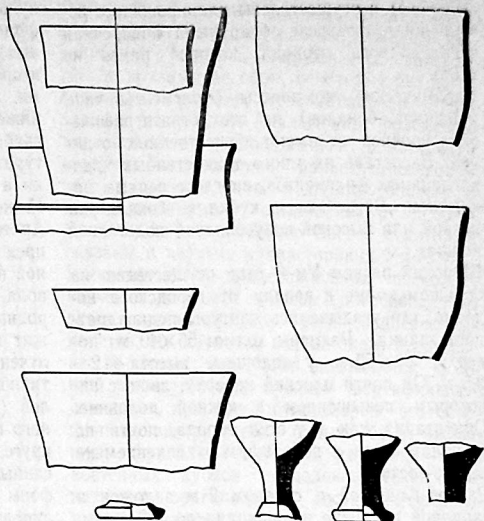
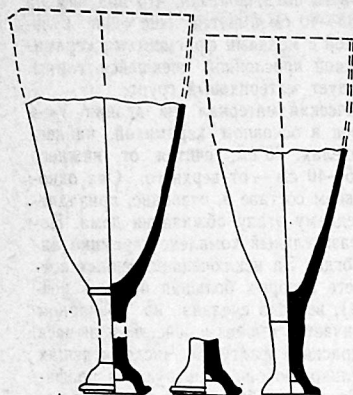
культурным слоем толщиной 35 см (глина с фрагментами керамики, костями животных), указывает на два периода, из которых второй связан с ремонтом или перестройками. Стратиграфический шурф, опущенный ниже первого пола, показал, что под ним на глубине 35–40 см имеется еще один культурный слой с мелкими фрагментами керамики и красной прослойкой спекшейся глины. Ниже следует материковый грунт.

Археологический материал из здания Ум-4 представлен в основном керамикой, найденной в пределах 70 см, считая от нижнего пола, в 35–40 см — от верхнего. Она однородна в своем составе и, очевидно, принадлежит последнему этапу обживания дома. Получен выразительный комплекс керамики античного Согда. За исключением лепных котлов (в тесте которых большая примесь речного песка), вся она сделана на гончарном круге, отличается высоким качеством вымеса глины и красивой фактурой. Число ведущих форм невелико, но они варьируют в профилировке. Среди них бокалы со стройным резервуаром на малустойчивой высокой ножке; кубки с широким яйцевидным резервуаром на плоско срезанном донце или полокочнической профилированной ножке; чаши и фиалы обычно с плоским донцем, стенками плавными или с надломом, венчиком вогнутым или с оттянутым бортиком; кувшины с невысокой горловиной, иногда небольшими уплощенными в сечении ручками и плоским дном; горшки также плоскодонные, с широкой и невысокой горловиной и рельефным венчиком; хумы, закранный которых имеют вид сплюснутого вала с выемом при переходе к отлому плечу.

Тесто сосудов, в основном, красное (различных оттенков — от почти розового до коричневого). Поверхность обычно покрыта красным ангобом (также разных оттенков), поверх него нередко наносился еще и черный ангоб (от черно-коричневого до дымчато-серого оттенка). На горшках он накладывался почти по всей поверхности, на чашах и кубках — широкой полосой в верхней трети. На бокалах и кубках иногда имеется вертикаль-

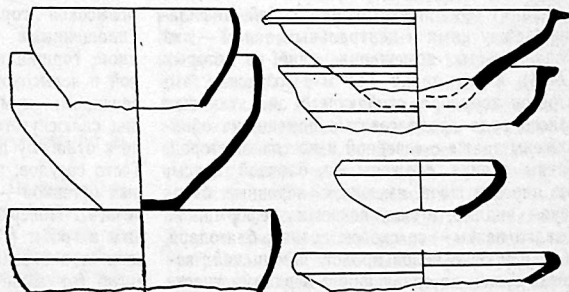
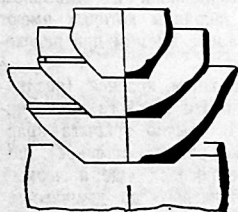
A

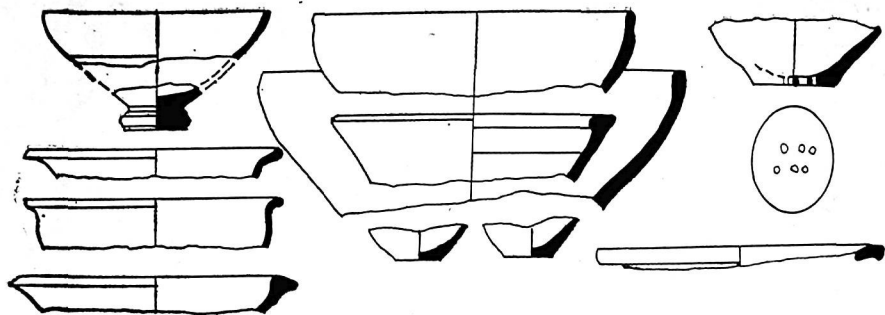
0 1 5 10 cm

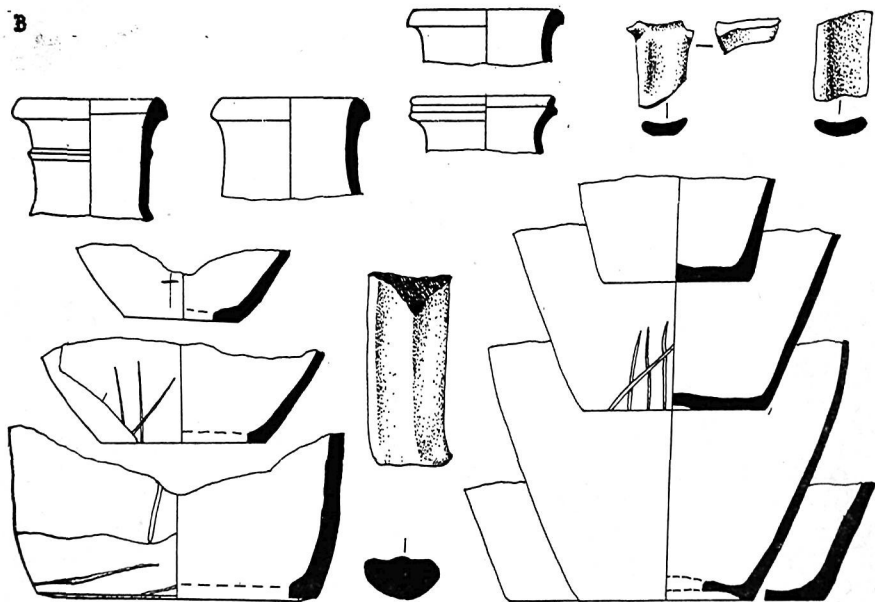
B

0 1 5 10 cm

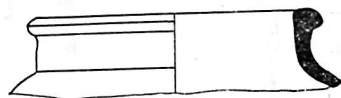
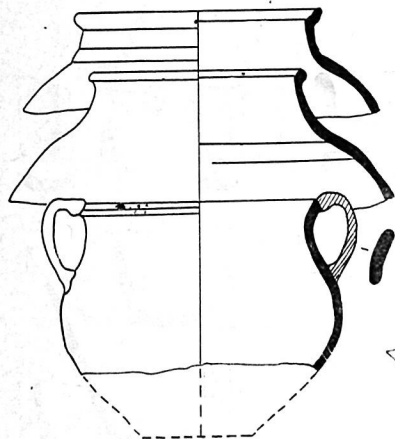
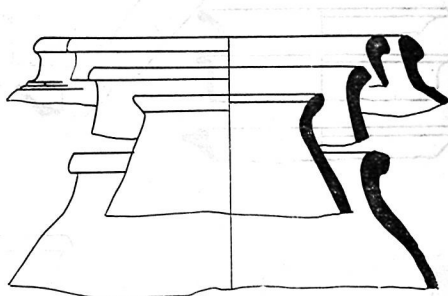
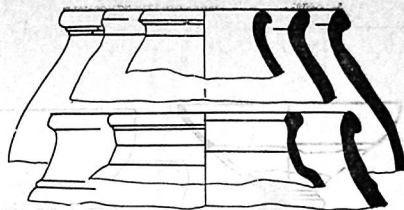
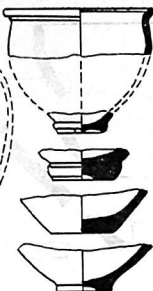
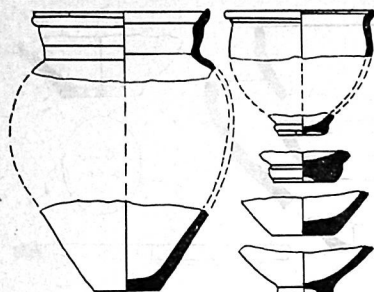

B

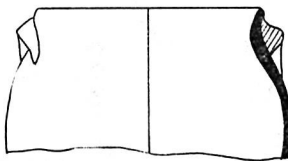
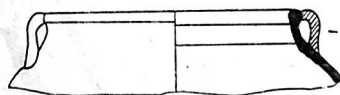

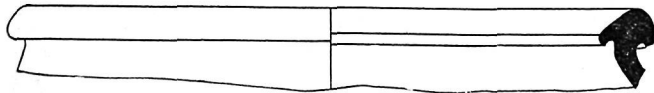
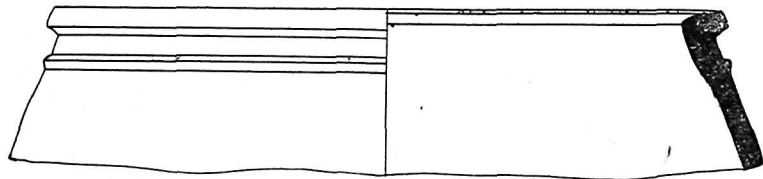
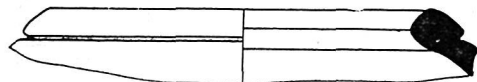
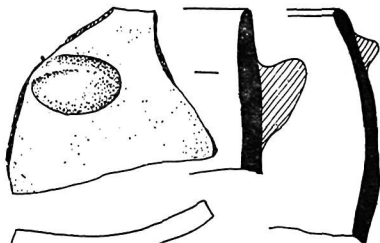
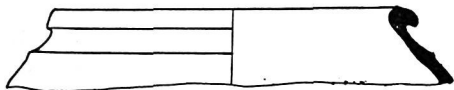
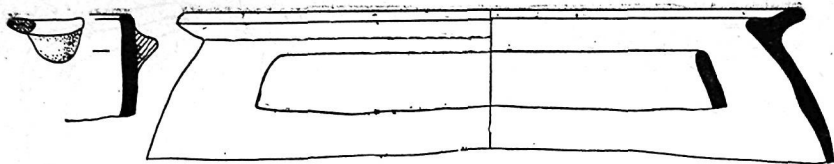
Г

01 5 10 cm

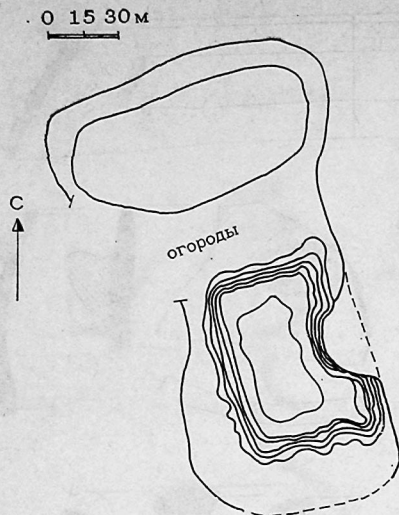

Д

E

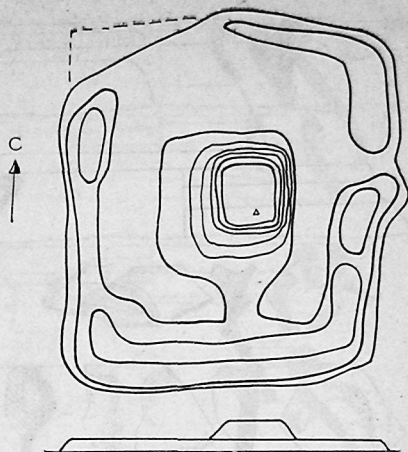

но-полосчатое лощение. На некоторых фрагментах отмечены процарапанные еще до обжига фигурные знаки.

В числе прочих находок — каменная терка с залощенной до блеска рабочей частью и две небольшие ромбовидные гальки.

По ряду причин в последующие годы работы на Умараминтепе не были продолжены и раскоп Ум-4 остался незавершенным. Между тем, он дает интересный вариант планировки того характерного для среднеазиатской античности типа зданий, который мы именуем «зал в обводе кулуара и помещений». По назначению это был, несомненно, жилой дом состоятельного горожанина. Об этом свидетельствует наличие керамики, зернотерок, кухонных остатков.

По сопоставлению со стратиграфической колонкой Афрасиаба и Кумышкенттепе, комп-

лекс керамики из дома Ум-4 относится к I в. до н. э. — II в. н. э., но окончательная датировка еще требует уточнений.

Еще на трех памятниках античного времени — Кумышкенттепе и Кургантепе, которые были объектами стационарных раскопочных работ, и на Булак-баши — мы остановимся позднее.

Переходя к рассмотрению памятников раннего средневековья, отметим, что они преобладают на Мианкальской островной зоне, реже встречаются на территории, лежащей севернее Акдарьи. Это так называемый тип «тепе со шлейфом» (или «тепе с площадкой»), для которого характерно наличие крутого бугра подпрямоугольной формы бывшего замка-кешка и примыкающего к нему значительно меньшего по высоте поселения со столь плотной застройкой, что она обычно образует единый массив. И специфическая форма, и строительные приемы, и подъемная керамика, а иногда и монетные находки позволяют отнести их к VI — началу VIII в., хотя некоторые, возможно, имеют более древнюю основу, а другие использовались и в пору развитого средневековья. Памятники данной ка-

Рис. 5. Умараминтепе. Ум-4. Керамика: А — бокалы и кубки; Б — чашки и миски; В — кувшины; Г — горшки; Д — котлы; Е — хумы.

всхолмление
с мазаром

поля

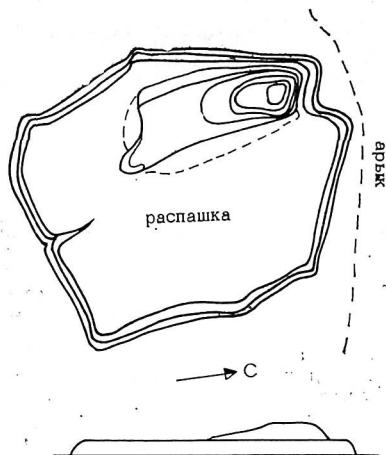
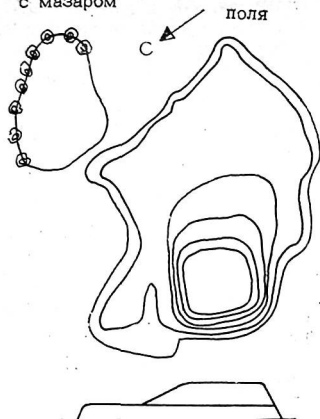

Рис. 6. Раннесредневековые поселения:

а — Актепе; б — Чашматепе; в — Исабайтепе; г — Явйтепе.

тегории, на которых удалось получить подъемную керамику и проследить приемы строительной техники, составляют 90% исследованных пунктов. По сравнению с античной керамика из этих памятников отличается известным огрублением форм, имеет, в основном, светлоангобное покрытие, верх крупных сосудов покрыт красноватой или бурой красками, потеками стекающими по тулову. Стандарта размеров поселений и кешков не наблюдается. Площадь кешков колеблется от 0,7 до 3,5 га, высота — от 8 до 18 м — обычно они приподняты на массивной глинобитной платформе (это спасло их от разрушения). Размеры построек, очевидно, отражают степень состоятельности землевладельцев-дихкан.

Приведем описание наиболее характерных памятников этой категории, на одном из которых — Чуянчитепе — были осуществлены разведочные раскопки.

Чарвактепе — близ Лонша, Акдарьинский район. Представляет собой кешк высотой до 12—13 метров, размеры его в плане — около

45×45 м сверху, 65×55 м — у основания. По трем фасам местами он сохранил контуры первоначальных стен, выведенных со скосом до 18—20°. Кладки выполнены из пахсы и сырца и оштукатурены глиной. Вырытые местными жителями пещеры позволяют судить о характере выкладки платформы кешка: три ряда пахсы толщиной 1,1—1,2 м при высоте 1—1,05 м; четвертый ряд — 80 см, над ним — 5 рядов сырцовых кладки (кирпич размерами 43×26×10 и 48×30×9—10 см), выше — опять пахса. В углах платформы были отсеки коридоров или казематы. Один из них обнажился на западном фасе — здесь в нижнем уровне было помещение пролетом 2—2,24 м, перекрытое сводом (сохранилось скругление у пят, выше свод разрушен); на каком-то этапе оно было заложено сырцом (40×?×9 см) и забутовано глиной. В северо-западном углу, но уже во втором ярусе, также выявлено какое-то помещение пролетом 2,1 м, где сохранился участок свода от-

резками (сырец размерами $40 \times 26 \times 9$ см). Он также забутован сырцом, но не на полную высоту; сверху здесь видны радиальные забежные ступени лестницы, которая вела, очевидно, на крышу замка. Пространство у подножия кешка было занято поселением (170×140 м). Ныне здесь кладбище.

Актепе — у одноименного селения в Иштиханском районе, в колхозе им. Ленина. Тепе сильно уменьшилось в размерах, особенно с южной и западной сторон, где брали глину; в настоящее время окружено огородами. По словам жителей, к северу от него некогда располагалось озеро (каменистое дно его видно и сейчас), а на верху тепе был колодец, контуры которого просматриваются в срезе. От кешка сохранилось высокое тепе, продолговатое в плане (84×62 м понизу, 66×40 м поверху, высота 10 м), вокруг него — остатки поселения, которые в северном направлении имеют протяженность до 90 м. Строительный материал — пахса, но, по словам местных жителей, местами здесь расчищались кладки из крупного прямоугольного сырцового кирпича. Керамический материал VI—VIII вв. — хозяйственные сосуды с дресвой в черепке и черным перекалом в изломе, светлоокраженные фрагменты с потеками черной краски.

Явтепе — близ кишлака Явы Каттакурганского района. Укрепленное селение, подпрямоугольное в юго-восточной части, с изломами контура в северо-западной. По периметру было обнесено стеной. Размеры: с севера на юг — до 150 м, с запада на восток — до 120 м, высота от уровня полей около 5—6 м. В северо-западной части поднимается на высоту в 7,5 м кешк со шлейфом. С восточной стороны он срезан, видна кладка — три ряда пахсы (высота рядов 40 см) перемежаются с одним рядом сырца, уложенного тычком ($? \times 33 \times 9$). На другом участке зачищена кладка из сырца ($40 \times ? \times 9$ см); между кладками — культурный слой, содержащий рыхлую глину, золу, фрагменты керамики.

Эта керамика, как и собранная на тепе и вспаханном вокруг него поле, — безглазурная, характерная для VI—VIII вв. Таковы

черепки со светлым ангобом и потеками черной краски, петьельчатые ручки от кружек и тагора, горшки со сложнопрофилированными венчиками. Сосуды, за исключением хумов и котлов, сделаны на гончарном круге, в тесте котлов — большая примесь дресвы. Хумы — из грубого теста, снаружи светлый или черный ангоб, закраины их отлогие или в виде выпуклого венчика, примятого пальцами рельефной «волной». Более поздних археологических материалов не встречено.

Исабайтепе — близ кишлака Исабай того же колхоза. Тепе частью срезано, особенно в северном отделе. Размеры — около 150×100 м. Ориентировано по линии север — юг. С западной стороны — возвышенное укрепление или кешк (40×40 м поверху) со шлейфом, спускающимся к центру поселения. Последнее обнесено стеной; по восточному фасу на углах и посредине в микрорельефе видны башни. Высота поселения 5,5 м, кешк возвышается еще на 7,5 м. За северо-восточным углом, среди полей — нераспаханное всхолмление с мазаром, обсаженное деревьями.

Все Исабайтепе густо поросло травой и кустарником, подъемный материал на нем собрать невозможно. На вспаханном поле найдены черепки безглазурной раннесредневековой керамики, которая, как и тип памятника, ставит его датировку в тех же, что и Явтепе, хронологических рамках — VI—VIII вв.

Чашматепе — у кишлака Чашма в колхозе им. Ленина Каттакурганского района. Подквадратное в плане (180×150 м), ориентировано по сторонам света. Окружено стеной, с восточной стороны — ворота с выступом башни. В центре — высокий кешк размерами 30×30 м вверх, около 70×70 м вниз, высота до 13 м от пониженного внутреннего пространства поселения. Застройка последнего была сосредоточена вдоль стен. Чашматепе густо поросло травой, но на поле вокруг него попадают фрагменты безглазурной керамики VI—VIII вв. Расположенное вблизи функционировавшее кладбище с небольшим тепе посредине — позднее по времени, археологических остатков на нем не обнаружено.

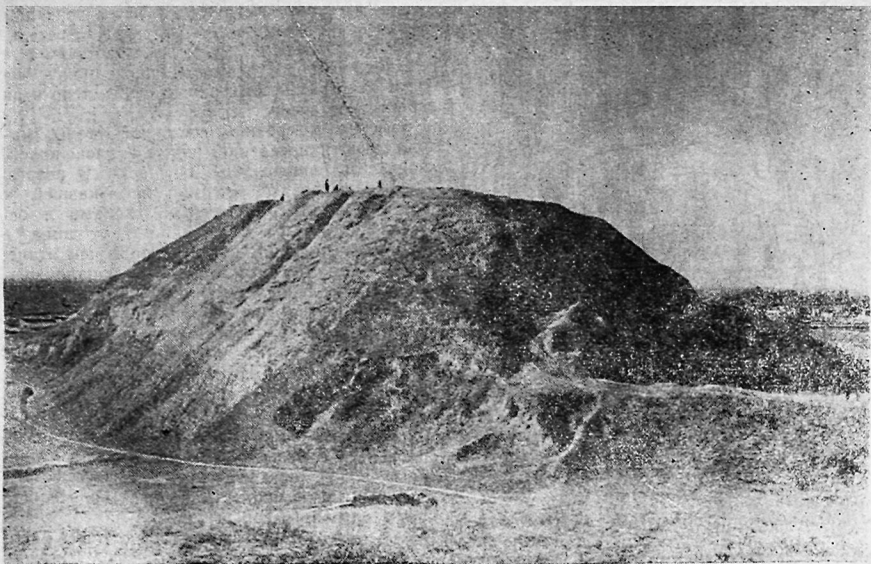

Рис. 7. Чуянчитепе. Общий вид.

Чуянчитепе — в Каттакурганском районе. Памятник осмотрен нами в 1961 г., в 1962 г. на нем проведены разведочные раскопки с участием Д. Г. Зильпер и Э. В. Ртвеладзе. Чуянчитепе представляет собой остатки крупной дикханской раннесредневековой усадьбы. Ориентировано по линии юг — север, размеры — около 170×150 м. От крепостной стены, которой было обнесено тепе, сохранился лишь оплывший вал. В рельефе видны всхолмления башен. В трех местах они еще сохранили свою полукруглую форму, но в основном разрушены, так как при распахке окружающих полей их подкапывали у основания. Въезд находился с южной стороны: здесь выделяется выступ стены, очевидно, обеспечивающий защиту крепостных ворот. В центре усадьбы высится подквадратный

кешк «столового типа» с горизонтальной поверхностью (30×30 м) и крутыми гранями (40×35 м) у подошвы. К северу от него выделяется понижение — продолговатая площадь или двор (80×35 м), к обводным стенам следует заметное повышение рельефа (до 5 м от нижней отметки «двора»), где погребена бывшая застройка.

Кешк местами обрыт, кроме того, в нем устроены глубокие штольни, где жители держали скот. В них видна система кладки из сырца размерами $47 \times 32 \times 7$ см и $41 \times 43 \times 9$ см, местами — комбинированная кладка: четыре чередующихся ряда кирпичей и пластов пахсы (толщиной 6—7 см), а затем крупные блоки пахсы (толщиной 60—70 см). Часть наружной стены, выявленная в разрезе, сложена из заглаженных снаружи блоков

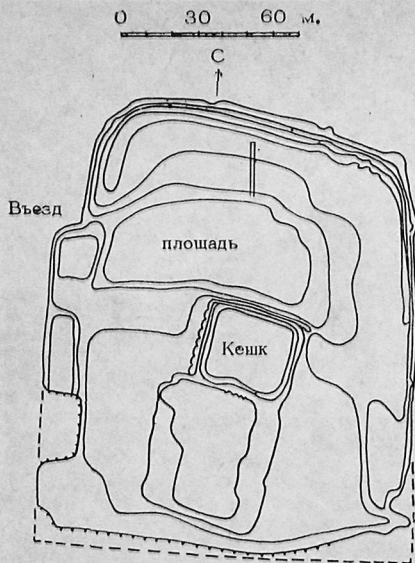

Рис. 8. Чуянчитепе. План.

пахсы толщиной 1,15 м при высоте 65 см. Там, где штольни прорезали помещения, они заполнены глиной оплывов и обвалов стен. В одной штольне — сплошной слой пожараща, следующий наклонно от стен к середине помещения, в двух других прорезаны своды, выведенные наклонными отрезками из кирпича ($47 \times 32 \times 7$ см). В обрезах прилежащего к кешку шлейфа были строений видны остатки кладок из сырца ($42 \times ? \times 10$ см, $40 \times 22 \times 9$ см), сводов, культурные слои с керамикой, местами с кухонными остатками.

Керамика, извлеченная из культурных слоев кешка и прилежащей застройки, типична для VI—VIII вв.: толстостенные фрагменты с потеками черной краски, сосуды с нестойким

жирным красным ангобом, горшок с примесью дровы в черепке с отлогим венчиком и носиком-сливом у края, кружки с петельчатыми ручками.

Раскопки на Чуянчитепе проводились на двух участках — на верху главного тепе и на крепостной стене.

Примерно у середины восточной стены, ограждающей поселение, рядом с расположенной здесь башней был осуществлен разрез. Вверху выявлены остатки примыкавшей к стене постройки с паховыми стенами и остатками очага, в заполнении ее — глина с фрагментами керамики. На последнем этапе, после заброса постройки, в нее попало женское захоронение, которое, судя по ориентации и сопровождаемому инвентарю, выполнено не по мусульманскому, а по языческому обряду. Костяк, сильно истлевший, располагался на спине, головою на юго-восток, рядом найдены бытовые предметы — бронзовое зеркало, железные ножницы, бусина.

Ниже пола здания — слой земли средней плотности с культурными остатками: угольками, золой, органическим перегноем, фрагментами керамики. Под ним на границе VI/V ярусов (репер выбран на наиболее высокой точке оплыва крепостной стены) — пол, вымощенный плитками жженого кирпича ($30 \times 21 \times 2,5$ см). На нем обнаружена сильно окисленная медная согдийская монета с квадратным отверстием. С восточной стороны разреза пол ограничивает плотная паховая кладка — это и есть внутренняя грань крепостной стены. Она продолжается ниже, в то время как под кирпичной вымосткой пола следует культурный слой средней плотности с включениями керамики. В нем, в частности, обнаружен крупный, потрескавшийся от времени хум (высота 1,2 м, диаметр горла — 15 см) — круглый, с подкосом над днищем (для вкапывания в землю), на поверхности его — потеки темной краски.

Толщина паховой кладки стены — 4,8 м, далее в разрез попал коридор шириной 1,08 м, который ограничивается внешней стеной шириной 1,4 м. Таким образом, общая толщина стены на данном уровне (у подшова, учтены

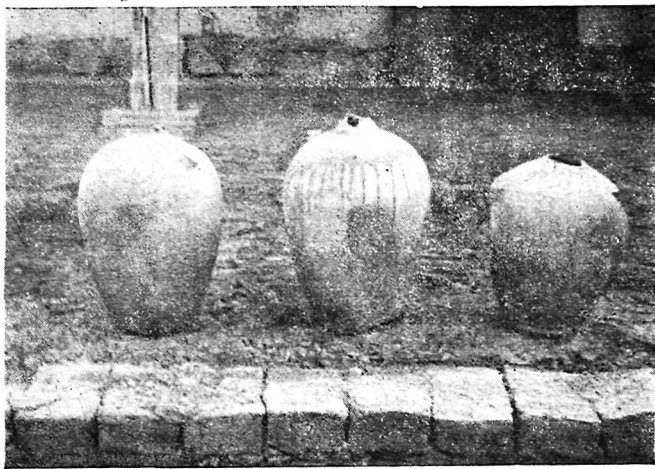

Рис. 9. Чуянчитепе. Кувшины из верхнего здания.

вая скос пахсовой кладки, она больше) равна 7,3 м.

На западной стене, где сейчас осуществляется подъем на Чуянчитепе, жителями была вырыта штольня, обнажившая продольно идущее помещение — очевидно, внутрстенный коридор или каземат первого яруса, перекрытый коробовым сводом. Пролет его равен 3,3 м, вначале он выведен в четыре горизонтальных ряда сырцовых кирпичей с постепенным их скосом, далее в три кирпича отрезками, а в замке свод заклинивается горизонтальным со скосом граней кирпичом. Изнутри — глиняная штукатурка, корректировавшая профиль свода. Над сводом — горизонтальная выкладка кирпичей. Зачистка башни показала, что она представляла часть дуги (около 120°), но, очевидно, на гребне стены уже имела полукруглую форму. Диаметр у подошвы — 3,8 м. Кладка со скосом (до 26 см на 1 пог. м). На высоте 1,9 м от подошвы башня сложена, а стена облицова-

на рубашкой из сырца ($45-46 \times 23 \times 7-8$ см), выше — пахса.

Четко видны (вместе с описанной выше) три башни. Вторая, полуразрушенная, находится на расстоянии 53 м от первой, и еще одна — на северном фасе в 28 м от северо-восточного угла. Башни были и на углах, и на всех фасах крепостной стены — всхолмления их читаются в рельефе. С северной стороны крутой скат кешка обращен на площадь, вокруг которой амфитеатром следует нарастающий к стенам массив.

Раскоп у крепостной стены дал значительный комплекс фрагментированной керамики VII — начала VIII в., аналогии которой найдены в раннесредневековой керамике Пенджикента и Афрасиаба. Вне укрепленной части былого поселения при распахе земли попадаются фрагменты керамики того же типа. На участке одного из смежных виноградников было обнаружено два крупных растрескавшихся хума.

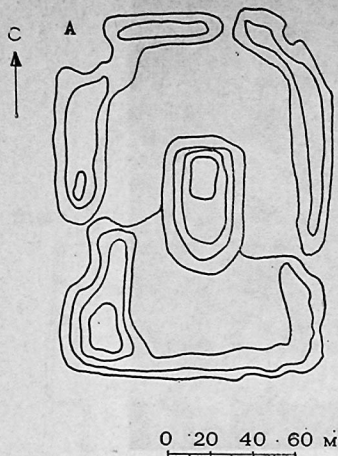

Рис. 10. Иштиханский район. Средневековые городища: А — Чамбилтепе; Б — Караколпактепе; В — Иски-Курган.

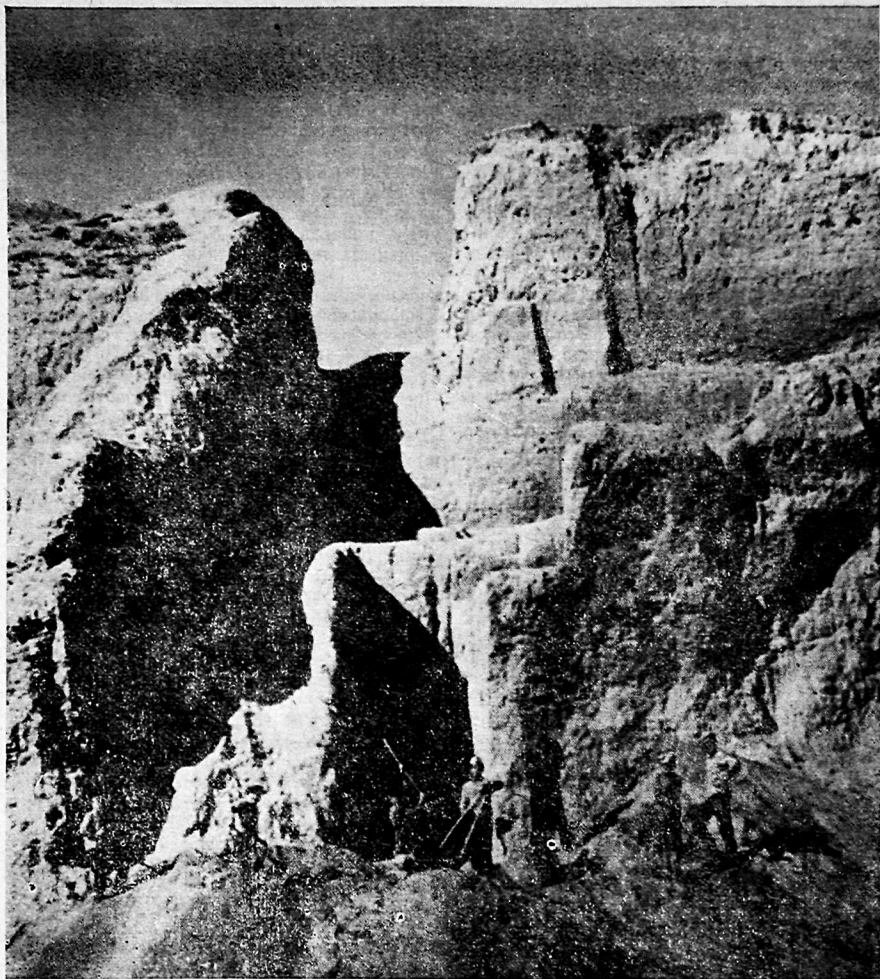
Раскопки на верху кешка выявили 12 помещений, в большинстве лишь частично, так как наружные стены и прилежащие к ним участки комнат ушли под откос. Стены сохранились в высоту на 0,6—1 м. Здание не имело четкого архитектурного плана — расположение комнат было беспорядочным, качество строительства низкое. Стены возведены частично из сырца (46—48×23×8—9 см и 42×21×8—9 см), но преобладала, судя по бесформенно-комковатым кладкам сырцового кирпича, глино-каркасная конструкция, широко практикуемая и в настоящее время в народных постройках Узбекистана: решетчатый или веерный каркас из жердей либо тонкоствольных стоек забутовывается глиняными комями-гуваля. Здание имело бытовое назначение. Об этом свидетельствует наличие многочисленных очажных мест, а также устройство в большинстве помещений узких суф для укладки или установки вещей, и широких — для трапезы и сна.

Время возведения дома определяется благодаря керамическому комплексу. Керамика — преимущественно фрагментированная, безглазурная, черепок желтоватый, ангоб светлый, на плечиках горшков иногда нанесена красноватая краска, стекающая по тулову вниз. В составе сосудов характерны кружки с петельчатыми ручками, кувшины с яйцевидным туловом и вертикально поднимающимися от плеч к горлу ручками. Имеются глазурованные черепки с белой поливой, некоторые — с радиально расположенными зелеными полосами. По классификации афраснабской керамики они могут быть отнесены к IX в. — ни одного фрагмента с коричневой росписью, характерной для керамики X в., не встречено. Имеются немало осколков стекла, прожарившая железная пила-ножовка с остатками деревянной ручки в медной обкладке, благодаря которой частично сохранилось и дерево. Обживание этого дома было непро-

должительным и после заброса не возобновлялось.

Углубление в разных участках под полы этого здания показало, что оно было возведено на сгнившем слое пожара толщиной 0,8—1 м. Видимо, это слой сгоревших деревянных перекрытий, возможно, и колонн верхнего возведенного в облегченных конструкциях этажа кешка. Есть основания полагать, что пожар связан с событиями подавления арабами восстания Муканны, поддерживавшегося старой согдийской знатью. Время создания и функционирования усадьбы Чуянчитепе восходит, судя по археологическим данным (керамика, монеты, характер архитектуры), к VI—VIII вв. Это родовое поместье могущественного дикхана, где (может быть, и не одним поколением) были созданы фамильный замок для семьи феодала и укрепленная усадьба, которая во время войн служила убежищем для подчиненного ему населения сельской округи.

Что касается городищ и селений времени развитого средневековья (IX—XII вв.), то число сохранившихся до наших дней невелико; в большинстве своем они были распаханы. Тем из них, которые еще сохранились, присущи подпрямоугольный план, обычно невысокий вал — оплыв бывших внешних стен — и возвышенное, прямоугольное тепе с крутыми гранями, расположенное посередине или на краю. При более значительных размерах — площадь 1,5—3,5 га (Чамбилтепе и Караколпактепе в Иштиханском районе, Раваттепе и Музонтепе в Пайарыкском) — это, видимо, остатки тех городов Иштиханской и Кушанийской областей, которые упоминаются в средневековых источниках. Другие — площадь 0,5—0,8 га (Безымянное тепе у Тонибека, Чарвактепе у Лоиша, Ташмазар, Паскиратепе и др.) — представляют остатки крупных для своего времени концентрированных селений. Возвышенные тепе на городищах — бывшие цитадели, а в селениях — местные административные центры.

КУМЫШКЕНТТЕПЕ

В 19 км от Самарканда, севернее дороги из него на Каттакурган, пересекающей остров Мианкаль, высятся огромное тепе. Его именуют Катта-Кумышкенттепе, чтобы отличить от другого, небольшого по размерам Кумышкенттепе, расположенного южнее дороги. Последнее особого интереса не представляет, оно задерновано, в обрезах попадают не многочисленные фрагменты безглазурной керамики. Иную картину дает большое тепе, которое для краткости будем именовать без слова «катта». Памятник был осмотрен нами во время рекогносцировочных работ УзИскЭ в 1960 г. (92, с. 57; 94, с. 49—50). Привлекли

внимание его значительная высота (до 15—18 м от подошвы), а также содержательный археологический материал в обрезах граней, где жители постоянно берут глину. Местами замерены сыровые кирпичи ($47 \times ? \times 11$; $44 \times ? \times 12$; $36 \times ? \times 11$ см), кроме того, в выбросах глины и на склонах тепе было собрано большое количество керамических черепков античного типа — тонкостенные бокалы на изящных ножках, чаши-фиалы, плоские донья кувшинов или горшков, причем большинство сосудов было покрыто красным, коричневым или черным ангобом, некоторые с лощением. Уже тогда нами была отмечена перспектив-

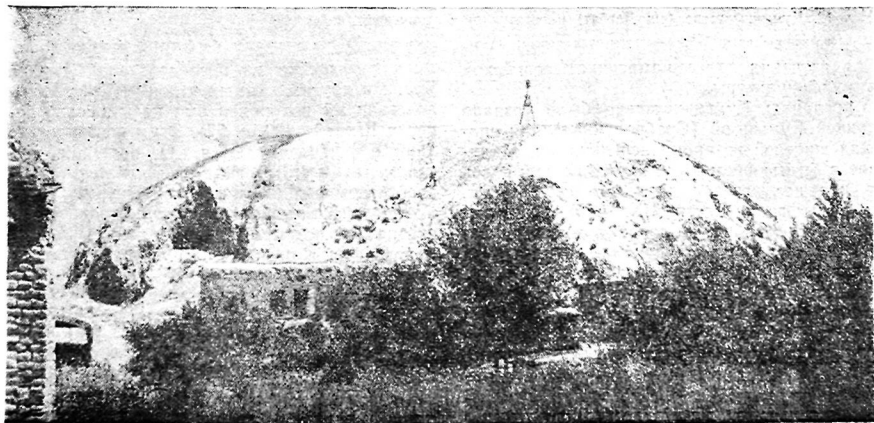

Рис. 11. Кумышкенттепе.

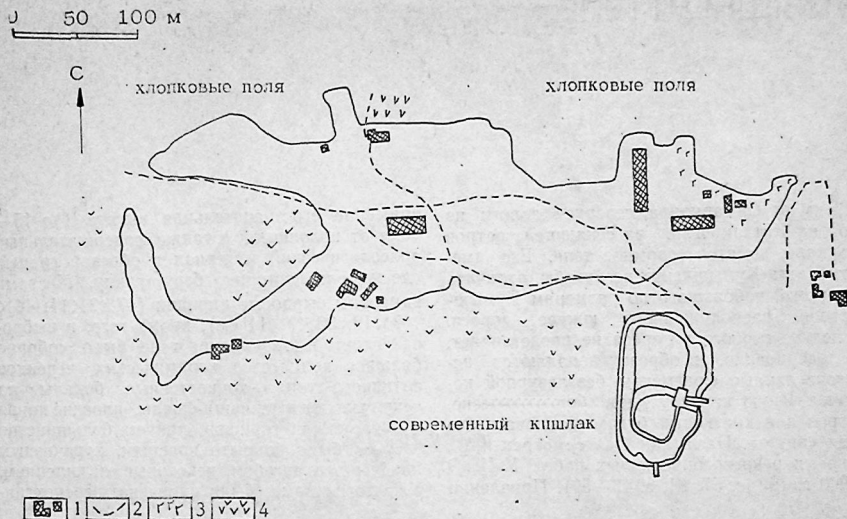

Рис. 12. Кумышкенттепе (с/х Дагбит) и остатки поселения возле него:

1 — современные постройки; 2 — современная дорога; 3 — территория, занятая под кладбище; 4 — бахчевые насаждения.

ность изучения этого памятника согдийской античной культуры.

По преданию, Кумышкенттепе было создано царцей Кумыш-ой (Сребролуная) для спасения жителей во время нередких на Мианкале в былые времена паводковых вод; здесь же для нее возвели дворец. Рассказывают, что в 30-х годах местный житель, копая землю, нашел серебряную головку статуэтки царницы и увез ее в Самарканд. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Исторические данные об этом пункте крайне ограничены. По мнению В. Л. Вяткина, «современное селение Кумышкент существовало уже при последних Чингизидах. Если верить историю Тимура, автору «Зафар-наме», то следует допустить, что окрестности Кумышкента в то время представляли пустынную степь. Здесь находились мазары Али-ата

тюркского шейха из последователей Ахмеда Ясани и других, чтимых и доныне лиц. Впоследствии же похоронен был касымовский царевич Шинай» (29, с. 57). Этим исторические данные и исчерпываются. О прошлом Кумышкента могли свидетельствовать только результаты археологических раскопок.

Изучение Кумышкенттепе осуществлялось по программе под наблюдением автора данной монографии в разные годы при переменном составе участников. В 1961 г. это были Д. Н. Сидорова и Ч. Парманов; в 1962 г. — Д. Н. Сидорова и Э. В. Ртвеладзе; в 1971—1972 гг. — Т. В. Беляева; в 1981 г. — С. А. Савчук.

Главное тело вытянуто с юга на север, размеры его в оплывах у подошвы 120×75 м, сверху — плоская поверхность (80×40 м), с возвышенным квадратом (40×40 м) с южной

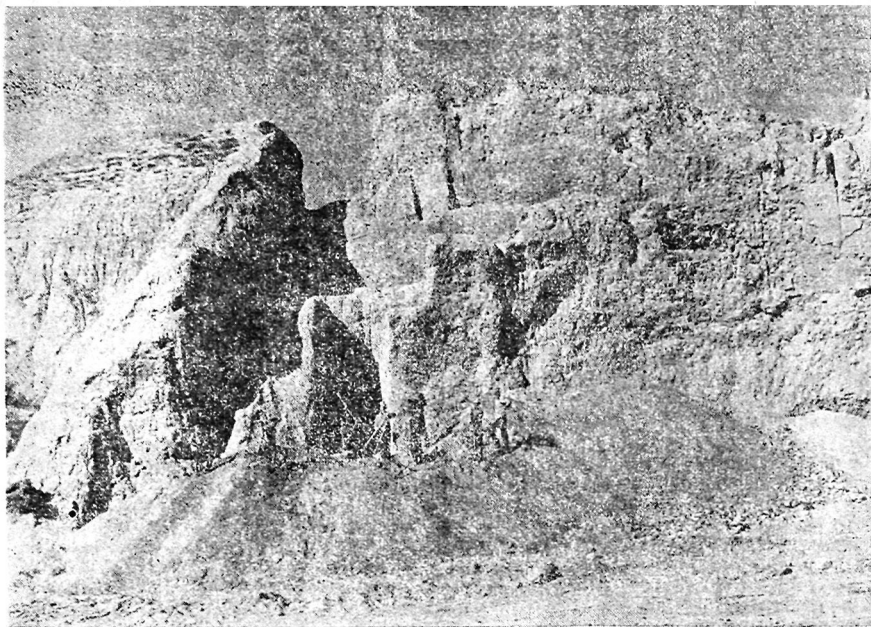

Рис. 13. Кумышкенттепе. Раскопки.

стороны. К северу от тепе на площади примерно 500×140 м имелись всхолмления, ориентированные в западном направлении, сильно изрытые ямами для выемки земли, а кое-где даже застроенные. Двадцать лет спустя от зафиксированного микрорельефа не осталось почти ничего — весь участок был использован под застройку или выем глины. Между тем, в начале 60-х годов при изучении обрывов холмов вокруг главного тепе и содержащейся в них керамики было выявлено три хронологических этапа их использования. Наиболее поздний — XVIII—XIX вв. Для него характерны грубоватые черепки с зеленой или мутно-белой поливой и расте-

кающей росписью то в желто-зеленой, то голубой и марганцевой гамме. Средний этап — X—XII вв. Ему свойственно наличие грубых, видимо, местного производства фрагментов афрасиабской керамики: белофонных — с буквенным орнаментом; с белоангобными узорами на красно-коричневой основе; покрытых голубой глазурью. Нижний слой — основной — античный, с красноглиняной тонкостенной керамикой того же типа, что и на тепе. В числе фрагментов — ножки и стенки красноангобированных кубков, узкого бокала, закраины мисок, часть сероглиняного сосуда.

Основной задачей работ на Кумышкенттепе

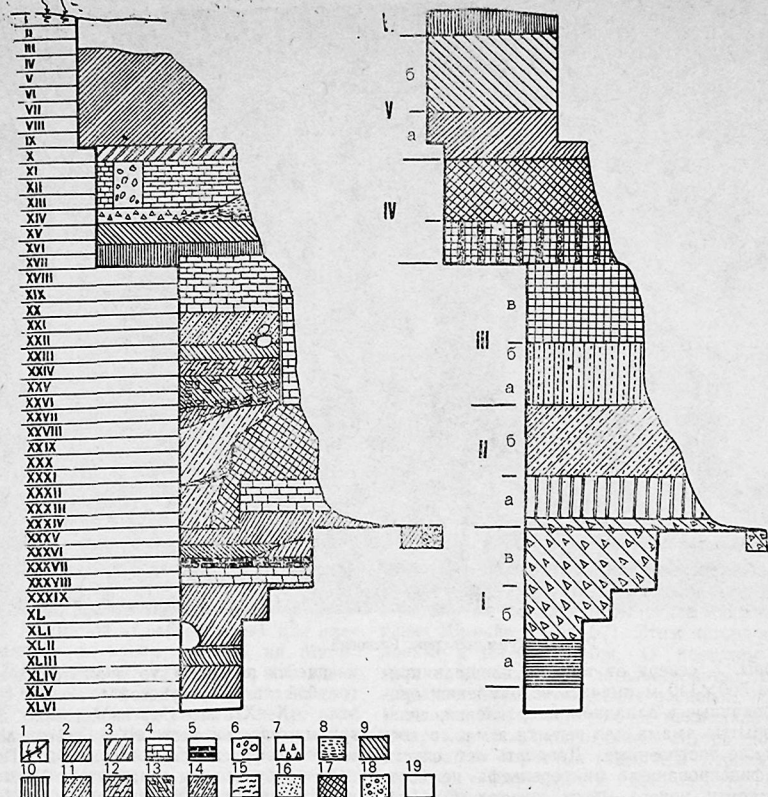

Рис. 14. Кумышкентепе. Разрез Кмш-2 и его стратиграфические горизонты:

1 — дерн; 2 — пахсовая стена; 3 — утрамбованная глина; 4 — кирпичная кладка; 5 — кладка из тоюнной глины; 6 — комковатый завал; 7 — слой с обилием керамики; 8 — натечный слой; 9 — забутовка; 10 — натечный слой с керамикой; 11 — рыхлое заполнение помещений; 12 — плотный слой с керамикой; 13 — завал с кусками сырца; 14 — оплыв пахсовых стен; 15 — скопление керамики в оплыве у стены; 16 — зольник; 17 — желтоватая пахса с включением мелкой гальки; 18 — галька и песок; 19 — материковый лесс.

было выяснение стратиграфии. С этой целью был сделан разрез на восточном склоне, сильно изрытом жителями кишлака.

Разрез Кмш-1 был начат на верху тепе, на участке обнажившейся здесь сырцово-пахсовой стены, которая могла дать стратиграфически четкий горизонт какого-то строения.

Разрез был опущен до подошвы тепе полосой в 1,5 м шириной, большими уступами, которые обеспечивали безопасность работ на склоне и сокращение их объема. Отсчет велся от нулевого репера, выбранного наверху, с регистрацией по полуметровым ярусам. Стратиграфические уровни по мере их выявления обозначались заглавными буквами алфавита и лишь впоследствии, когда раскопки были доведены на другом участке до материка, были пронумерованы снизу вверх. Во время первоначальных раскопок к северу от разреза было начато также вскрытие помещений одного из верхних строений.

В 1971—1972 гг. от уровня пола данных помещений был опущен параллельный первому разрезу Кмш-2, доведенный глубоким шурфом до материка. В целях уточнения местонахождения нижних культурных слоев в 1981 г. в 20 м к югу близ углового поворота был заложен контрольный шурф Кмш-3.

Подытожим полученные в разрезах и шурфах стратиграфические наблюдения, начав с описания Кмш-2. Шифры стратиграфических горизонтов, отмечающих основные хронологические периоды, обозначим римскими цифрами снизу вверх — Кмш-I, Кмш-II и т. д.

В разрезе Кмш-2 материковый грунт начинался на глубине 22 м от верхней точки холма, уходя намного ниже современного уровня прилегающей дороги. Выше следует очень содержательная свита культурных напластований. Стратиграфические слои отмечены здесь появлением новых строительных горизонтов над сnivelированными остатками более ранних строений. Выделяется шесть основных хронологических периодов с выделением в некоторых из них промежуточных этапов.

I период Кмш-I (22—17 м от репера). Он включает два этапа — Кмш-Ia и Кмш-Iб. Вначале над материковым лессом возведена стена или ограда из пахсы, выложенной из желтоватого лесса и зеленоватого тоюна (иловой глины). Кладка сохранилась в высоту на 1,5 м, причем без каких-либо примесей керамики в пахсе, глину для которой брали на необжитой территории; нет их и в прилегающей к кладке земле. На гребне данного

слоя — тонкая прослойка с угольками и костями животных. На новом строительном этапе (Кмш-Iб) стена наращивается пахсой (тоже лессово-тоюнной), но в ней уже есть примесь фрагментов керамики — глину брали из культурного слоя. На верху пахового слоя — кладка из сырца размерами 50×39—40×13 см; сырец лессовый или тоюнный, положенный на тоюнном растворе, обеспечивавшем очень плотную связь рядов.

II период Кмш-II (17—16,5 м). Также содержит два этапа. Более ранний (Кмш-IIa) отмечен новым строительством. Попадавшая в разрез стена основана с отступом на выровненной стене предыдущего периода и выведена из сырца (45×45×10—11 см) на толстых (5 см) промазках из тоюнной глины. Уровень пола — на отметке 17 м.

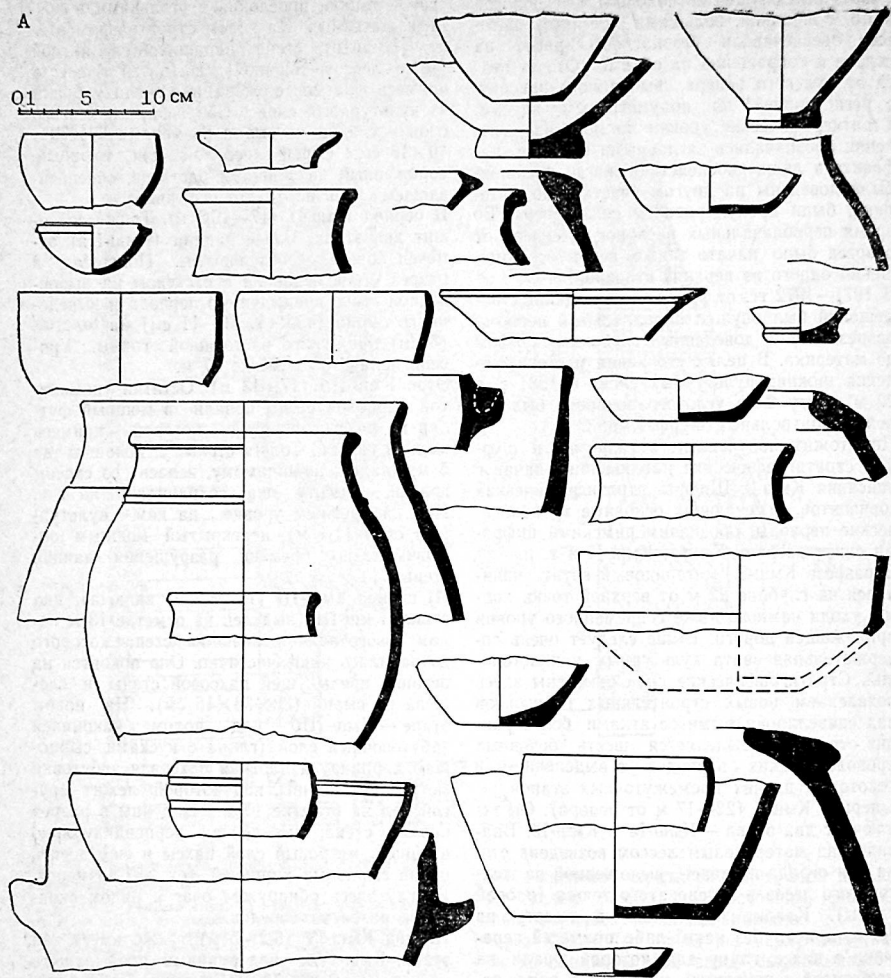
Этап Кмш-IIб (17—13 м). Остатки упомянутой сырьевой стены попали в мощный футляр из пахсы, в глине которой — примесь мелкой гальки. Толща стены у подошвы до 5 м; кладка, по-видимому, велась со скосом граней, в высоту она сохранилась на 4 м. Пол на прежнем уровне, на нем — культурный слой (1,4 м), перекрытый мощным оплывом пахсы времени разрушения данной стены.

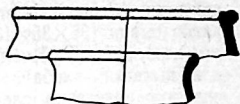
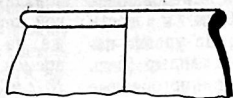
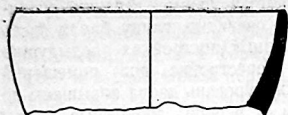
III период Кмш-III (13—8,2 м) включает два этапа. Кмш-IIIa выделен на отметке 13 м полом нового здания, внешняя стена которого сохранилась лишь частично. Она покоится на останке предыдущей паховой стены и сложена из сырца (38×38×15 см). На новом этапе — Кмш-IIIб — над полом накопился забутовочный слой (глина с кусками сырьового кирпичца) и плотная паховая забутовка метровой толщины, над которой лежит другой пол на отметке 11 м. Над ним в разрез попала стена, выведенная перпендикулярно внешней: метровый слой пахсы и еще десять рядов сырьовых кирпичей тех же размеров. В углу здесь обнаружен очаг и рядом скопление разбитых сосудов.

Период Кмш-IV (8,2—5 м) также имеет два этапа. Кмш-IVa: над руинами предыдущего здания на высоте 50 см осуществлена нивелировка, над ней — полуметровая паховая

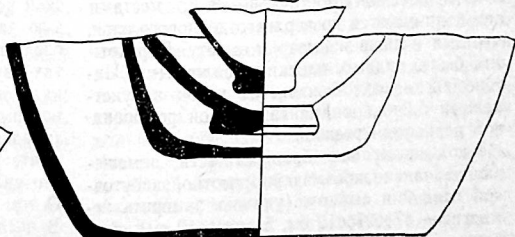
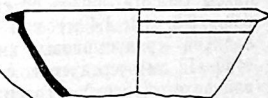
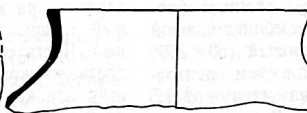
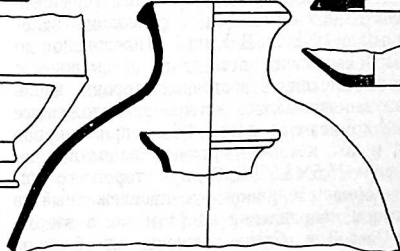
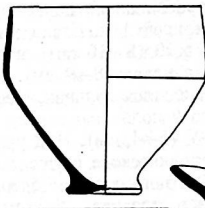
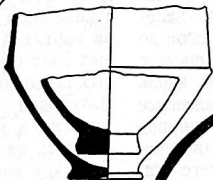
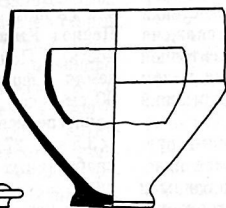
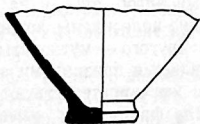
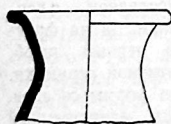
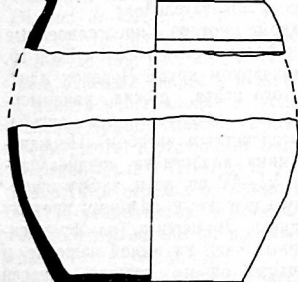
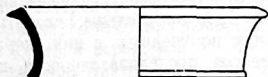
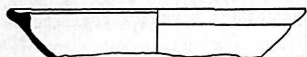
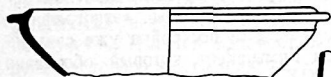
A

01 5 10 cm

Б

платформа, на которой возведено другое строение. Стены его выведены чередованием паховых блоков высотой 50 см и шести рядов сырца ($35 \times 35 \times 10$ см). На уровне пола (на отметке 7 м) обнаружен тандыр (печь для выпечки хлеба), вблизи — роговидные очажные подставки, следовательно, в разрез попал участок кухонного назначения возле внешней стены здания. На этапе перестройки Кмш-IVb построена новая поперечная стенка с проемом шириной 1 м. Стена эта сложена из сырца ($47 \times 29 \times 8 = 10$ см) и ленточной пахсы (ширина пласта 8—9 см). Над полом со временем скопился зольник, перекрывший очажное место и пол.

Период Кмш-V (5—1,5 м). Над руинами предыдущей застройки снова осуществлена нивелировка полуметровым слоем битой глины и возведено новое строение. В этом горизонте разрез Кмш-2 смыкается с раскопом, заложенным в 1962 г. В Кмш-I (площадью до 340 м^2) выявлены часть двора и смежные с ним помещения. С восточной стороны вдоль среза тепе оказались четыре расположенные в ряд комнаты пролетом 4,5 м при ширине 3—4 м, а с южной — крупное квадратное помещение ($5,5 \times 5,5$ м). С двух сторон его огораживает коридор шириной 4 м, прослеженный в северном направлении на 11 м и в восточном — на 3 м. Стены сложены из блочной пахсы (высота рядов 80 см, нижних блоков — 0,8; 1,1; 1,4 м) или комбинированной кладкой — ряд сырцовых кирпичей ($50 \times 25 \times 10 = 12$ см) чередуется с пластом ленточной пахсы (15 см). Толщина стен — от 1,5 до 2 м, внешней восточной — 3 м; местами они поднимаются до верхнего дернового слоя, местами — лишь на метр в высоту. Перекрытия были, видимо, плоскими балочными. Интересной находкой является кусок полуистлевшей балки, ornamentированной ромбовидной рельефной резьбой.

На поздних этапах большая часть помещения заполнена чрезвычайно плотной забутовкой глиной и сырцом (удалось замерить некоторые — $47 \times 27 \times 12$ см, $51 \times 26 \times 10$ см), при-

чем в массе кирпича и забутовочной глины попадаются многочисленные черепки античной керамики — очевидно, глину брали здесь же, на разрушенных постройках предыдущих времен. При перестройке пол помещений № 2 и 3, а также уровень двора повышены до отметки 3,62 м от репера, некоторые стены обложены паховыми блоками с нарезкой, проход между двумя помещениями облицован сырцом, уложенным плашмя.

Период Кмш-VI (1,5 м — дневная поверхность). Под дерновым слоем — рыхловатая земля с фрагментами керамики. На глубине 90 см — пол, выложенный жженным кирпичом раннесредневекового типа ($30 - 33 \times 15 - 17 \times 3,5$ см; $27 \times 14,5 \times 3$ см), галькой, кусками сработанных жерновов. В более плотном завале над ним — фрагменты «этнографической» керамики. Эта постройка уже связана с кишлаком Кумышкент, который обозначен на картах XIX в. Кирпич для отмостки пола был взят с пришедших в упадок средневековых строений.

Датировки выявленных стратиграфических горизонтов могут быть определены, главным образом, на основе полученных в них керамических комплексов, последовательности их залегания и иных показателей.

Все сосуды, кроме котлов, представленные керамическими фрагментами из слоя Кмш-1b, сделаны на гончарном круге. Черепок плотный, красноватого цвета, обжиг равномерный. Часть сосудов оставлена без ангоба, часть — покрыта светлым ангобом. По качеству эта керамика аналогична среднеазиатской керамике VI—IV вв. до н. э. Эту широкую датировку сдвигают к нижнему пределу следующие данные. Во-первых, на фрагментах двух крупных чаш, на малой чашечке и на донной части одного горшка нанесен красный напеч, причем на последнем — вертикально-полосчатым лощением, а на фрагменте другого — мутноватый черный ангоб, что является признаками античной керамики. О том же свидетельствуют и формы сосудов. В числе фрагментов имеется единственный экземпляр прямой стенки с подкосом в придонной части, столь характерный для банко-

образных сосудов VI—IV вв. до н. э. Горшки — с утолщенной закраиной и небольшой шейкой, переходящей к сфероидному тулову при плоском дне. Эта форма горшков встречается и в доантичный период, но новым является наличие у некоторых экземпляров подтреугольных в сечении поддонов. Примечательны чаши и миски со скругленно-коническим очертанием внизу и плавным изгибом, а в одном случае — почти вертикальным очертанием сверху — этот экземпляр является предвозвестием овоидальных и цилиндрико-конических кубков античного времени. Керамический комплекс позволяет отнести Кмш-16 к рубежу поздней архаики и ранней античности, то есть к IV в. до н. э. Из хозяйственных сосудов отметим закраины хумов с уплощенными венчиками, оттянутыми наружу или внутрь. Имеется фрагмент котла, в черепке которого много шамота, — у него прямая закраина, а сбоку налепы-выступы для упора на очаге.

По этим признакам, а также по составу и профилировке основных посудных форм керамики Кмш-16 при сопоставлении с хорошо изученной керамикой VI—IV вв. до н. э. из Северной Бактрии (45, рис. 6; 115, рис. 1, 2; 85, рис. 3; 152, с. 230 и сл.), Маргианы (133, рис. 87; 134, рис. 3, 4, 6) и, более всего, Самарканда (49, рис. 10, 11; 143, рис. 7) может быть отнесена скорее к нижней дате.

К доантичной традиции восходит здесь и применение прямоугольного сырца ($50 \times 40 \times 12$ —13 см), хотя, в отличие от Бактрии, Хорезма, Маргианы, где к III в. до н. э. отмечается повсеместный переход от прямоугольного кирпича к квадратному, в Согдиане тот и другой сосуществовали на протяжении античной эпохи.

Таким образом, начальное заселение Кумышкенте и возведение монументальных сооружений (или внешней стены) восходят ко времени около IV в. до н. э.

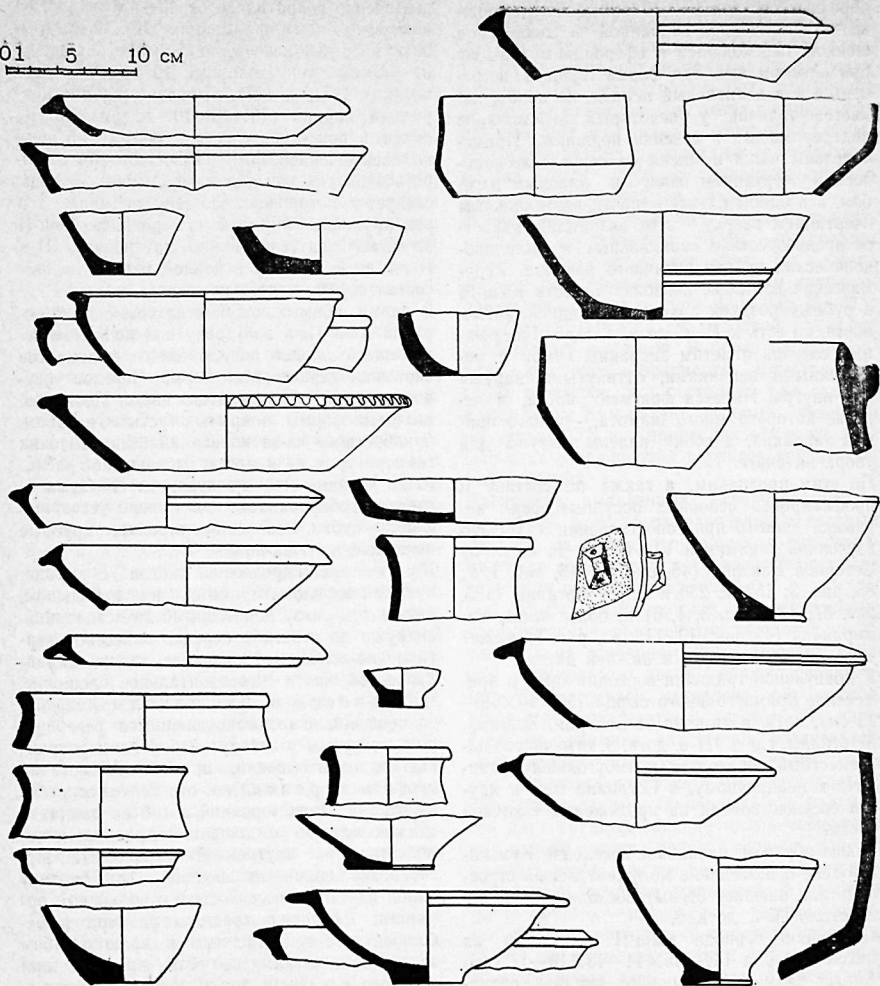
Постройки периода Кмш-II возведены из пахсы и сырца (44 — 45×44 — 45×10 —11 см). Анализ размеров сырового кирпича античного времени в Бактрии показал, что с III в. до н. э. по III—IV вв. н. э. длина их сторон

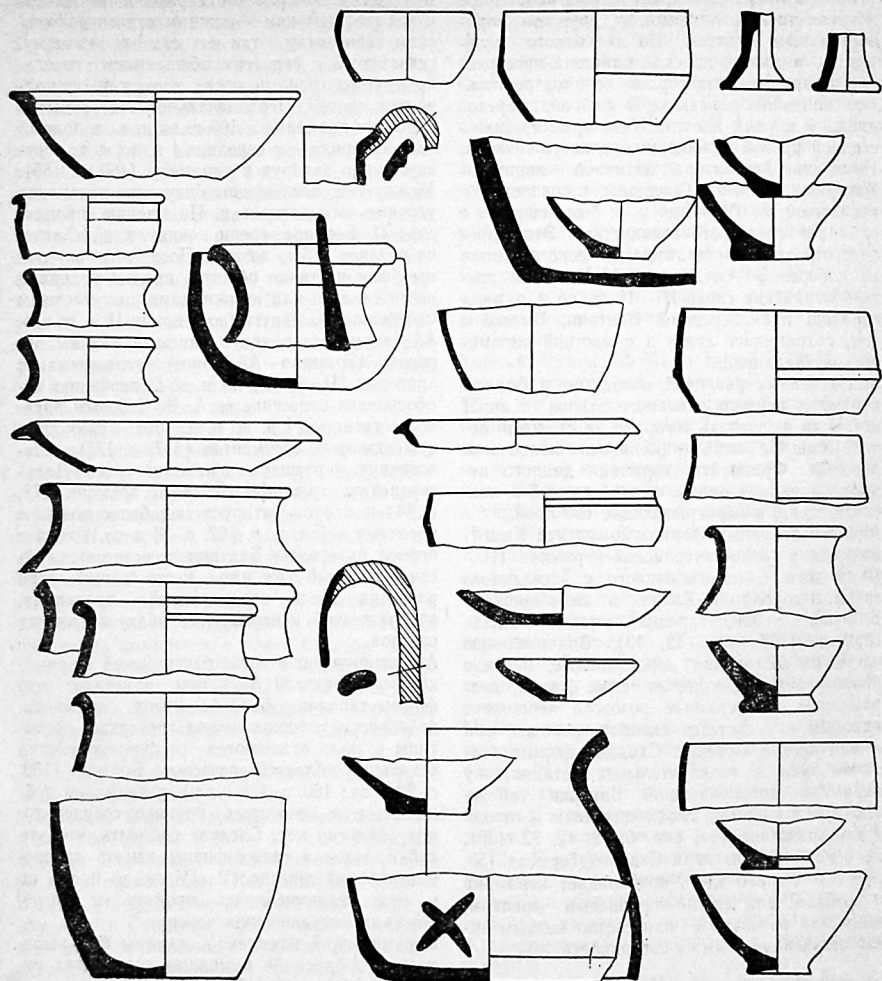
постепенно сократилась от 40—45 см (встречаются и 47 см) при толщине 10—12 см (бывают и 15 см) в постройках более ранних до 31—33 см при толщине 10 см — в более поздних (104, с. 127). Нередко крупногабаритный кирпич ($40 \times 40 \times 10$ —12 см) применялся и при строительстве сооружений первых веков нашей эры. Таким образом, опираясь на них как на датировочный элемент следует с осторожностью. Тем не менее, сырец крупного формата из горизонта Кмш-II на Кумышкенте можно датировать III—II вв. до н. э., чему в полной мере отвечает состав керамического комплекса.

В оплыв, примыкающий к пахсовой стене периода Кмш-II, и забутовку под полом вышележащего здания попало много фрагментов керамики характерных форм. Черепок сосудов плотный, коричневатого цвета. Почти все столовые формы покрыты густым ангобом, приобретшим из-за колебаний очень высоких температур в печи цвета от вишнево-красного до коричневого, но кушینی и хумы — светлоангобированные. В числе столовых форм — кубки, небольшие тарелки, крупные чаши-миски, чаши-пиалы.

Кубки цилиндрические, иногда с утолщением на переломе профиля, на небольшом, выемчатом снизу донце, ангоб двухсторонний, снаружи до перегиба нередко нанесено вертикально-полосчатое лощение, а на цилиндрической части — горизонтальное лощение. Чашы-миски и чаши-пиалы — сходного профиля, с отлогоокругляющимся резервуаром, вогнутым у оттянутой бортиком закраины, поддон невысокий, прямой. Аналогичен профиль тарелок, но он более отлогого очертания. Двухсторонний ангоб на пиалах и мисках нередко с лощением: радиально-полосчатым на внутренней поверхности или горизонтальным — на внешней. По бортику одной из чаш нанесен острый волнистый орнамент. Горшки среднего размера и небольшие — с приотнесенным к краю отгибом закраины и мягким выгибом профиля при переходе к плечам, дно плоское. Снаружи — оранжево-красный или коричневый ангоб, иногда вертикальное лощение. У одного эк-

0 1 5 10 cm

земляра лощение спиралевидное, нанесенное извилинающимися линиями, у другого — горизонтальным зигзагом. На дне одного кувшина ангобной краской нанесена крестовина. Кувшины — узкогорлые с подтреугольным венчиком и невысокой шейкой, переходящей к крутым плечам. Некоторые из них — с одной ручкой уплощенно-овального сечения. Изменение характера античной керамики Бактрии, а затем и Согдианы, в сравнении с керамикой V—IV вв. до н. э. было связано с влиянием греческого гончарства. Этот процесс отразился в керамике греческого города на побережье Амударьи — Ай-Ханум и греко-бактрийских слоев III—II вв. до н. э. ряда городищ правобережной Бактрии. Вместе с тем, сохранилась связь и с местной керамической традицией.

Значительных различий в составе и формах керамики первого и второго этапов Кмш-II нет, если не считать того, что на столовой посуде Кмш-IIб чаще применялось полосчатое лощение. Фрагменты керамики данного периода попали в оплыв, примыкающий к паховой стене, и перекрывающий его слой. Аналоги посудным формам комплекса Кмш-II имеются в греко-бактрийской керамике III—II вв. до н. э. из основанного и заселенного греками города Ай-Ханум в левобережной Бактрии: кубки, тарелки, пиалы, миски, горшки (163, рис. 12, 13). Значительную часть их составляют сероглиняные, нередко почти черные изделия, но те же формы сохранялись и в керамике розового черепка с красным или светлым ангобом, нередко они имели легкое лощение. Сходные формы (отличия лишь в незначительных деталях) — у керамики правобережной Бактрии той же эпохи — в нижних слоях цитадели и города Дальверзинтепе (34, рис. 6, 12, 42, 77, 100), из основания цитадели Старого Термеза (53, рис. 7). Однако здесь преобладает керамика с розовым или светло-коричневым черепком, покрытая розоватым или светло-желтым ангобом, заглаженным по поверхности.

Комплексы бактрийской керамики из Ай-Ханум относятся как к нижним стратиграфическим горизонтам, так и к самому верхнему, связанному с недолгим обживанием города, покинутого греками после того, как он полностью сгорел. Первоначально это событие относили примерно к 100 г. до н. э., а полный заброс города — к середине I в. до н. э., соответственно датируя и керамику (160, с. 185). Между тем, последующие изучения позволило уточнить эти датировки. По мнению профессора П. Бернара, греки покинули Ай-Ханум не позднее 145 г. до н. э. После пожара руины были частично обжиты, причем не пришлыми саками или юечжийцами, а местным населением из округи, но к концу II в. до н. э. Ай-Ханум был покинут навсегда. Таким образом, керамика Ай-Ханум изготовлена в пределах III—II вв. до н. э. Совершенно необосновано отнесение ее А. В. Седовым преимущественно к I в. до н. э. без каких-либо существенных аргументов (117, с. 175). Аналогичную керамику из нижних слоев Дальверзинтепе греко-бактрийского времени (72, с. 144 и сл.) он датирует еще более поздним временем — I в. н. э. (62, с. 34 и сл.), хотя в период вхождения Бактрии в состав юечжийских владений уже имел место новый этап развития здесь керамической продукции, отображенной в черепке, ангобах и формах сосудов.

Анализируя типы греко-бактрийской керамики, исследователи Ай-Ханум отметили, что формы тарелок, фиалов, мисок, кувшинов, небольших горшков имеют греческие прототипы и мало отличаются от форм керамики остальных областей греческого Востока (150, с. 20 и сл.; 160, с. 128 и сл.), и лишь для кубков, фляг и некоторых крупных сосудов таких аналогов нет. Следует добавить, что эти кубки, хумы, а также фиалы имеют древнебактрийский генезис (V—IV вв. до н. э.), но у них видоизменились профиль и ангоб, прежним остался лишь черепок.

Керамический комплекс Согдианы был выделен на Афрасиабе в нижних горизонтах рабботами Афрасиабской археологической комплексной экспедиции. Слой Афр-II залегал

над древнейшим слоем VI—IV вв. до н. э. Афр-I. В нем те же, что и на Кмш-II, типы тарелочек, фиалов, мисок, кубков, кринкообразных горшков, кувшинов (49, рис. 12; 73, рис. 5; 135, рис. 4; 143, рис. 7). Однако вызывает сомнение введение Г. В. Шишкиной в данный комплекс вытянутых бокалов на узкой, полый внизу колоколовидной ножке (144, рис. 1, 2, 10; 142, с. 45, рис. 7). С. К. Кабанов, анализируя эволюцию афрасиабских кубков и бокалов, отнес этот вид к первым векам нашей эры, подтверждением этому явилась находка такого бокала в стратиграфически уточненном слое, лежащем значительно выше слоя Афр-II (48, с. 83, 84, рис. 2). По-видимому, Г. В. Шишкина включила в состав ранней керамики некоторые фрагменты, попавшие из смешанного слоя, где наряду с полуовоидальными кубками оказались бокалы этого вида.

Керамику слоя Афр-II Г. В. Шишкина именует «эллинистической» (правильнее было бы назвать ее «эллинизированной»), подразумеваемая близость форм к греческим изделиям и стремление приблизить к ним фактуру. Что касается датировки, она предположила, что «удалению комплекса Афрасиаб-II за пределы последней четверти IV в. до н. э. препятствует эллинизированный (в сравнении с предшествующим материалом) облик. Время бытования комплекса в какой-то мере определяется греческой надписью, монетой Антиоха и наконечниками стрел IV—III вв. до н. э.» (144, с. 77). Позднее она датировала керамику слоя Афр-II пределами IV-II вв. до н. э. (142, с. 50—51).

По нашему мнению, начальная дата Афр-II должна быть сдвинута вниз.

Появление эллинизированной керамики в местном государстве в IV в. до н. э., непосредственно после македонского завоевания, вряд ли было возможным. Нет никаких данных о том, что греческие ремесленники осели в эту пору в Согдиане, где обучили бы согдийцев своей технологии и привили вкус к привычным для них формам сосудов. На наш взгляд, согдийская керамика эллинизированного типа появилась не под непосредствен-

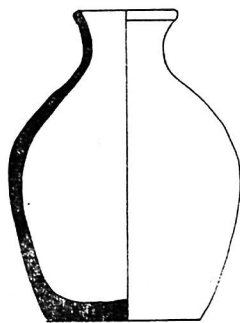
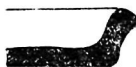
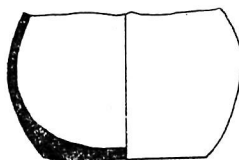
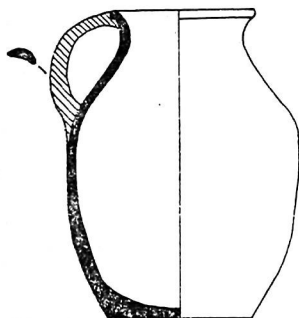
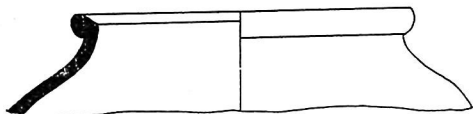
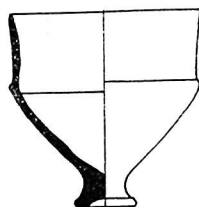
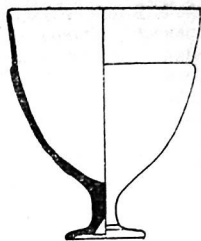
ным воздействием греческих керамистов, а через Бактрию, где было основано немало греческих колоний, чьи мастера передавали бактрийцам свой опыт. Возможно, еще при Селевкидах, но в основном во время вхождения Согдианы в состав Греко-бактрийского царства, т. е. с середины III в. до н. э., традиционные гончарные формы сменились эллинизированными. Тогда же наряду с традиционным прямоугольным сырцовым кирпичом в строительстве стал применяться и квадратный сырец, а установившиеся прочные контакты с сопредельной областью Северной Бактрии оказали влияние на согдийское гончарство появлением близких к греко-бактрийским керамическим форм и самой гончарной технологии.

Керамику типа Афр-II, а также Кмш-II мы считаем возможным датировать временем от III в. до н. э. до конца греко-бактрийского периода второй половины II в. до н. э. Перерыв в обживании Кумышкенттепе отмечен запустением и разрушением здания времени Кмш-IIб с его мощными паховыми стенами и характерным составом керамики. Перерыв этот, очевидно, обусловлен сако-юечжийскими завоеваниями. Завоевателями, осевшими на землях Согда, в сельских районах, были привнесены присущие им приемы изготовления и соответствующие формы грубоватой керамики усуньского (Кургантепе) или каучинского (Булакбаши) типа. В городской же среде вновь возродилось профессиональное гончарство.

Неясно, на чем основывает Г. В. Шишкина утверждение, будто «первая волна кочевых племен (II—I вв. до н. э.) не внесла существенных перемен в жизнь города на Афрасиабе, хотя есть основания говорить о контакте горожан с кочевниками в этот период» (144, с. 77). В сфере городского согдийского гончарства с начала мирной жизни Согда в системе Кангюйской конфедерации наступил новый этап эволюции, который представлен на Кумышкенттепе керамическим комплексом Кмш-III.

Для периода Кмш-IIIа, б в уровне 13—13,5 м над рыхлым завалом серой земли последнего

01 5 10 cm

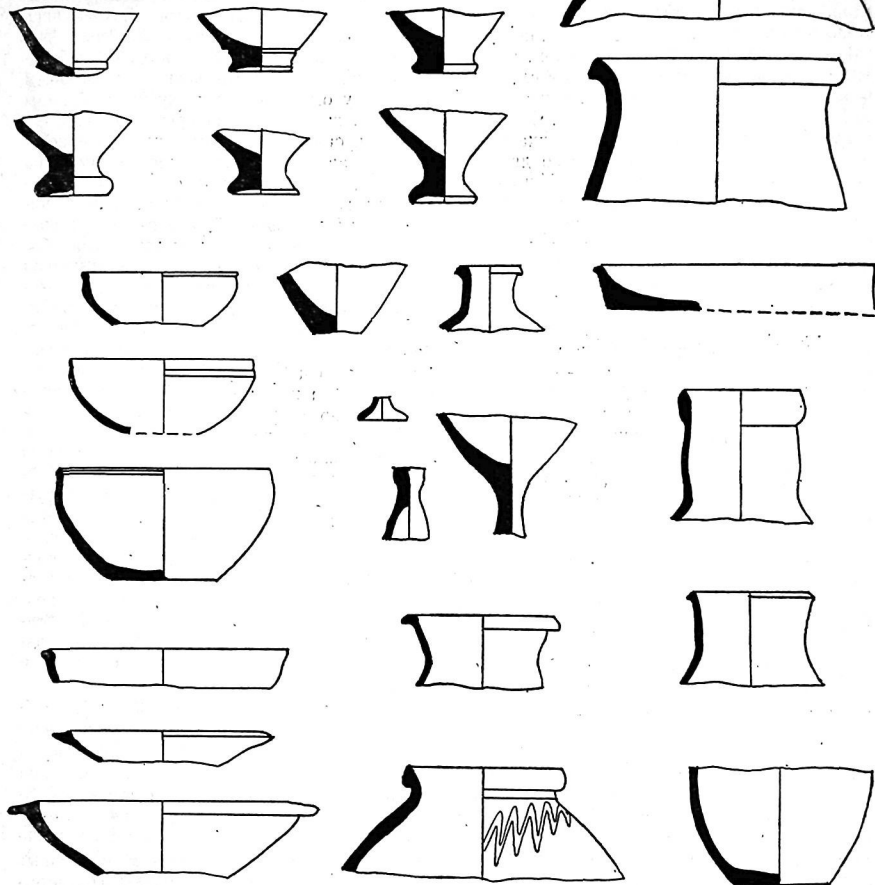
этапа существования пахсовой стены, последующей ее нивелировки и возведения здания с кирпичной стеной IV периода имеется небольшой комплекс керамики, в котором запечатлена ее эволюция. Черепок столовых сосудов по-прежнему плотный, прекрасного вымеса, наряду с красным он бывает желтовато-лесового цвета. Кубки — цилиндрические, с невысоким плоским поддоном, покрытые ярко-красным ангобом, в одном случае — черным, причем на внешней поверхности черный ангоб нанесен поверх красного. Чаша — с плоским дном и расклинными стенками без бортика, слегка залощенные, ангоб двухсторонний, красный или черный. Миски — сходного профиля, ангоб красный, лощения нет, за исключением одной миски, у которой слегка отгнут бортик и на нем нанесен лощильной палочкой мотив волны. Крупные хозяйственные сосуды чаще светло-лесового черепка, покрыты светлым ангобом. Это широкогорлые горшки с крутым выгибом края и утончающейся или слегка утолщенной закраиной. Имеются горшочки — тонкостенные, широкогорлые, с небольшим плоским поддоном, покрытые красным ангобом, иногда с лощением. Верхние участки двух хумчей, а также фрагмент толстого плоского днаща хума — плотного красноватого черепка со светлоангобным покрытием.

При небольшом составе фрагментов преждевременно делать выводы, но заметное развитие форм и фактуры сосудов, а также залегание под слоем Кмш-IIIб, позволяють поставить их пока в пределе I в. до н. э. — I в. н. э. Комплекс керамики Кмш-IIIв отмечен дальнейшей эволюцией форм. В нем интересна небольшая группа фрагментов: двух бокалов, кубка, двух кувшинов, хума, сосредоточенных около очага, устроенного у выведенной из сырцового кирпича стены помещения. Кубок цилиндрической формы, с небольшой полокониической ножкой. На другом участке завала у стены обнаружен археологически восстанавливаемый кубок иной формы: полуовоидальный резервуар с выпуклым переломом в верхней трети (редуцированная форма

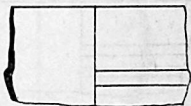
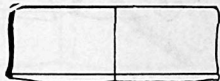
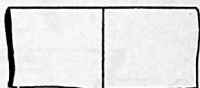
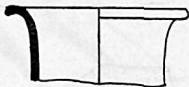
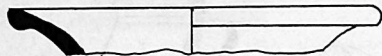
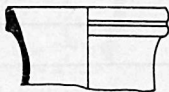
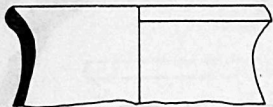
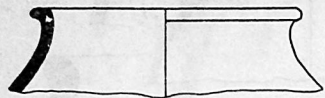
былого перелома цилиндрических кубков), на тонкой ножке с расширяющимся устойчивым основанием и глубокой полостью внутри. Новый вид пиршественных сосудов этого рода представляют бокалы с вытянутым резервуаром, почти конического очертания, лишь вверх округляющегося внутрь. Сохранились по отдельности ножки таких бокалов — высокие, в виде конического раструба небольшого диаметра, перехваченные рельефным кольцом у основания. Эти кубки и бокалы имеют очень плотный ярко-розовый черепок, покрыты оранжево-красным или коричнево-красным ангобом, слегка залощенным. Оба кувшина, находившиеся у очага, — с широким туловом и плоским дном. Один — широкогорлый, одноручный, ручной лепки; другой — со сравнительно узким горлом и без ручки, стайковый; венчики у обоих кувшинов выделены валиком. От небольшого широкогорлого кувшина с венчиком двойной профилировки, почти сфероидным туловом при небольшом плоском дне сохранились фрагменты закраины и придонной части, на которой видны потеки красного ангоба, покрывавшего резервуар вверх. Черепок кувшинов и горшков почти такой же, как у бокалов, но не столь плотный — в нем прослеживаются мелкие пустоты; ангоб тех же оттенков. Найдены также край тонкостенной, плавко округляющейся миски с двусторонним оранжево-красным ангобом. Фрагмент стенки другой миски — коричневатого черепка, с двусторонним ангобом того же цвета — обработан снаружи полосами вертикального лощения почти черного цвета. Интересен фрагмент донной части хумчи, имеющей снизу три небольших выпуклых ножки и покрытой потеками красной краски.

При определении датировки Кмш-IIIв обратим внимание на размеры кирпича квадратной формы — $38 \times 38 \times 14$ см. Они почти совпадают с размерами кирпичей ремонтной обкладки монолитной пахсовой стены Афрасиаба I в. до н. э. или I в. н. э. (на западном участке), хотя его толщина несколько меньше. Найденным там фрагментам придонных частей кубков или бокалов близки соответствующие формы слоя Кмш-III. Особенно ва-

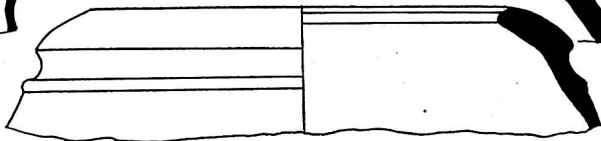
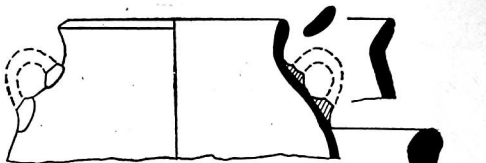
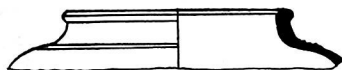
01 5 10 cm

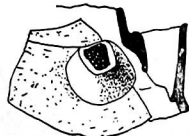
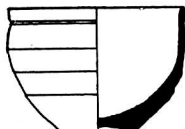
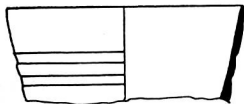
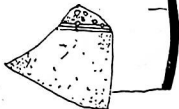
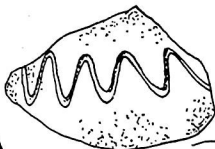
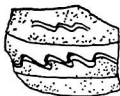
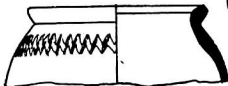
01 5 10 cm

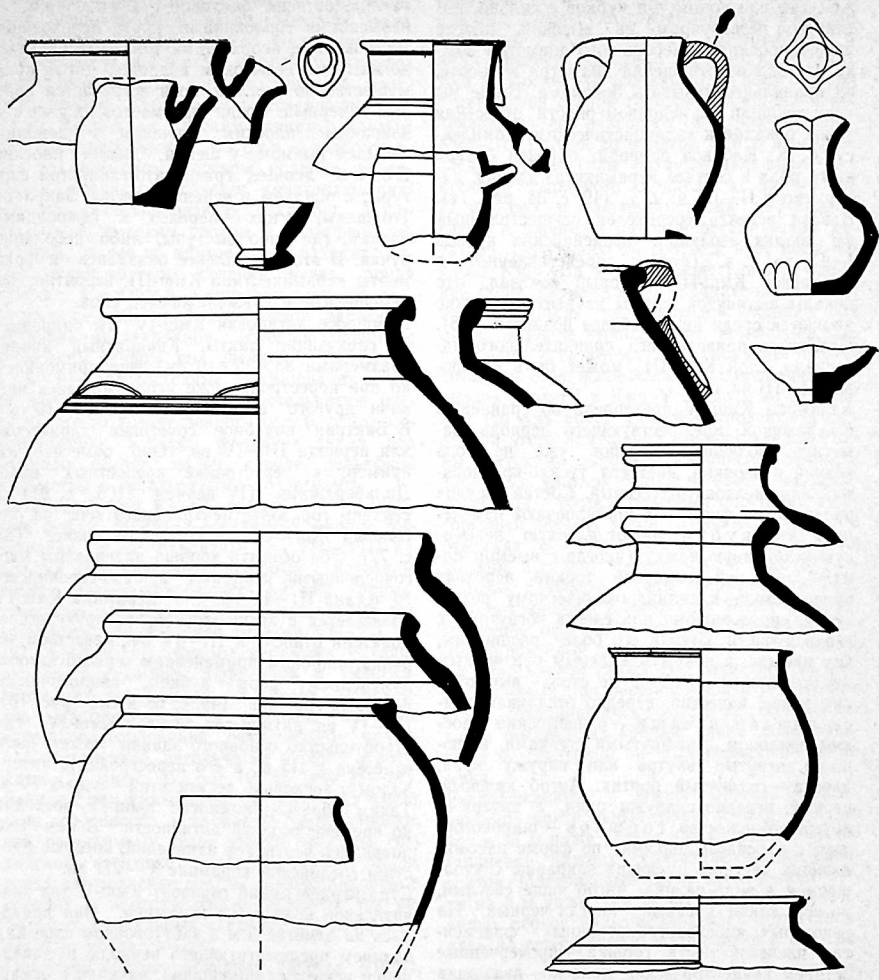

A
01 5 10 cm

B

жен для нас новый тип кубков с сильно вытянутым резервуаром на высокой, иногда профилированной, небольшого диаметра ножке. Исходя из отношения диаметра к высоте, их правильнее называть бокалами. Выше мы уже говорили о неправомерности отнесения таких бокалов к «эллинистическому комплексу». С. К. Кабанов приводит образец бокала этого рода в составе керамики из здания, датируемого II—III в. н. э. (49, с. 84, рис. 14). В этом аспекте убедителен осуществленный им анализ эволюции афрасиабских кубков I—III вв. н. э. (формы, представленные в комплексе Кмш-III), который показал, что бокалы вытянутой формы на высокой ножке являются среди них наиболее поздними (48). Исходя из приведенного сравнительного материала, слой Кмш-III может быть датирован II—III вв. н. э.

Керамика Кмш-IV претерпела по сравнению с керамикой предшествующего периода заметную эволюцию. Черепок уже не столь тонкий и звонкий, цвет его тускло-красноватый или желтовато-лесовый. Состав сосудов прежний, но формы их претерпевают изменения. Так, кубки имеют плоскую невысокую устойчивую ножку (иногда с выемом внизу), над ней невысокий тонкий перехват при переходе к цилиндрическому резервуару, спрямленному или слегка вогнутому в верхней части. Стенки его более расширены, чем прежде, и покрыты красным или черным двухсторонним ангобом не столь высокого, как ранее, качества, нередко отслаивающимся. Миски и чаши — с невысоким плоским поддоном, расклинными стенками, имеющими загнутые внутрь или наружу края, иногда — оттянутый бортик. Ангоб красный, черный, нередко снаружи один, а внутри — другой. Множество горшков — широкогорлых, с плоскими доньями, по форме напоминающих чугунок, имеющих закраины с утолщением в виде валика. Ангоб чаще светлый, но есть также красный, иногда черный. На некоторых красноангобированных фрагментах плечевой части горшка — прочерченные острым концентрическими полосами, два ряда

«волн», оттиски фестонов. Кувшины — с невысокими горловинами, круто переходящими к плечам, небольшими толстыми ручками, доньями на невысоком поддоне. Ангоб преимущественно светлый, хотя встречается красный и черный. Среди фрагментов хумов — закраины с плоским венчиком и дополнителным выемом ушейки, днища плоские. Котлы лепные, грязновато-глинистой фактуры, с обилием в черепке дресвы. Закраины утолщены, от них — переход к сферoidalным плечам, где либо выступы, либо небольшие ручки. В этом комплексе оказались и фрагменты керамики типа Кмш-III, вероятно, перемешенные из нижележащего слоя.

В вопросе датировки Кмш-IV мы опираемся на следующие факты. Квадратный кирпич (размерами 35×35×10 см) еще применялся, но при перестройке уже использовались кирпичи другого формата (47×29×8—10 см). В Бактрии подобное сочетание характерно для периода III—IV вв. Оно отмечено, например, в перестройке крепостных ворот Дильберджина (IV период (103, с. 9)) и верхнем горизонте центрального тепе на поселении Жигатепе в Балхском оазисе (87, с. 72). Оба объекта хорошо датированы многочисленными монетами кушано-сасанидского чекана III—IV вв. н. э. Керамика Кмш-IV сближается с афрасиабской, которую исследователи относят к III—IV вв., качеством черепка, широким применением черного ангоба, изменением форм кубков, аналогичными формами горшков (49, с. 68 и сл., рис. 15). III—IV вв. датируется и слой Кмш-IV, где строительство основного здания может быть отнесено к III в., а его перестройка к интервалом в несколько десятилетий — уже к IV в. Таким образом, комплекс Кмш-IV восходит ко времени поздней античности. В нем уже появились черты тех изменений, которые присущи согдийской керамике V—VII вв.

Стратиграфический горизонт Кмш-V дал значительное количество керамики. Она появилась на отметке 5 м в забутовочном слое над зданием предшествующего периода и заполнении вскрытых помещений, начиная с отметки 3,5 м. В упомянутую забутовку попало немало фрагментов более ранних периодов;

Рис. 18. А, В. Разрезы Кмш-1 и 2. Керамика периода IV.
Рис. 19. Разрезы Кмш-1 и 2. Керамика периода Кмш-V.

о них здесь говорить не будем. Состав керамики довольно своеобразен. Черепок двух категорий: хорошего вымеса, но мелкопористый, иногда с недожогом изнутри или грубоватый. Большинство сосудов покрыто светлым ангобом. Кубки-бокалы совершенно исчезли. Чаша — с плоским дном и крутым профилем резервуара. Миски — толстостенные, на невысоком плоском поддоне, резервуар их сверху округляется, имеет клювовидную или валикообразную закраину. Кувшины — с высоким горлом и рельефной закраиной, от нее на крутое плечо отходит толстая, почти круглого сечения ручка, донья плоские. Горшки — широкоголовые, со слабо выраженной, профилированной двояными валиками закраиной. Имеется горшок с невысоким сливом под шейкой. Хумы и хумчи — толстостенные, закраины их в виде толстого вала. Отметим петельчатую ручку какого-то хозяйственного сосуда с отростком наверху, а также фрагмент слива, под которым сделан налп в виде рельефной пальметты с петельчатыми лепестками.

Датировку слоя Кмш-V определяют следующие факты. Найдена согдийская монета, несенная Э. В. Ртвеладзе к VII—VIII вв. Кладка стен паховыми блоками с нарезкой, иногда перемежающимися рядами прямоугольного сырцового кирпича, характерна для согдийской строительной техники VI—VII вв. (27, с. 10 и сл.). Формы керамики находят аналоги в керамике Афрасаба и Пенджикента того же периода. В числе фрагментов — профили мисок и горшков, короткие сливы под горловиной, оформленные налпной пальметтой, петельчатые ручки с отростками (13, рис 7; 49, рис. 16; 65, рис. 21—24). Вместе с тем кумышкентская керамика имеет свои особенности и варианты профилировки, что, по-видимому, было вообще присуще согдийской керамике раннефеодальной поры, когда изготовление посуды осуществлялось в городах и многочисленных селениях тех небольших феодальных владений, на которые в эту пору распался Согд.

Приведем краткое описание разреза Кмш-1, выявленные стратиграфические горизонты которого хорошо соотносятся с таковыми в раз-

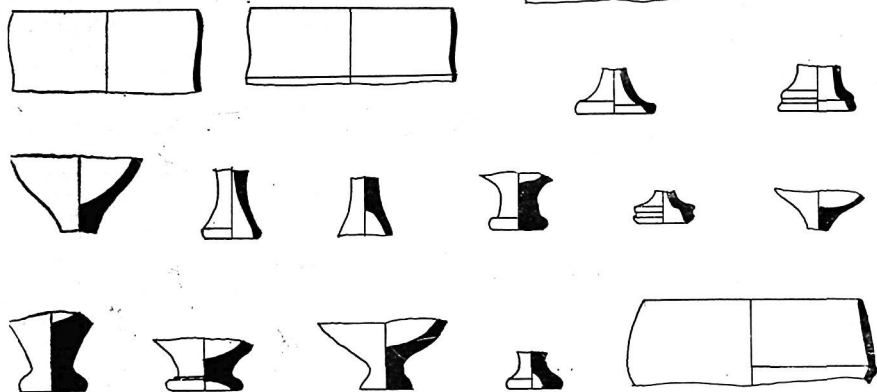
резе Кмш-2. Как уже упоминалось, здесь разрез был доведен до современной дневной поверхности у подножья теле, которая на 6 м выше древнего материка и лежит на отметке 15,5 м. Последняя соответствует полу здания с кирпичной стеной горизонта Кмш-IIa и облегающего его пахового футляра времени Кмш-IIb. Вплоть до отметки 12,5 м в разрезе следует глина (или разрушенная пахса?) с кусками сырового кирпича, а на уровне 12 м — пол со скопившимся на нем слоем глины и ржавыми пятнами органических остатков. По уровню он соответствует полу периода Кмш-IIIa и также подступает к внешней стене, сложенной из квадратного сырца и пахсы, внешняя грань которой уходила под откос. В плане выявлен угол помещения, направление стен которого не совпадает с ориентацией стен вышележащих помещений периодов Кмш-IV и Кмш-V. Вплоть до отметки 5 м (то есть почти на семиметровую высоту) внутри этого помещения следуют завалы глины с кусками сыровых кирпичей, частичная забутовка плотной глиной и сверху на высоте до 3 м — сбросы очаговых остатков с обгоревшей землей, золой, угольями и т. д. На отметках 5,5—5 м — забутовка пахсой, над которой в разрез попали пол и две параллельные паховые стены периода Кмш-IV. Они сохранились в высоту на 2—2,5 м. В заполнении ограждаемого ими помещения — нивелировочный слой местами рыхлой, местами уплотненной глины. На отметке 3,5 м — глинобитный пол периода Кмш-V и паховая стена, сохранившаяся до 2,5 м. Выше — остатки позднейших времен: глина с фрагментами безглазурной и глазурированной керамики.

Расположенный у южного обреза Кумышкентте контрольный шурф Кмш-3 был начат в 13 м ниже репера. Он заложен с целью уточнения нижних стратиграфических горизонтов. Материковый грунт здесь лежал почти на 3 м ниже, чем в шурфе Кмш-2 — очевидно, первоначальная застройка осуществлялась на естественном всхолмлении и его ска-

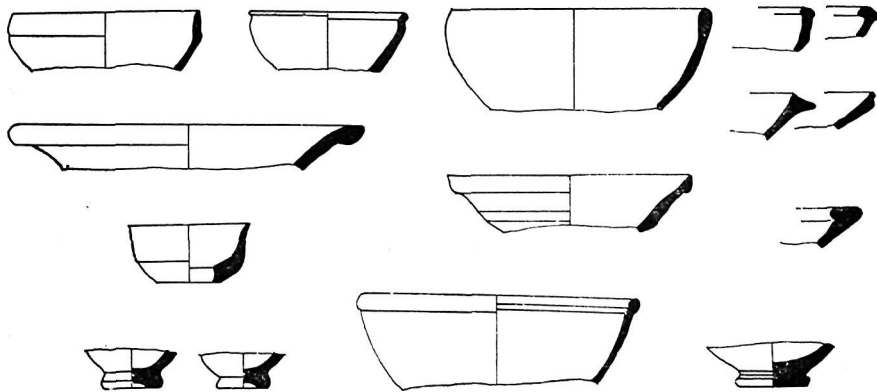
Рис. 20. Разрез Кмш-1: А — кубки; Б — миски; В — кувшины и горшки.

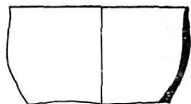
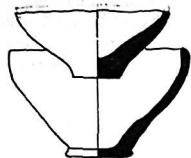
A

A horizontal scale bar with markings at 0, 5, and 10 cm.

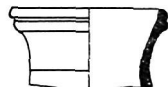
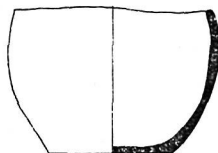
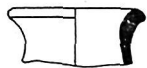
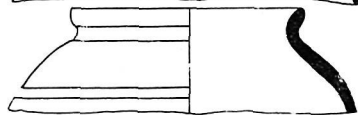
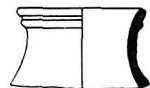
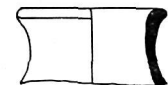
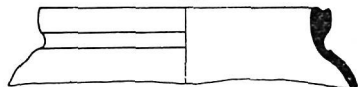
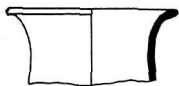

Б

B

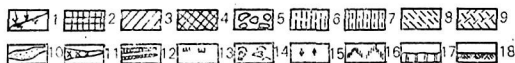
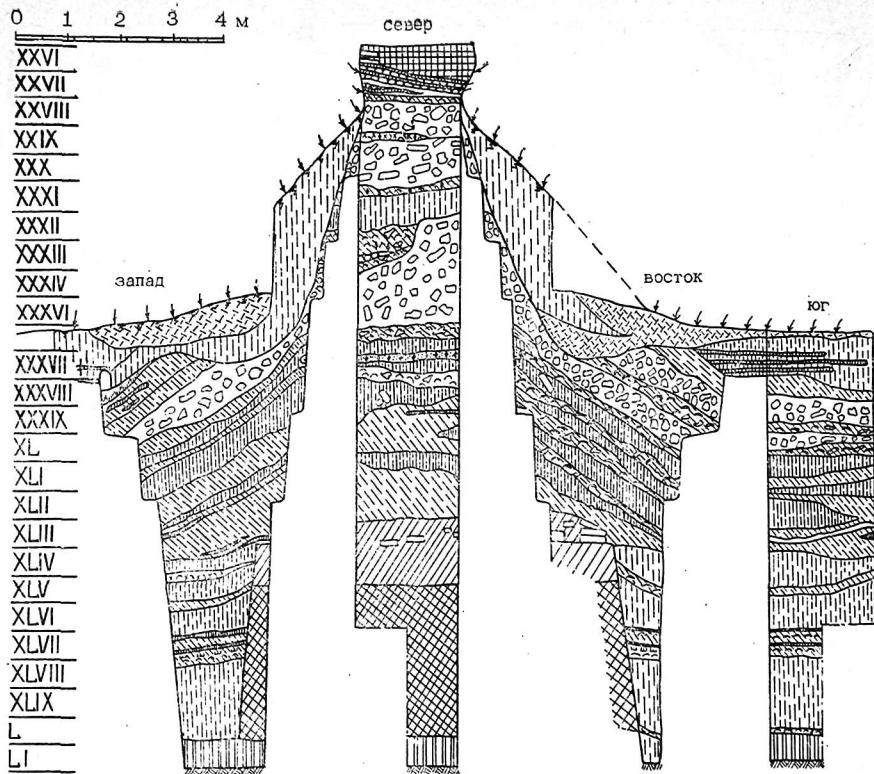

Рис. 21. Шурф Кмш-3. Развертка:

1 — кирпичный слой; 2 — стена из пачсы; 3 — стена из сырца второго строительного периода; 4 — стена из пачсы первого строительного периода; 5 — завал из пачсы и сырцового кирпича; 6 — слой средней плотности; 7 — плотный грунт; 8 — рых-

лый грунт; 9 — мусорная насыпь; 10 — зола; 11 — гумус; 12 — прокладки обожженной земли и золы; 13 — фрагменты расписной штукатурки с красной краской; 14 — слой с керамикой и костями животных; 15 — угли; 16 — горелые прокладки; 17 — материковый грунт; 18 — граница раскопа.

тах. Над материковым лессом выявлена внешняя грань паховой стены, сохранившейся в высоту на 2,6 м. Культурный слой, примыкающий к ней, — глина средней плотности. Внизу до полуметра в ней содержатся лишь незначительные включения керамики и костей животных, выше — большое количество таких же включений, а также угольков, зеленых пятен органического происхождения. На высоте 1,6 м от материка выделяется горизонтальная прослойка (36 см) с фрагментами штукатурки, над нею — светлая лессовая обмазка (10 см), затем — горелый слой с угольками и золой (15—20 см) и снова слой глины средней плотности, содержащий фрагменты керамики.

Над этой первоначальной стеной — новая паховая стена, сохранившаяся в высоту до 1,1 м. У ее основания — пол с обмазкой голубоватой тоюнной глиной, над которым лежит скопление керамических фрагментов. Стена эта была срезана при очередной перестройке, по гребню ее следует пол помещения с обмазкой желтым лессом. Он примыкает к остаткам стены этого помещения, сохранившейся на полметра и выведенной из сырцового кирпича (44—46×7×10—12 см), очевидно, квадратной формы.

Над упомянутым полом и остатками этой сырцовой стены до 3,5 м в высоту слои залегают с сильным скосом (до 30°). Это уже не заполнения помещений, а отвалы, накапливавшиеся с внешней стороны от новой застройки, располагающейся наверху. Они в большинстве рыхлые, включают чередование разных прослоек — то строительных завалов с кусками кирпичей, комьями пахсы, то глины, насыщенной хозяйственными остатками — керамикой, угольками, золой, зернами гипса, костями. Еще выше (до 2 м) завалы лежат особенно круто (до 60°), содержа, в основном, оплывы пахсы и сырца. Затем следуют полуметровый слой рыхлой глины с незначительными фрагментами керамики и полуметровый слой средней плотности с хозяйственными остатками, перекрытый завалом сырцового кирпича (размерами 51×7×10—11; 42×7×12,5; 46×7×11 см).

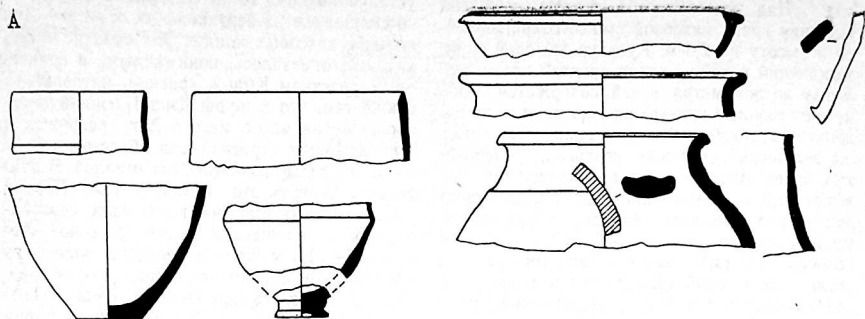
При сопоставлении с данными разреза Кмш-2

устанавливаются те же основные периоды, но со смещением их вертикальных отметок. Для нижних паховых кладок это вызвано было, как уже отмечалось, пониженным, в сравнении с участком Кмш-2, уровнем материка, а также тем, что в шурф Кмш-3 попали лишь оползшие на много метров слои разрушения вышележащих строений или сброшенных за их пределы хозяйственных отвалов. В привязке к реперу это выглядит так. Период Кмш-1 с двумя этапами возведения первоначальной и наращенной на нее паховой стены — 25—21,5 м, причем верхнего пласта из крупного прямоугольного сырца, как на разрезе Кмш-2, здесь нет. Периоду Кмш-II соответствуют остатки новой постройки из сырца (44—45×44—45×10—12 см) и слой построенного ее заброса и разрушения на отметках 21,2—17,5 м. Периоды Кмш-III и IV — завал, который на северной стенке шурфа находится в пределах 17,5—16,5 м, на боковых же его стенках опускается до отметки 19,5 м. Аналогичная картина для периода Кмш-V: от отметок 15,5—12,5 м на северной стенке до 16 м — на боковых. Тем не менее, при этих сдвигах отметок сами слои выражены достаточно четко, позволяя выделить соответствующие стратиграфические комплексы содержащейся в них керамики и иных остатков. Рассмотрим их по периодам.

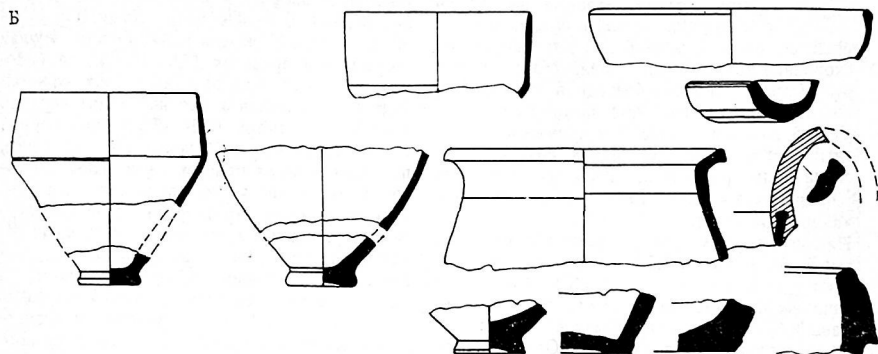
Керамика в нижнем стратиграфическом горизонте за внешней гранью нижней паховой стены оказалась лишь в завале, оползшем вдоль нее от вышерасположенного античного здания. В нем была сделана интересная находка — фрагменты штукатурки особого рода. Толщина ее 7—8 см, в ганчевой (или известковой?) массе — добавка крупного песка и камешков, внешняя поверхность заглажена и окрашена в красный цвет, а с обратной стороны видны отпечатки глино-саманной подгрунтовки, служившей для крепления штукатурки на стене.

Использование штукатурки этого рода явно связано с эллинистической традицией. Она широко известна в греко-римском мире и описана Витрувием, который подытожил опыт ее изготовления в античном мире (Витрувий, 7, гл. IX, § 1—4; 24, с. 146—147).

A

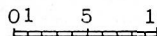

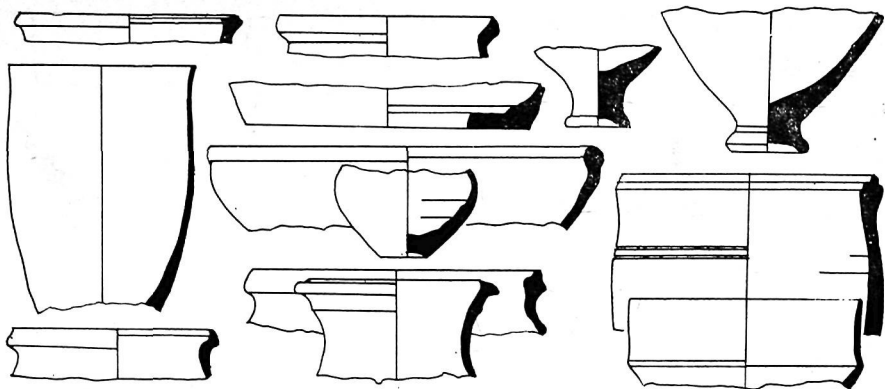
B

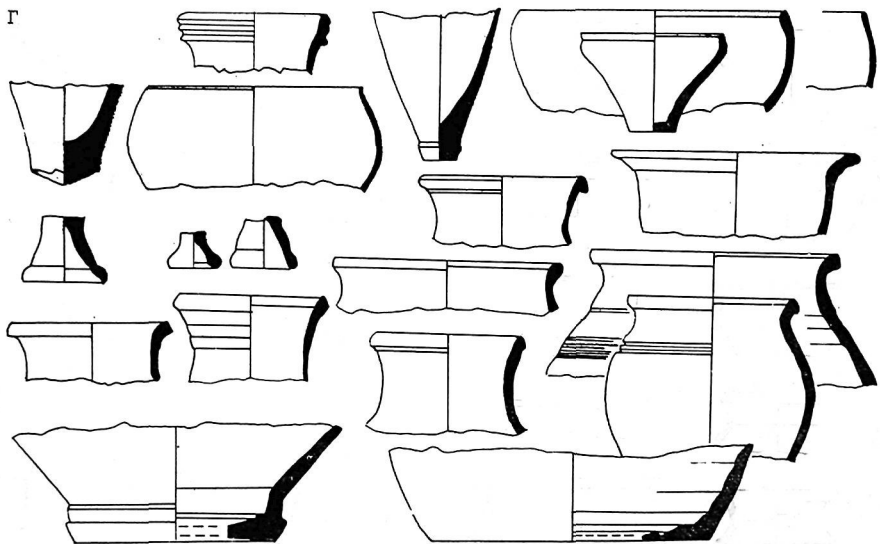
B

01 5 10 CM

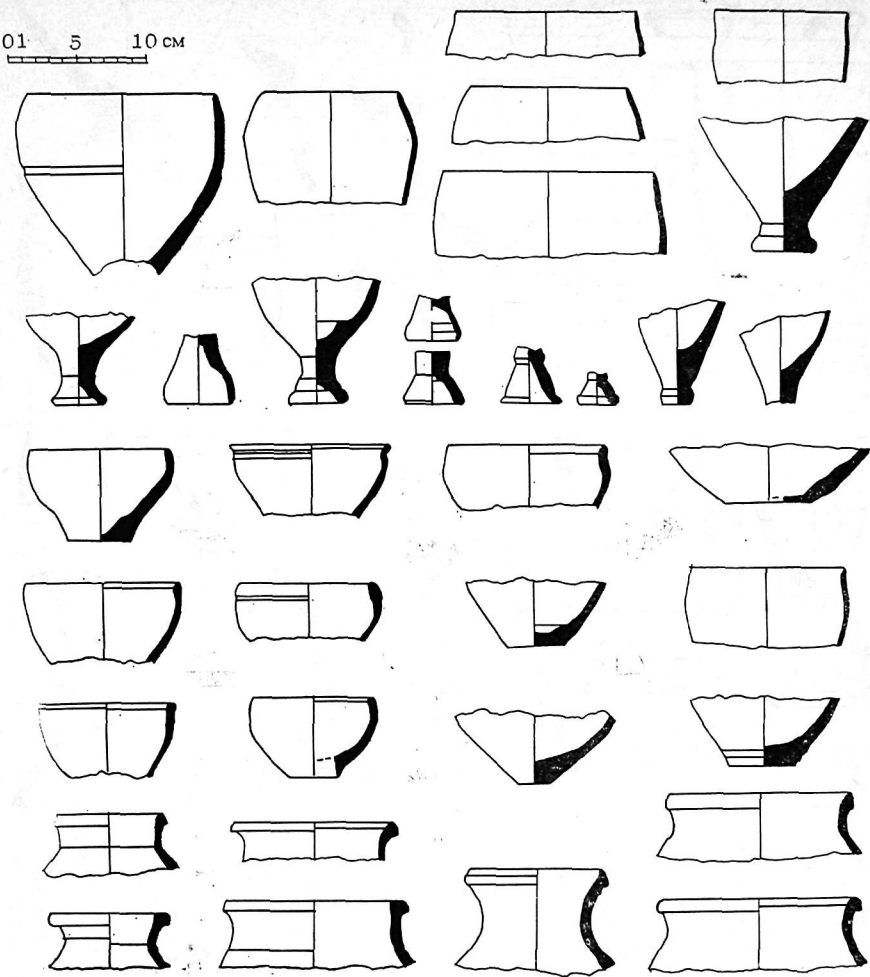

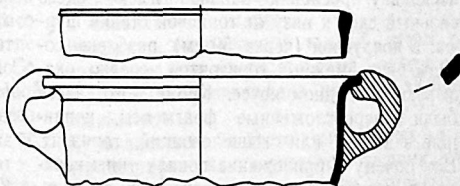
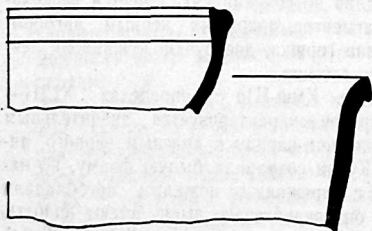
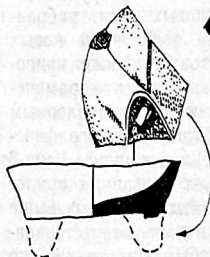
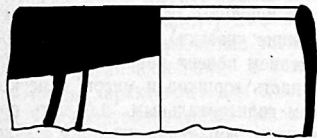
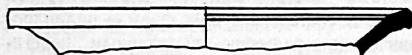
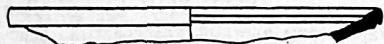
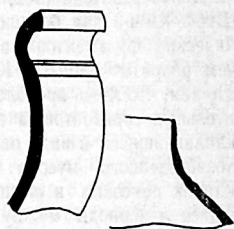
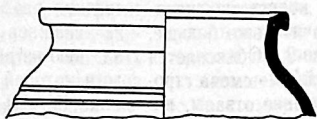
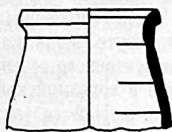
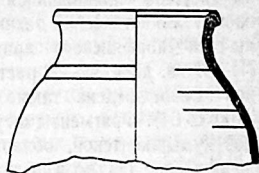
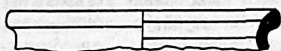
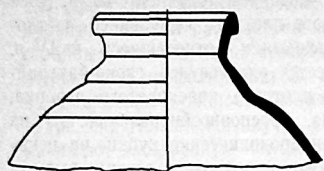

Г

01 5 10 cm

В Средней Азии, где обычно осуществлялась окраска по тщательно затертому на стене подслою глины, также встречен этот вид штукатурки, появившийся здесь под влиянием эллинистической техники. В штукатурку стен парфянского храма Новой Нисы, III—II вв. до н. э. — в раствор помимо мелкой гальки введена также битая керамика (100, с. 64). Фрагменты штукатурки, идентичной кумyshентской, обнаружены в забутовочном слое I в. до н. э. под одним из домов на Дальверзинтепе (132, с. 67).

Шурф Кмш-3 дал большое количество керамических фрагментов — значительно больше, чем разрезы Кмш-1 и Кмш-2. Объясняется это тем, что здесь преобладали не смена строительных горизонтов, а внешние отвалы, накапливавшиеся в виде оползающих прослоек хозяйственного мусора или разрушенных кладок пахсовых и сырцовых стен, набравшихся в периоды между появлением новых стратиграфических горизонтов. Ниже приводится описание полученных здесь керамических комплексов в привязке к выявленным на разрезах Кмш-1 и Кмш-2 стратиграфическим горизонтам. Полученная в шурфе Кмш-3 керамика, как это следует из данных приложения, восполняет варианты описанных выше форм сосудов, а иногда и дает отсутствовавшие там разновидности. Отметим также, что поскольку прослойки завалов имеют здесь сильный скос к низу от торцовой стенки шурфа, в поярусной (через 50 см) разбивке сосуды двух смежных горизонтов нередко оказываются в одном ярусе. Кроме того, здесь были и переотложенные фрагменты, попавшие в ниже- или вышележащий горизонт. Вот почему в приложение попали типы керамики, иногда принадлежащей, судя по сравнительным данным, разным периодам.

Итак, если перечислять снизу вверх, в пределах до половины первоначальной пахсовой стены (L—XLIX ярусы) имеется смешанный материал I—II периодов, т. е. предантичного и греко-бактрийского времени. К I периоду

относятся несколько фрагментов толстостенных сосудов хозяйственного назначения: закраина, днище, стенки хумов, а также миска с крутым очертанием верхней части. Все они — красного плотного черепка со светло-ангобным покрытием, относящиеся к IV в. до н. э. Имеется ряд сосудов греко-бактрийского типа: плотного красноватого черепка, тонкостенные, красноангобированные. В их числе — цилиндрикоконические кубки на невысоком, устойчивом поддоне с легким выемом понизу, аналогичны поддоны и кувшины средних размеров. Часть горловины одного из кувшинов имеет круто поднимающийся над нею изгиб ручки ленточного сечения, аналог которой имеется в хорезмийской керамике IV—III вв. до н. э. Найден также верх горшка с оттянутым краем.

Керамика Кмш-II, уже без более ранней примеси, получена в XLXI—XLIII ярусах. Для нее характерны плотный красноватый черепок, тонкость сечения, ярко-красный ангоб (местами почерневший от неравномерного жара). В составе ведущих форм — цилиндрикоконические с рельефно выделенным перегибом кубки того же типа, что и вышеописанные; плоскодонные, с овоидальным туловом небольшие кувшины или горшки (имеются лишь нижние участки), иногда с вертикальным лощением поверх ярко-красного ангоба; верхняя часть горшков и мисок с несколько оттянутым горизонтальным или чуть прямым бортиком; горловина кувшина с эйнхоеобразной прямотой при переходе к сливу (сам слив не сохранился). Имеется несколько фрагментов, покрытых черным ангобом: закраина горшка, две ручки кувшинов ленточного сечения.

Комплекс Кмш-IIIa в пределах XLIII—XL ярусов характеризуется значительным применением наряду с красным черным ангоба. Кубки сохранили былую форму, но наряду с прежними ножками преобладали иные: они значительно выше, имеют полость, уходящую вверх, а у основания рельефный манжет. Заметно варьируют закраины горшков, имеющие рельефный венчик с выемом (видимо, для прочной установки крышек). На плече одного и на отогнутом борти-

Рис. 22. Шурф Кмш-3. Керамика: А — период Кмш-II-III; Б — Кмш-I-II; В — Кмш-III а; Г — Кмш-III б.

Рис. 23. Шурф Кмш-3. Керамика периодов Кмш-IV-V.

ке другого горшка — процарапанный волнистый орнамент.

Комплекс Кмш-IIIб (XXXIX—XXXVIII ярусы) содержит сходные формы, но наряду с кубками получил распространение новый тип стройных бокалов на неустойчивой колоколо-видной или профилированной, с внутренним выемом ножке при почти коническом резервуаре, скругляющемся внутрь у края. Горшки имеют заостренную опущенную закраину с крутым переходом к сферoidalному тулову, дно плоское, широкое. Венчики горловин у кувшинов — нередко с двойным рельефным валиком. Бокалы и миски обычно красноангобированные, а на некоторых бокалах имеется лощение. У горшков и кувшинов преобладает черный ангоб. Характерная новая форма — небольшие чашки, профилем напоминающие чугунок, выделка их грубовата. Видимо, они имели хозяйственное или производственное назначение.

В XXXVIII—XXXVII ярусах получен обильный, но перемешанный комплекс IV и V периодов. В нем преобладают крупные хозяйственные сосуды — горшки, кувшины, покрытые черной, реже красной краской, многие окрашены лишь сверху, краска стекает потеками. Встречены упомянутые в предшествующем комплексе грубоватые чашки в форме чугунка. Бокалов немного, в основном это фрагменты характерных для Кмш-IIIб стройных красноангобированных бокалов на высоких, полых изнутри ножках, скорее всего перемешанные из нижележащего горизонта. Состав сосудов указан в таблице, от детальной характеристики воздержимся из-за невозможности четко выделить их образцы по периодам.

Что касается XXXVI, верхнего яруса на данном участке, то в нем встречены грубоватые раннесредневековые фрагменты, смешанные с более ранними, перемешанными.

Итак, шурф Кмш-3, во-первых, выявил внешние пласты разрушения строений большого архитектурного комплекса, перемежающиеся со слоями хозяйственных отвалов, во-вторых, дал содержательный состав форм согдийской

керамики от первых веков до нашей эры и до времени раннего средневековья, восполняющий стратиграфическую картину, которая была получена на разрезах Кмш-1 и Кмш-2. Работы, проведенные УзИскЭ на Кумышкенте, дали существенный материал к общей стратиграфической колонке самаркандского Согда. Вместе с тем они показали, что памятник этот содержит остатки монументальных архитектурных комплексов, сменявших друг друга на протяжении веков, и, возможно, сохранивших единую функцию. Пока трудно сказать, какого они назначения — культового или гражданского. Возникает интересное предположение в связи с одним высказыванием Абу Рейхана Бируни. Описывая особо чтимые древние праздники согдийцев, он называет месяц Маж-х-ида. «В третий день этого месяца — праздник Кишмин, когда происходит торжище в деревне Камажикет» (16, с. 254). Сходство названия, позднее переименованного в Кумышкент, древность Кумышкенте, существовавшего более тысячи лет, расположение его массива среди остатков небольшого селения, местонахождение в самом сердце Согда, название которого в прошлом веке сохранилось в наименовании «Сугудикалянский вилайет», — все это позволяет допустить, что данный памятник является остатками бывшего Камажикета, где ежегодно справлялся согдийский праздник Киш и устраивалась ярмарка.

Возможно, возвышенный южный отдел тепе хранит остатки местного храма, рядом с которым было расположено крупное храмовое хозяйство.

Кумышкенте в свете выявленных в нем стратиграфических горизонтов, тающих столь разнообразными хронологические комплексы и строения, является памятником чрезвычайно перспективным для дальнейшего изучения путем сплошного постольного вскрытия этих горизонтов, пока ежегодно обкапываемый местными жителями он не исчез с лица земли, как это произошло, например, с огромным древним тепе в Челеке.

КУРГАНТЕПЕ

Городище Кургантепе расположено в Кушбадском районе на землях совхоза «Коммунизм» близ кишлака Орлат. Оно высится в 200 м от русла речки Саганак, ныне почти высохшей. Но когда-то, вероятно, река была полноводной, так как неподалеку вырос крупный город. Правый берег высок и обрывист — здесь высится града адыров, на ней — курганный могильник, о котором речь пойдет ниже.

Городище привлекло наше внимание еще в 1979 г. правильными контурами обвалованных стен и подъемной керамикой античного типа. В 1980—1984 гг. на нем и на могильнике проводились регулярные, хотя и недолговременные раскопки Мианкальской группой УзИскЭ*.

Для выяснения градостроительной структуры вначале была выполнена компасная съемка городища (С. А. Савчук), а затем инструментальная (И. Лунькова). Топографически в нем четко выделяется три отдела: цитадель, первоначальный город — Шахристан-I и его вторая, более поздняя часть — Шахристан-II. За пределами города вдоль реки располагались отдельные усадьбы.

Выбор места был обусловлен тем, что на данном участке возвышались естественные лессовые всхолмления, которые как бы приподнимали город над уровнем речной долины и предохраняли его от паводковых разли-

вов реки, иногда выходившей из берегов. Почти в центре Шахристана-I располагается цитадель, ориентированная по сторонам света. И ориентация, и своеобразная конфигурация цитадели обусловлены, видимо, формой и направлением лессового бугра, на котором она была основана: прямоугольная в южной половине, она затем образует две сходящиеся под углом грани, приобретая пятиугольное очертание. Размеры цитадели поверху — 85×60 м, у подошвы — 150×130 м. Обведена ровом шириной 15—20 м, глубиной — по отношению к окружающему уровню культурных слоев — 3—4 м, ныне ров затянута глиной, первоначально был, несомненно, глубже. Ориентация Шахристана-I — со склонением около 60 градусов к сторонам света. Обусловлено это тем, что городские укрепления возводили параллельно руслу Саганак. Шахристан-I — подквадратного плана, размеры по гребням оплывших крепостных стен: юго-восточный фас — 300 м, юго-западный и северо-западный — 340 м, северо-восточный — 360 м.

Видимо, к тому времени, когда вокруг основных городских укреплений уже разрослась застройка, был обведен крепостными стенами Шахристан-II. Контур его подпрямоугольный, местами со скосами стен. Длина стены с юго-западной стороны до 650 м. На северо-восточном участке стена имела перелом. На юго-восточной стороне стены прослеживаются до 550 м, а на северо-западной — до 400 м, далее они срезаны полями и дорогой, но сохранившийся к северо-востоку от Шахристана-I поросший колючкой останец в форме продолговатого языка позволяет считать, что общее протяжение Шахристана-II достигало также 650 м.

* Работы на Кургантепе возглавлялись автором данной книги и проходили при участии С. А. Савчука — 1980—1984 гг.; В. А. Карасева — 1980—1982 гг.; Т. Мкртычева — 1981—1982 гг. Земляные работы осуществлялись школьниками местных школ, а также разного профиля специалистами, приезжавшими из Москвы из интереса к археологии и Средней Азии (Е. А. Воробьева, В. В. Викторов, Б. М. Тараканов, А. Д. Стыркас и др.).

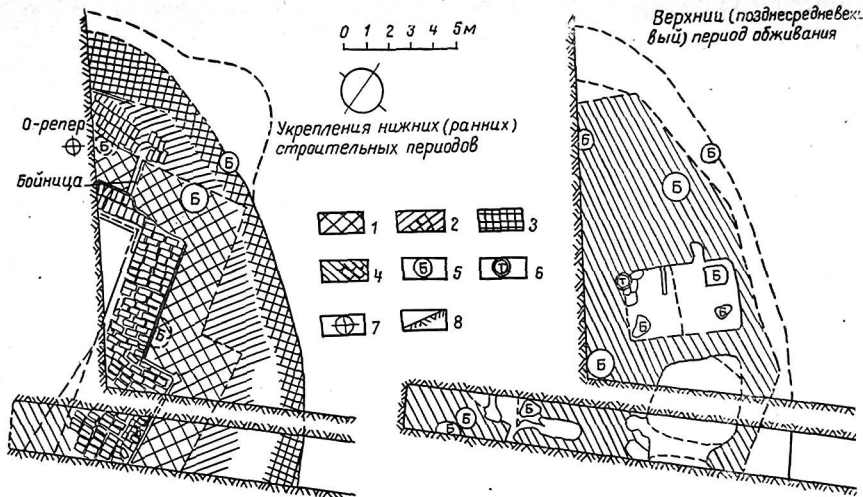

Рис. 24. Кургантепе. Цитадель. План. Раскоп 1. Разрез 1.

Поскольку в строительстве древних городов одним из важных элементов являлась фортификация, экспедиция сосредоточила работы на ее изучении. Были осуществлены разрезы стен цитадели и обоех шахристанов, а на цитадели — разведочные раскопки. Вначале была осуществлена зачистка внешнего контура стены цитадели (раскоп Кт-III). В этом месте она поднимается на 18 м над современным уровнем рва. Выяснено, что сверху сохранилась пахсовая кладка стены (пока неясно — основная или представляющая ее внешний футляр). Зачистка осуществлялась по внешнему фасу полутораметровой полосой сверху и до подожвы. Пахсовая стена сверху снаружи сильно разрушена и оплыла под углом до 45°; но на отметке 4 м от репера, закрепленного на высшей точке

стены, обнаружена ее внешняя грань, где пахса выложена со скосом до 20°. На отметке 5,2 м оказался почти пятиметровый горизонтальный выступ стены. Он отмечает либо внутренний коридор, некого ограниченный внешней стеной небольшой толщины (не стеснявшей маневренность лучников, стрелявших через бойницы), которая со временем полностью разрушилась; либо барьерную стенку, из-за которой велся обстрел. Далее следует срыв пахсовой стены. Ряды пахсы выводились с небольшими отступами, а затем скос стены заравнивался глиной, грань которой выявлена лишь на отметках 10,2—15,2 м. У нижнего края стена имеет явственно выраженный в микрорельефе выступ: по-видимому, это предстенная берма (протейхизма) с барьерной стенкой. Зачисткой установлено ее

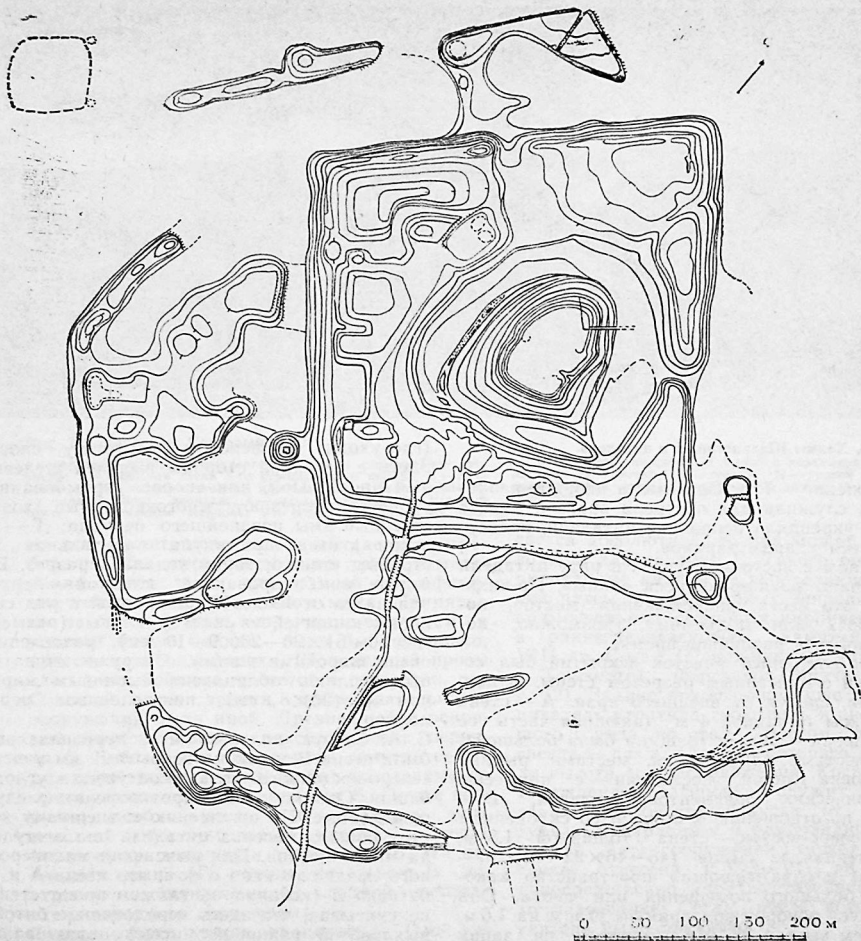

Рис. 25. Кургантепе. План.

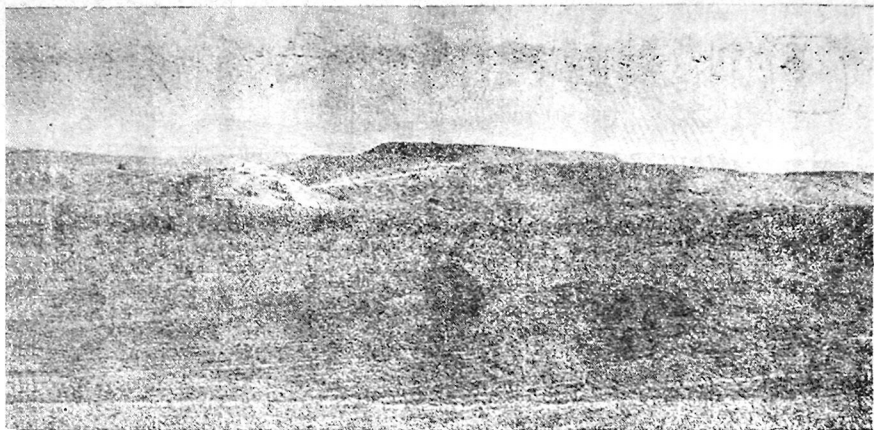

Рис. 26. Холмы Шахристана-I и цитадель.

протяжение — 7 м. Она имела двойное назначение: служила для обстрела врага и вместе с тем укрепляла основание цитадели, подвергавшееся ударам таранов.

В южном и восточном углах в низу цитадели выступают расширяющиеся «лапы». По-видимому, это места расположения мостов, постоянных или подъемных, возможно, построенных в различное время.

Северо-восточный участок вскрытий был сопряжен с описанным разрезом стены. В него попали, следуя от внешнего края: А — стена из пахсы толщиной 4 м (внешняя часть ее разрушена — общая толщина была большей); Б — местами глинобитная, местами рыхлая забутовка глиной, последняя — с примесью керамических фрагментов, угольков; В — вкось по отношению к стене А со склонением на северо-восток — стена толщиной 1,8 м, выведенная из сырца ($45-46 \times 22-23 \times 10-11$ см) и охватывающая пространство какого-то большого помещения или двора. Она образует поворот под прямым углом на 1,6 м, а затем выступ 3,5 м с поворотом на запад

(где уходит в нескрытую толщу слоев). Здесь с северной стороны выявлен шелевидный проем. Пол, или скорее утрамбованный уровень прорезают многочисленные хозяйственные ямы позднейшего периода; Г — изнутри к стене примкнула капитальная постройка, стена которой попала в разрез. Выведена комбинированной кладкой — ленточная пахса от 10 до 18 см высотой и ряд сырцовых кирпичей из желтой глины (размерами $50-51 \times 25-26 \times 9-10$ см), разделенных очень широкими швами. Снаружи стена эта была сплошь облицована сырцовым кирпичом ($? \times 25 \times 8$ см), поставленным вертикально.

С. А. Савчук полагал, что первоначальной была стена В и что на вскрытом им участке северо-восточного угла околонтурена угловая башня. Однако этому противоречат следующие данные. По отношению к внешнему контуру общего массива цитадели она отступает на много метров. Для выяснения маловероятного предположения о том, что стена А и забутовка Б (которую он также считает стеной, не учитывая, что здесь чередование битой и рыхловатой глиняной массы) наращивались

01 3м

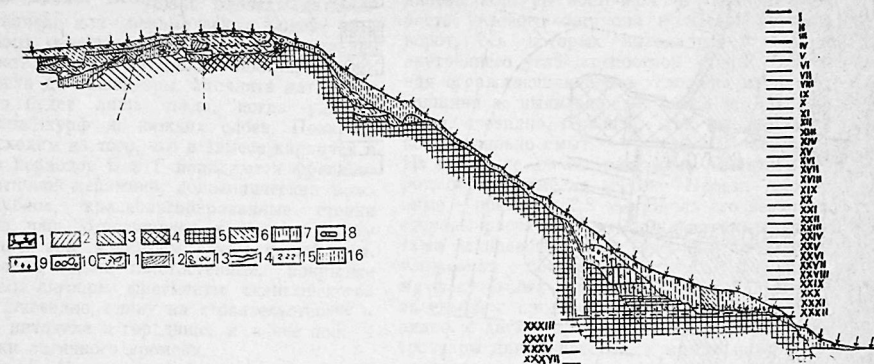

Рис. 27. Цитадель. Северный фас:

1 — дерновый слой; 2 — сырцовая стена 2-го строительного периода; 3 — сырцовая стена 4-го строительного периода; 4 — пахсовая стена 1-го строительного периода; 5 — пахсовая стена 3-го строительного периода; 6 — рыхлый грунт; 7 — плотный грунт; 8 — каменные жернова; 9 — уголь; 10 — завал из пах-

сы и сырцового кирпича; 11 — слой с керамикой и костями животных; 12 — натеки; 13 — гравий; 14 — уровни полов с остатками углей и золы; 15 — фрагменты гипса; 16 — грунт средней плотности.

на всю 18-метровую высоту цитадели, потребовались бы огромные затраты труда и материала. Кроме того, для древней фортификации толщина 1,8 м слишком мала. Принятая им за бойницу щель единична, между тем в угловой башне бойниц было бы несколько, притом на обоих фасах. Щелевидный проем здесь — не бойница, а световое отверстие.

С нашей точки зрения, последовательность сооружения была иной. Древнейшей и основной является мощная пахсовая стена периода А. В более поздний период внутри ее ограждений возведена постройка со стенами из прямоугольного сырца периода В. Потом возникла необходимость снивелировать весь внешний оборонительный массив, и тогда промежуток заполнили забутовкой Б. На последнем этапе (Г) смежно со стеной В построена комбинированной кладкой мощная стена какого-то сооружения.

Такова относительная хронология. Что ка-

сается абсолютной, то она может быть предложена для периода Г. Такого рода комбинированные кладки с чередованием ленточной пахсы и разделенных широкими швами прямоугольных сырцовых кирпичей известны в раннесредневековых памятниках VI—VIII вв. Согда (Пенджикент), Чача (Актепе в Ташкенте). Ферганы (Мунчактепе) (26, с. 12). Здание это возникло уже тогда, когда цитадель утратила свою роль в системе большого города, но стала местом дикиханского гнезда — дах'а, оборону которого обеспечивала высота его расположения. Косвенным подтверждением датировке служит находка в завале за этой стеной куска от оссурия с зубчатым парапетом и ромбовидной орнаментацией. Дата сооружения может быть еще точнее отнесена к VII—VIII вв. — периоду, непосредственно предшествующему арабскому завоеванию Согда, после которого Кургантепе было покинуто.

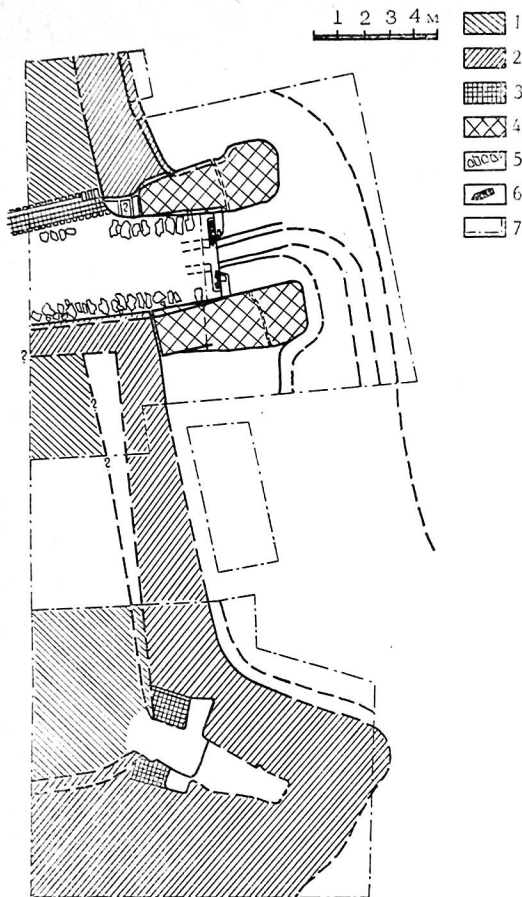

Рис. 28. Цитадель. Угловой бастион и ворота:

1 — забутовка (?); 2 — стена из пахсы; 3 — стена из сырцового кирпича; 4 — комбинированная кладка — сырец и блок пахсы; 5 — вымостка тротуаров камнем, плитняком; 6 — арочная балка основания ворот; 7 — граница раскопа.

Привлекает внимание совпадение размеров прямоугольного сырца стены периода В и кирпичей, местами введенных в пахсовые кладки храма. Возможна близкая датировка — начало или первые века нашей эры. Намного раньше возведена первоначальная крепостная стена цитадели, видимо, в первые века до нашей эры. Уточнить датировку можно будет лишь тогда, когда удастся опустить шурф до нижних слоев. Пока же мы исходим из того, что в замесе кирпичей и пахсы периодов Б и Г попадают фрагменты античной керамики: полоконические ножки кубков, красноангобированные стенки кубков, чаш, относящиеся к первым векам до нашей эры и первым векам нашей эры. Встречены также толстенные, покрытые красным ангобом фрагменты «кангойского» типа. Очевидно, глину на строительные брали на цитадели и городище, и в нее попали черепки античного времени.

Раскоп Кт-II содержал большое количество наслоений позднейшего обживания верха цитадели в XVIII—XIX вв. Это рыхлые слои (от 2 до 4 м) хозяйственных отвалов с большим содержанием золы, угольков, костей домашних животных, зеленоватых вкраплений органического происхождения и фрагментов грубоватой керамики. Обнаружено несколько хозяйственных ям, опускавшихся в нижележащие культурные слои. Керамика неполиваная, а также глазурованная. Последняя представлена фрагментами с мутноватой белой поливой и подглазурной орнаментацией лиловатыми «жучками», иногда растекающейся голубой краской, а также со сплошной пунцоватой голубой поливой. В данный период здесь, очевидно, проживали местные скотоводы, может быть, занимавшиеся и земледелием.

Раскоп Кт-II был заложен в юго-восточной части цитадели, где еще до начала работ были отмечены особенности рельефа: выдвинутый в юго-восточном направлении угол, пандус вдоль восточной стены, который начинался внизу от вытянутой языком в сторону рва площадки. Все это позволяло предположить, что именно здесь находился подъем в цитадель. Раскопки это подтвердили. Они

охватили угловой участок 32 м с севера на юг и от 9 до 14 м — с востока на запад с останком в средней части. При этом были выявлены контуры восточной и южной стен, часть углового бастиона и местоположение ворот, ось которых находилась в 17 м от внутреннего угла крепостной стены. Основная ограждающая стена сложена из пахсы, толщина ее выявлена на 2,5—3 м, но она была, очевидно, болейшей, так как внешний контур сильно смыт.

Из такой же пахсы выложены выступы ворот, обращенные на восток. Проезд между ними — пролетом 3,8 м. Вдоль его северной стороны расчищена вымостка крупными плитами сланцевого камня (шириной до 60 см), уложенная с постепенным спуском к внешнему фасу былых ворот. Отдельные плиты выявлены и с противоположной стороны — очевидно, с двух сторон въезда были плиточные тротуары для пешеходов, а между ними располагался проезд для всадников и колесниц шириной 2,5 м. Стены въезда сохранились выше отмости до 1,5 м. Углубление на одном из участков показало, что стена здесь продолжалась ниже отмости, и на глубине 1 м оказалась более древний уплотненный уровень. За выступом ворот начинался поворот к пандусу.

Перпендикулярно к основной пахсовой крепостной стене изнутри примыкают стенки толщиной 1,05—1,1 м, сложенные из сырца сероватой глины (размерами 38×23×? см). Они как бы продолжают въезд (прослежены в длину на 4,3 м). Возможно, это стенки привратных камер последнего периода функционирования цитадели как таковой, игравших определенную роль в оборонной системе. Защитки северной камеры выявили на стене до 7 рядов глино-саманных обмазок — свидетельство одновременного функционирования. Пол камеры пока не обнаружен — он лежит в глубине. На последнем этапе камера была забутована глиной. И в забутовке, и кладке стен попадаются отдельные фрагменты керамики, в том числе покрытой густо-красным ангобом, иногда с лощением.

На расстоянии 7,75 м от привратного участка (здесь — не вскрытый останек) была осуще-

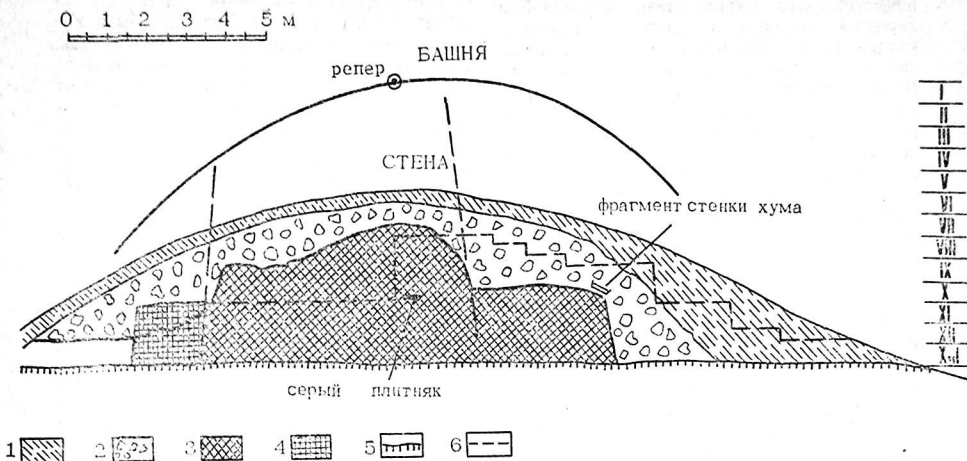

Рис. 29. Разрез стены Шахристана-I:

1 — рыхлая глина; 2 — завал комковатой глины от разрушенной

пахсы; 3 — первая пахсовая стена; 4 — вторая пахсовая стена; 5 — материковый грунт; 6 — контуры раскопа 1982 г.

ствлена раскопка юго-восточного угла, затрудненная тем, что снаружи он сильно смыт; тем не менее удалось выявить внутренний угол и общие контуры крепостных ограждений. Переход от восточной стены к южной осуществлен с некоторым скруглением внутреннего угла, с подобным же скруглением она переходит и к угловому бастиону, располагавшемуся под углом 45° к ограждающим стенам. Очертания бастиона в верхней зоне неясны, так как кладка здесь сильно разрушена.

У входа в бастион обнаружен пол — по-видимому, последний по времени функционирования бастиона; по отметкам он на 1 м выше отстки ворот. Над ним рыхлый надувной слой, а затем слой разрушения кладок, где попадаются, в частности, обломки сырцовых кирпичей ($35 \times 32 \times 9$ см; $40 \times 29 \times ?$ см).

Диагонально к стенам размещен вход в бастион (ширина — 1,5, глубина — 1,3 м), обложенный сырцовым кирпичом ($? \times 22 - 23 \times$

$\times 9$ см). По обе стороны прохода — подпрямоугольные небольшие ниши ($0,9 \times 1,3$ м; $0,8 \times 0,7$ м). Далее — полутораметровое по ширине пространство с очень неровными контурами, которое уходит вглубь до 6 м. Выявлено три уступа для спуска в один из этажей бастиона. Первый — длиной 1 м; второй — глубже на 1,2 м, длиной 2 м, третий — еще на 40 см ниже, причем все три имеют два уровня полов со смазкой (разница до 15 см). На этих полах, как и в глине на вскрытом угловом участке внутри ограждающих стен, встречены фрагменты красноангобированной керамики, иногда с лощением. В раскопе оказался также верхний слой позднейшего периода обживания цитадели в XVIII—XIX вв. — хозяйственные ямы, тандыры, завалы глины с золой, гипсом, грубоватой керамикой этого времени. Он не такой мощный, как на КтШ-I, это позволит в дальнейшем проверить стратиграфию нижележащих слоев.

Датировки на раскопе КтЦ-2 пока могут быть намечены лишь приблизительно. Внешняя пахсовая стена, образующая юго-восточный угол, очевидно, построена в одно время со стеной I на раскопе КтЦ-1. Отметки полов внутри бастiona, в камерах, у отстки проезда (под которой на метровой глубине обнаружен более ранний пол) еще требуют синхронизации. Стена привратной камеры пристроена к основной пахсовой стене, то есть она позднее ее по времени, но насколько — пока сказать трудно. Размеры сырья этой стены те же, что у кирпича в обкладке прохода в бастюн; возможно, они одновременны.

Крепостная стена Шахристана-I в рельефе читается как отлогий вал высотой 6—8 м от уровня окружающих полей. Ясно видны восхождения бывших башен и ровные линии куртин между ними. Однако установить, насколько башни выступали относительно линии стен (судя по рельефу, не намного), до производства раскопок невозможно.

У середины северо-западной стены, рядом с пересекающей ее современной дорогой, был осуществлен разрез. Оказалось, что стена представляет собой сплошной глинобитный массив. В глине — примеси речного песка и мелкой гальки. Очевидно, ее брали с прилегающей, обращенной к берегу Саганак территории, куда река намывала песок и гальку. Стена покоится на выровненном материковом лессе коричневого цвета, возможно, подрубленном по внешнему контуру, по-скольку подошва стены на 1,5—2 м ниже. На этом останце — кладка пахсы со скосом граней, толщина которой понизу 7 м, а на современном гребне — 5,5 м. К массиву этой стены снаружи примыкает пахсовая берма = протейхизма высотой 1,5 м, выступающая на 3,5 м, внизу она выведена единым со стеною пластом, а выше — вплотную к ней. Никаких признаков внутривстретного коридора или казематов нет — очевидно, защита осуществлялась с гребня стены. Башни могли иметь стрелковые камеры, но в микрорельефе нет каких-либо западаний, которые бы указывали на существование камер.

На внутренней стороне в разрезе отмечены

некоторые детали застройки данного участка города. За гранью пахсовой кладки стены, на протяжении до двух метров внизу лежит комковатая, а выше — плотная глиняная масса, очевидно, накопившаяся при постепенном разрушении стены. В какой-то период эта глина была изнутри подровнена, со скосом граней; на отметке 6,25 м от репера к ней примыкает уплотненный уровень. Он примерно совпадает с тем уровнем, на котором было основано пахсовое здание периода В в стратиграфическом шурфе.

Каково местоположение ворот в Шахристане-I? Современные дороги пререзают все его четыре стены, причем три — примерно посредине. Однако осмотр обрывов у этих дорог и общего очертания стен свидетельствует, что на юго-восточном и северо-западном фасах в древности ворот не было. Возможно, на северо-восточном они существовали — на этом участке стена имеет посредине сильный выступ бывшего оборонительного устройства. Главные же ворота, по-видимому, располагались у южного угла юго-западного фаса. Во-первых, их оборонял мощный угловой бастюн; во-вторых, здесь располагался пандус, через который проходит и современная сельская дорога, и, в-третьих, этот фас обращен в сторону основного пути из ущелья Саганак в долину Акдарьи и к Мианкалю. Рядом под защитой привратных устройств располагался небольшой храм.

Структура сильно оплывшей стены Шахристана-II выявлена разрезом на северо-западном фаса. Она сложена рядами пахсы высотой 50—80 см. Косые трещины придают ей вид блочной структуры, однако, это результат неравномерной усадки. Толщина стены у подошвы — 5,5 м, сверху она сужается, так как внешние грани лежат со скосом. Юго-западная стена, сохранившаяся в высоту на 2,5—3 м, шире — 6 м поверху. Рва вокруг стены нет.

Итак, крепостные стены городских ограждений Кургантепе — глинобитные, на подрезанном лесовом основании. Изучение фортификации Мараканды (городище Афрасиаб) показало, что для строительства этого города было выбрано естественное лесовое восхол-

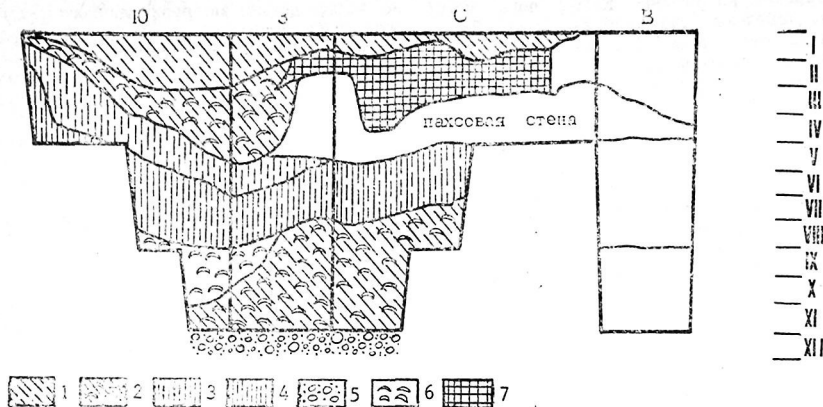

Рис. 30. Стратиграфический шурф в Шахристани-1:

нижний, средний и верхний горизонты —
1 — рыхлая глина, галечка, надувная земля; 2 — рыхловатая

глина с включениями (керамика, зола, гипс); 3 — слой средней плотности с хозяйственными включениями (керамика, зола, гипс); 4 — плотная глина с хозяйственными включениями; 5 — материковый песок и галька; 6 — керамика; 7 — пахса.

ление, края которого были подрублены и затем закреплены по периметру метровым глинобитным пластом до 25 м в сечении. На нем была воздвигнута стена, претерпевшая три этапа постройки, разрушения и реставрации. На одном из участков остатки этой стены выложены пахсой, на другом — прямоугольным сырцом (143, с. 68; 154).

Арриан (IV, гл. II), повествуя о взятии Александром на протяжении двух дней пути к Мараканде пяти согдийских городов, первым из которых была Газа, так описывает штурм ее стен: «Явившись к Газе, (Александр) тотчас дал знак напасть на ее стены, земляные и невысокие, и кругом со всех сторон приставить штурмовые лестницы. Одновременно с нападением пехоты стали стрелять в защитников стен его пращники, стрелки и акониты бросали также метательные снаряды из машин. Такое количество метательных снарядов скоро очистило стены от защитников, быстро поставлены были штурмо-

вые лестницы и македоняне взойшли на стены» (3, с. 164).

Таким образом, пахсовые стены были традиционными для древнесогдийской фортификации. В первых веках до нашей эры и в начале нашей эры они возводились и из пахсы, и из сырца, причем, если появление сырца квадратной формы в античных стенах Мараканды, возможно, возникло под влиянием греко-бактрийского зодчества, то применение пахсы в укреплениях Кургантепе являлось продолжением древней местной традиции, которой придерживались в провинциальных городах самаркандского Согда.

В IV в. до н. э. греки без труда овладевали с помощью стенобитных машин укреплениями согдийских городов. Усиление стен Кургантепе в Шахристани-1 и цитадели относом бермы было обусловлено двумя причинами. Во-первых, тем, чтобы противостоять ударам таранов, во-вторых, — особенностям лесового основания (на котором возводились стены),

имеющего тенденцию к вертикальному рас-
слоению — если бы непосредственно на нем
основывалась стена, то ей грозило бы ополза-
ние понизу, по внешнему обрезу. Это было
учтено строителями укреплений Мараканды
(143, с. 69).

Монолитность стен, устройство широких ба-
шенных выступов, а также упомянутого
предстенного выступа Кургантепе, напоми-
нают греческий принцип фортификации, кото-
рый на бактрийской почве запечатлен в ог-
раждениях Ай-Ханум III—II вв. до н. э. (165).
Укрепления Кургантепе возникли уже после
захвата Согдианы Александром, а затем Ан-
тиохом, датировать их следует II в. до н. э.
Подтверждает эту датировку и стратиграфия
Шахристана-II.

Стены Шахристана-II уже не столь массив-
ны. Они, как уже отмечено, были созданы
после плотной застройки Шахристана-I и
территории за его пределами. Стены эти слу-
жили первым оборонительным рубежом, ов-
ладев которым, враг оказывался зажатым
между ними и мощными укреплениями Шах-
ристана-I. Возведение их может быть отнесе-
но к I—II вв. н. э.; одним из аргументов в
пользу этой датировки является сооружение
храма огня, который мог возникнуть, лишь
находясь в защищенной зоне античного го-
рода.

В целях хронологического уточнения ранних
этапов истории городища был заложен стра-
тиграфический шурф в северо-западном сек-
торе Шахристана-I близ разреза крепостной
стены и в 10 м от раскопа Кт-3 с тем, что-
бы связать все это единой стратиграфиче-
ской колонкой. Верхний горизонт шурфа
(I ярус) лежит на 3,1 м ниже репера, ранее
находившегося на самой возвышенной точке
крепостной стены на данном участке.

Размеры шурфа, ориентированного по линии
восток — запад, — 2×4 м; на глубине 2 м он
уменьшается до 2×2 м, на глубине 4 м — до
 2×1 м. Культурный слой доходит до конца
XI яруса, далее на полметра прослежен пес-
чано-галечный материк, — видимо, древнее
блуждающее русло р. Саганак. В шурфе вы-
явлено пять основных стратиграфических
слоев, лежащих со скосами. Обозначим их

сверху вниз буквами А — Е.

Слой А (I ярус со склонением к югу до
конца II яруса). Сверху под дерновым
слоем — натечная и надувная разрыхленная
глина от смыва крепостной стены с мелкой
галкой, единичными фрагментами безглазур-
ной керамики.

Слой Б (от I до V яруса на юго-западном
участке шурфа). Слой глины с отдельными
фрагментами керамики и галечками, оплыв-
шей, видимо, с пахсовых стен рядом распо-
ложенной разрушенной постройки.

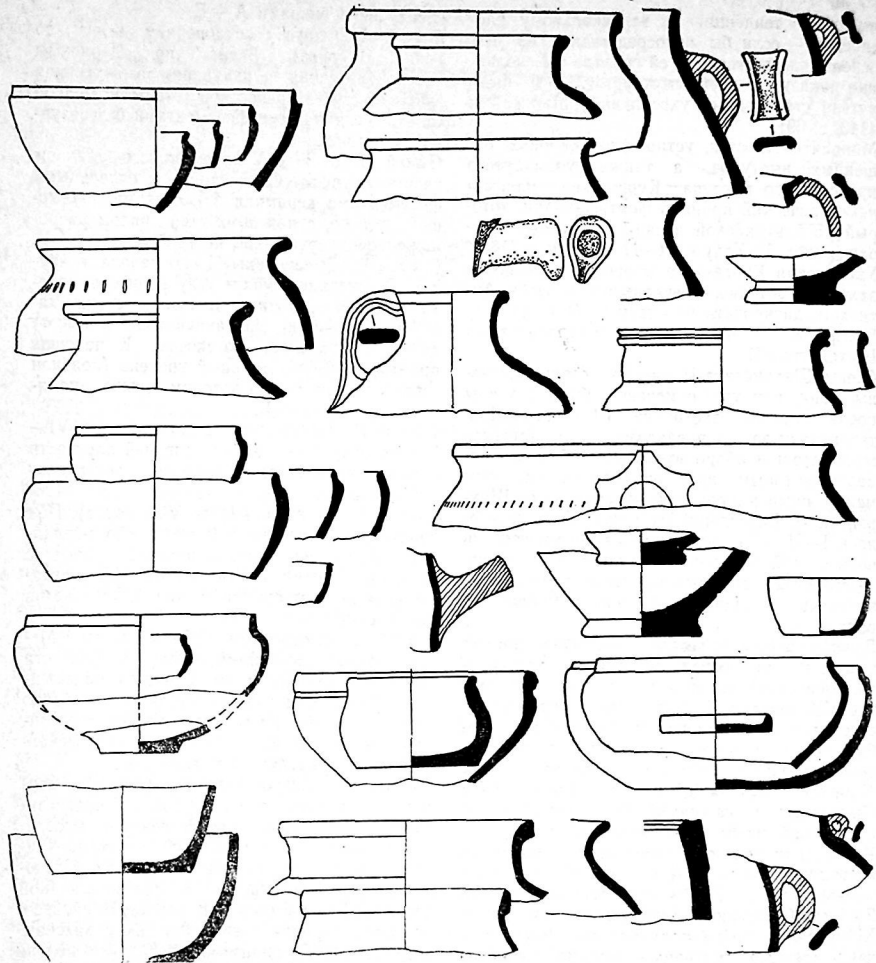
Слой В (от середины II до начала V яру-
са). В северо-восточном углу шурфа выявле-
на частично срезанная пахсовая стена ка-
кой-то постройки, сохранившаяся в высоту
на 1,5 м. Грань ее — со скосом. К подошве
примыкает горизонтальный уровень (пол или
горизонт двора?), на котором лежит упомя-
нутый завал слоя Б.

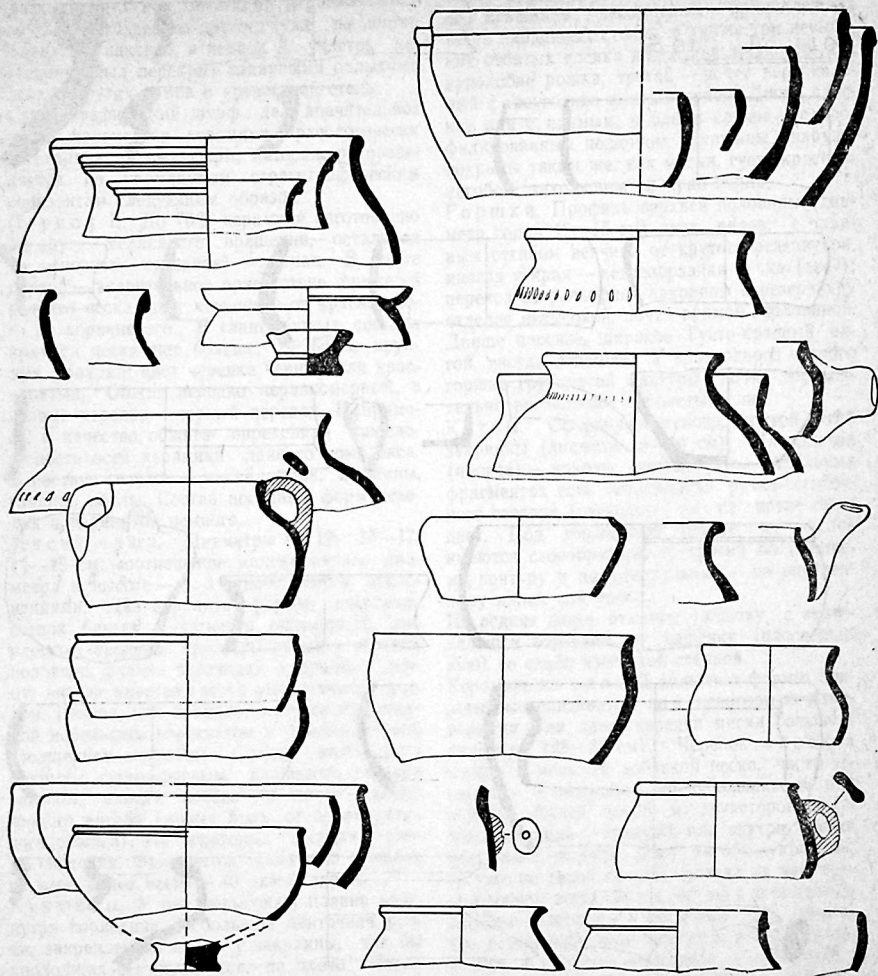
Слой Г (вскос от II до границы VI—
VII ярусов). Язык завала средней плотности
с включенными остатками керамики, золы, кам-
ней, глины.

Слой Д (от начала II до VIII яруса). Под
горизонтом Б и стеною В вкось в юго-запад-
ном направлении — завал плотной глины с
многочисленными вкраплениями: фрагмента-
ми керамики, множеством костей, угольками,
камешками.

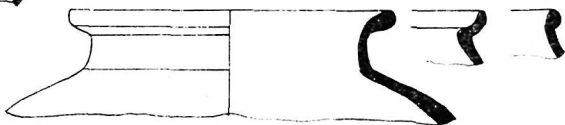
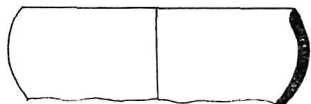
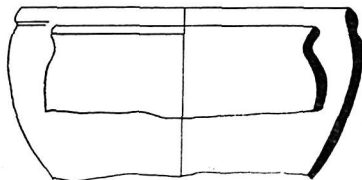
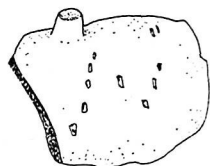
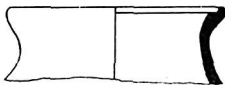
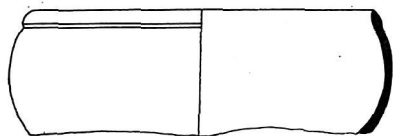
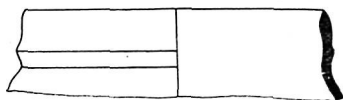
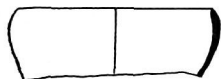
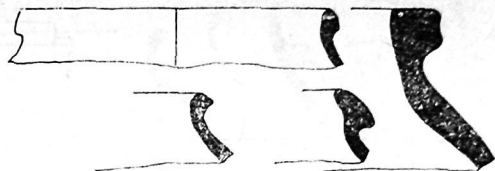
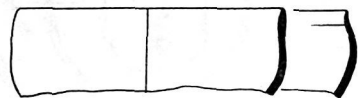
Слой Е (в основном VIII—XI ярусы). Ме-
нее плотный слой глины, сырой от близости
подпочвенных вод, с аналогичным содержи-
мым. Внизу выделяется линза с особенно
обильным скоплением керамических череп-
ков, среди которых оказалась растрескав-
шаяся, но практически целая чаша.

Анализируя общую стратиграфическую кар-
тину, мы видим, что слои Е, Д и Г представ-
ляют собой отвалы хозяйственного мусора,
сбрасывавшегося у городской стены на уча-
стке большой незастроенной городской пло-
щади, располагавшейся в северо-западной
четверти Шахристана-I. В период В произве-
дена нивелировка и возведен дом с пахсовы-
ми стенами. По-видимому, тогда же вблизи
на участке Кт-3 было построено здание с
пахсовыми стенами. В период Б упомянутые
дома были разрушены; позднее на участке

01 5 10 CM

раскола Кт-3 над остатками первоначально-го здания возведено другое, уже по иному плану. И, наконец, в период А участок постепенно был перекрыт глиняными оплывами этих и других домов и крепостной стены.

Стратиграфический шурф дал значительное число фрагментов керамики археологически восстанавливаемых форм, которая распределяется по упомянутым стратиграфическим горизонтам следующим образом.

Период Е. До 70% керамики изготовлено на круге медленного вращения, остальная (в основном кухонная) — лепная. В тесте первой — значительное присутствие примесей речного песка, цвет черепка — от красноватого до коричневого. В глине лепных сосудов примеси песка еще больше, он более крупных фракций; цвет черепка черный или красноватый. Обжиг нередко неравномерный, в изломе черепка — черный перекал. И примеси, и качество обжига определили тяжеловесность всей керамики данного комплекса. В составе сосудов — миски, чаши, кувшины, горшки, котлы. Состав посудных форм невелик и вариантов немного.

Миски, чаши. Диаметры их 19; 16—17; 11—12 см; соотношение максимального диаметра к высоте — 1:3 с небольшими отклонениями. Два варианта формы: очертание стенок близко к четверти окружности, дно плоское; профиль, круто выгнутый в верхней половине, плавно переходит к прямому доцу, иногда имеется слегка выступающий поддон. Венчик, как правило, выделен над стенкой небольшим перехватом и утончением или утолщением закраины. Сосуды этого типа покрыты густо-красным, вишневого оттенка ангобом, иногда поверх красного — пятна черного ангоба (может быть, от неравномерного обжига). На некоторых сосудах — следы лощения. Фрагментов таких чаш и мисок из слоя более всего — 40 экземпляров.

Кувшины. У них невысокая, плавно изогнутая горловина. Небольшая ленточная ручка, закрепленная прямо у закраины, как бы продолжая ее, опускается на плечо. Число

Рис. 31. Керамика из стратиграфического шурфа. Средний и верхний горизонты.

таких фрагментов невелико — 3 экземпляра, но кувшины, несомненно, принадлежала часть найденных стенок, а также три невысоких отбитых носика для слива жидкости: два наподобие рожа, третий — почти вертикальный с треугольно смятым краем. Донья плоские или с прямым, в одном случае — с профилированным поддоном. Кувшины снаружи покрыты таким же, как миски, густо-красным ангобом, заходящим за край горла.

Горшки. Профиль верхней половины (диаметр горла 12—15 см) двух видов: с плавным отгибом венчика от крутого резервуара, иногда у края — петлеобразная ручка (две?); переход от рельефной закраины к резервуару отделен невысокой, почти прямой горловиной. Днище плоское, широкое. Густо-красный ангоб, иногда лощение. У края одного лепного горшка грубоватой фактуры почти горизонтально расположен грубчатый слив.

Котлы. Сфероидное тулово, крутой отгиб закраины (диаметр 18—19 см). На плечах (иногда) — наколы стекой. На отдельных фрагментах есть петлевидная ручка ленточного сечения (очевидно, их на котле было две). Под горловиной одного из котлов имеются своеобразный трехгрешный по внешнему контуру и полусферический — по внутреннему наплел для упора.

Из редких форм отметим плошку с вертикальным бортиком и чашечку (плоскодонную) со слабо изогнутой стенкой.

Керамика из слоя Д включает формы, аналогичные описанным, но с некоторыми изменениями. Так, здесь нередки миски большого диаметра (28—30 см). Черепок мисок и чаш — с меньшей добавкой песка, часть черепков — с перекалом, но в большинстве они ровного обжига. Ангоб и двухсторонний, и односторонний — снаружи или внутри, слегка заходящий за край. Цвет ангоба — красный, но уже не такой густой; иногда на нем черные мазки; встречаются сосуды с коричневым ангобом. Закраины — прежнего типа, очертание резервуара либо выпуклое в верхней половине, с плавным переходом к небольшому поддону (с выемом или прямому), либо небольшой кривизны. Горшки — с менее

крутым, чем прежде, выгибом шейки, закраина их слегка утолщена, но встречается и выпукло-профилированные венчики. Вверху на стенке одного из горшков — почти горизонтальный слив-рожек; на другой стенке (возможно, от кувшины) — небольшой носик-слив, направленный вверх. Найдены также два фрагмента горшков с маленькими петлеобразными ручками ленточного сечения. Котлы лепные, прежнего вида, черепок — серый с дрсевой, снаружи — черный ангоб, иногда под шейкой ряд наков. Все они закопчены. Встречен фрагмент плоской подставки с вертикальным бортиком («сковорода»). Отметим находку в этом горизонте загнутого края железного серпа.

Слои Г и Е. Наряду с отдельными фрагментами мисок-чаш предшествующего горизонта, найдены два фрагмента верха резервуара бокалов — тонкостенных, плотного однородного черепа, покрытых (один) густо-красным и (другой) коричнево-красным ангобом, с лощением. Имеются еще несколько фрагментов стенок бокалов или кубков, донная часть тонкостенного кувшина светлого цвета, горловина тонкостенного кувшинчика. В слое Б оказались фрагменты явно более поздних массивных хозяйственных сосудов — закраина хума с подквадратным венчиком, горшки с рельефно моделированным венчиком. Черепок их — цвета лесса, на хуме — такого же цвета ангоб.

В верхнем слое А оплыва глины найдены черепки стенок и горловины — красноангобированные с лощением и черными пятнами; гонбые, толстостенные, землистого цвета.

Описанные комплексы керамики из шурфа позволяют уточнить хронологию основных стратиграфических слоев. Для сосудов периодов Е и Д аналогии дает керамика сако-усуньского времени датеких от Самарканда районов Семиречья и Ферганы. Так, сосуды из могильников Кетмень-Тюбе в Киргизии сделаны из глины с дресвой и мелким песком, черепок их темно- или светло-красного цвета, обжиг неравномерный, отчего окраска поверхности неоднородна (52, с. 43). Состав сосудов, найденных в данных могильниках, ог-

раничен: миски, чаши и кувшины, горшки, изредка кружки. Профили чаш и их пропорции аналогичны кургантепским периода Е и Д (52, с. 45, рис. 24, 1—5). Кувшины с петельчатой ручкой и носиком-рожкой близ горловины извлечены из могильников Кайрак и Джал-Арык (52, рис. 24, 12, 25). Археологи датируют их VII—III вв. до н. э. В рассматриваемом комплексе следует отметить гораздо больший, чем в сако-усуньской, процент станковой, а не лепной керамики — показатель более передовой гончарной технологии и, соответственно, более позднего происхождения. Кувшины с небольшой ручкой и носиком-рожкой обнаружены в 60-х гг. на поселении Ак-тюбе в районе Чардара (23, с. 53, рис. 35), керамику которого тогда относили к I—IV вв. н. э. (23, с. 63—64). Однако в последние годы датировки керамики сырдаринских районов, в частности, так называемой «каучинской», были подвергнуты пересмотру, и группа кувшинов, которая попала в комплекс Каучи-I, датируется пределами II в. до н. э. — II в. н. э. (20, с. 100, рис. 6). Таким образом, состав керамических форм комплекса Е и Д может быть сопоставлен с упомянутым сако-усуньским набором форм и отнесен к началу периода Каучи-II, т. е. II—I вв. до н. э.

Мы считаем возможным датировать хозяйственные отвалы из слоев Е и Д временем захвата Самаркандского Согда Кангюем и последующего оседания кангюйцев на здешних землях и именовать описанный комплекс керамики из слоев Е и Д «кангюйским». Пришельцы, вопреки правилам обороны, у городской стены устроили мусорную свалку, которая, судя по мощной (до 5 м) толще, служила таковой не один десяток лет.

Слой Г, как уже отмечено, смешанный. В нем попадаются фрагменты мисок «кангюйского» типа, — возможно, перемешенных из нижележащего горизонта, и тонкостенных бокалов и кувшинов, характерных для керамики античного Согда. В этот период на выравненном уровне былой свалки возведены дома с паховыми стенами. В отличие от античной Бактрии, где строительство велось преимущественно из сырца, в согдийской архитекту-

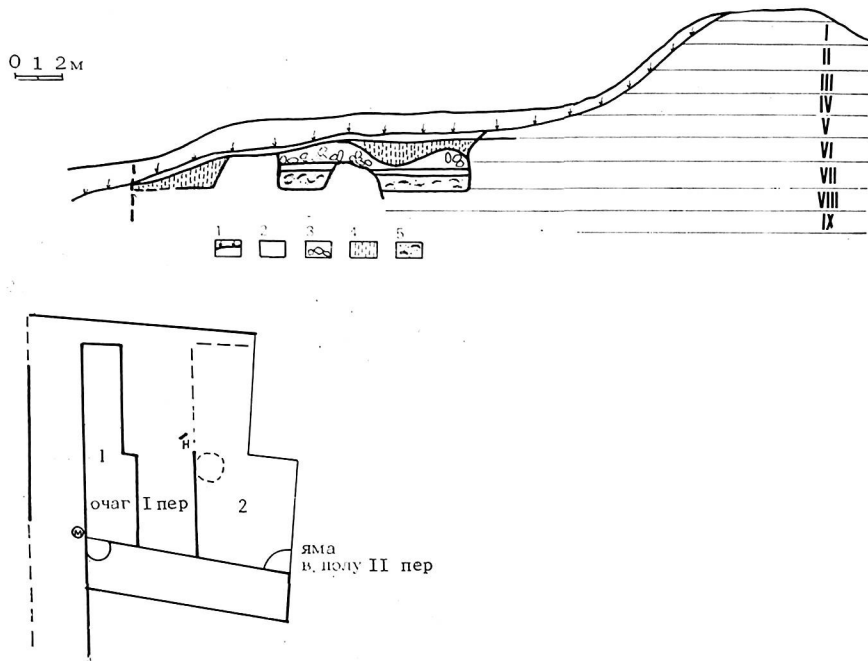

Рис. 12. Раскоп Кт-3. План, разрез:

1 — деревяный слой; 2 — пахса; 3 — комковатый завал; 4 — натеч-

но-надувной слой; 5 — рыхловатая глина с включениями керамики, зола.

ре первых веков до нашей эры и в начале нашей эры преобладала пахса. Так, пахсовыми были стены жилых домов на Умараминтепе и Алпамыштепе, содержащих характерную античную керамику афрасиабского типа. От уточнения датировки слоя Г в веках мы пока воздержимся.

Часть пахсовой стены одного из домов, как было указано, попала в шурф. Более определенно можно говорить о застройке на близко расположенном раскопе Кт-3, где вплотную к крепостной стене было возведено здание,

уровень пола которого лежит на отметке 3,7 м от репера. Раскоп на площади 10×10 м выявил два строительных периода. К первому относятся два помещения. Одно из них — продолговатое, коридорообразное с уступом ($3,4 \times 0,65 - 0,95$), второе вскрыто в длину на 4 м и в ширину на 1,5 м. Стены — пахсовые, толщина внешней юго-восточной и внутренней — 1,05 м, с уступом — 1,45 м. В одном из углов — округлый очаг. Кладка пахсы внешней стены — со скосом граней, внутренней — отвесная. Полы глинобитные, над ними в

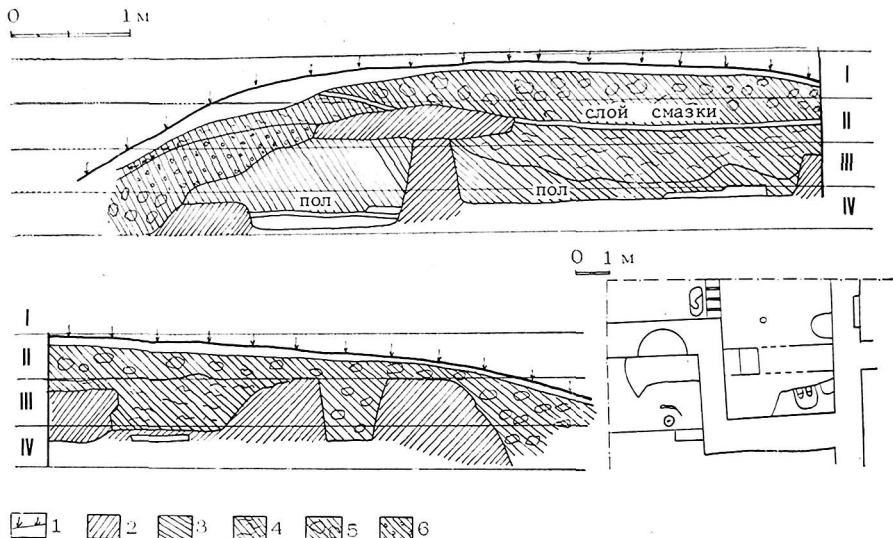

Рис. 33. Раскоп Кт-6. План, разрезы:

1 — дерновый слой; 2 — пахса; 3 — плотный завал пахсы; 4 —

обоих помещениях — сплошной слой пожара (до 27 см): окаленная глина, угольки.

Во втором периоде над пришедшим в полный упадок зданием, внешняя стена которого сохранилась, возможно, не на полную высоту, была осуществлена нивелировка полутора-метровым слоем комковатой глины, вероятно, от разрушенных стен. Затем возведена новая постройка, часть помещения и одна пахсовая стена которой попали в раскоп. Она примыкает к внешней стене первого периода под углом, новый пол перекрывает остатки былой внутренней стены первого периода. Таким образом, планировка нового здания не совпала с предыдущей.

У стены помещения второго периода находится хозяйственная яма и очаг. Над очагом

рыхлая глина; 5 — глина с комьями пахсы; 6 — глина с галечкой.

в дерновом слое оказалась сильно окисленная медная согдийская монета с квадратным отверстием, датируемая VII — началом VIII в. Она датирует время последнего этапа функционирования или, скорее, полного разрушения верхнего здания, со стенами, сохранившимися лишь на небольшую высоту, в оплыв которых попала монета.

Датировка обоих стратиграфических горизонтов определяется керамическими фрагментами, извлеченными из глины под полами. Целых форм нет. Большинство фрагментов — античного времени: донца и стенки кубков с красным или коричневаточерным ангобом, красноангобированные кувшины и чаши, эйнохоевидная горловина и др. Есть невыразительные фрагменты крупных сосудов, по-

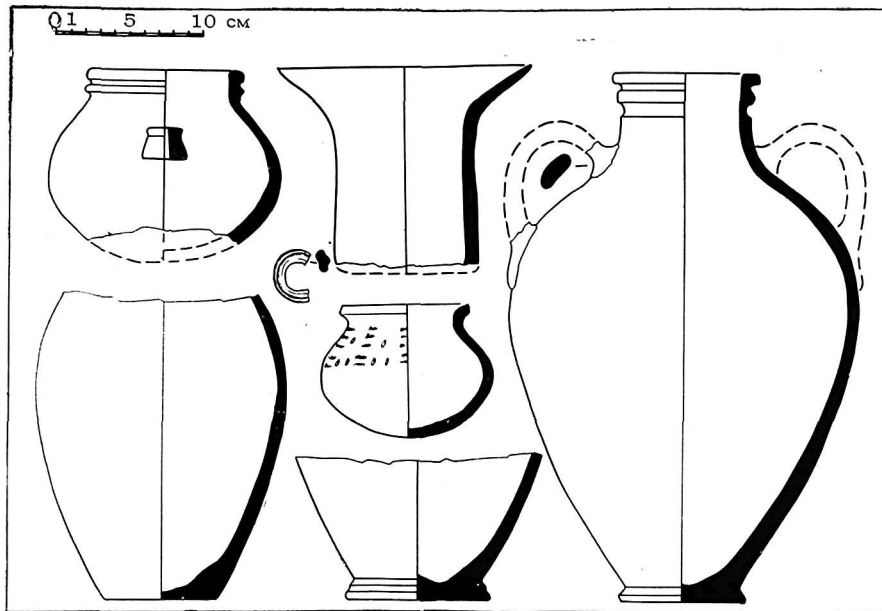

Рис. 34. Керамика из хозяйственной ямы в здании Кт-6.

крытые светлым ангобом. В нижнем горизонте керамика более качественная, датировка ее может быть отнесена к первым векам нашей эры. В верхнем здании керамика более грубая. Хотя не исключено, что верхнее строение восходит к раннему средневековью (преобладают толстостенная керамика, светлоангобное покрытие), в ее составе нет столь типичных для VI—VII вв. сосудов с потеками черной или красной краски или таких характерных форм, как кружки с петельчатой ручкой. Таким образом, возможна датировка его позднеантичным временем, когда город находился накануне общего упадка. Оба строения имели бытовое назначение, по-видимому, это были дома малоимущих горожан,

жившихся на окраине города.

Экспедицией были начаты раскопки более крупного объекта (шифр Кт-6), контуры которого отчетливо проступали в микрорельфе: ориентированный в юго-западном направлении четкий прямоугольник (8×20 м) с пониженным рельефом на северо-восток до 10 м, где выделялись западания трех бывших помещений. Мы не сомневались в том, что это постройка позднего периода, но на срывах ее находили тонкостенные красноангобированные черепки. Расположено это здание в южном углу Шахристана-1, на бугре, который возвышается над гребнем крепостной стены. Раскоп был заложен на площади 10×10 м. Вверху оказался слой рыхлой, местами ком-

коватой глины — это, по-видимому, остатки какой-то позднейшей недолговечной постройки. Здесь обнаружены дощца с густо-зеленой поливой, длинный носик керамического кумгана; то и другое — XIX—XX вв. Ниже выявлены незначительные остатки более древнего здания с паховыми стенами. Постройка погибла от пожара — на глинобитном полу лежат слой золы, обгорелое дерево, угли, окаленная глина разрушенной пахсы. Архитектурных контуров помещений определить не удалось. В жилой части выявлены опущенные вплоть до уровня полов предшествующего здания хозяйственные ямы. В одной из них — комплекс фрагментированной керамики, представленных несколькими формами. В их числе — крупный одноручный кувшин (высота 35 см, диаметр 24 см) с невысоким горлом (диаметр 10,4 см), плавно переходящим к крутым плечам яйцеобразного тулова на невысоком плоском поддоне (диаметр 9,2 см); от ручки сохранились лишь места крепления у выгиба шейки и в верхней трети тулова. Черепок светло-кофейного цвета, снаружи — светлый ангоб. Имеются куски еще двух кувшинов: от одного сохранилась донная часть, от другого, меньшего по размерам (диаметр 17 см), с плоским дном (диаметр 8 см) — яйцевидное тулово. Своеобразны два широкогорлых горшочка: один (почти целый) — круглодонный, с широким резервуаром (диаметр 12 см) и вертикальным срезом венчика, другой — аналогичного профиля, более крупный (диаметр 16 см), с двойной профилировкой венчика. Черепок их коричневато-серый, с большой примесью дресвы, ангоб грязноватого тона. На плечах малого — орнаментация: пять рядов полосок, нанесенных мелкогребенчатым инструментом, и три фестона. Имеются отдельная петельчатая ручка, два прислица. Одно из них (диаметр 4 см) — небрежно выточено из черепка толщиной 1 мм, другое сделано из конического дощца античного бокала, в котором просверлено отверстие.

Комплекс керамики и монета бухархуддагского типа, найденная под полом, датируют дом VI — началом VIII в.

Под этим зданием обнаружены остатки более

ранней постройки, снивелированной на высоте 80—105 см от пола. Стены ее — из пахсы, выложенной со скосом граней. Вскрыты помещения размерами 4×3,2 м и частично два других — 2,5×3 и 3×3 м (размеры последние были больше, оно уходит в не вскрытую толщу). В первом обнаружен размытый наискосок в углу очаг, а у юго-западной стены — полукруглое основание (высота 12 см) с окаленной лункой посредине — возможно, домашний алтарь. Напротив него в полу круглое углубление — видимо, след истлевшей стойки. Толщина стены — 1 м, перегородок — 70 см. На северном участке был дверной проем, который на каком-то этапе был заложен сыровым кирпичом (40×23×8,5 см). Поскольку прямоугольный сырц применялся в данном районе не только в период средневековья, но и в античное время, он не может служить датирующим элементом. Не является датирующим и немногочисленный сбор керамических черепков — среди них встречаются как античные красноангобированные, так и со светлым, мелкопористым черепком и светлым ангобом. Периоды строительства вышерасположенного здания и этого сооружения разделены значительным временным промежутком, поскольку ко времени возведения первого от нижнего остались лишь руины.

Пробное углубление под пол на одном из участков дало возможность определить, что и этот дом стоит на руинах более раннего помещения. Таким образом, постепенная смена строений здесь продолжалась на протяжении многих десятилетий или столетий. При сопоставлении отметок данного участка городища с материком в основании стратиграфического шурфа Кт-3, разница между ними равна почти 15 метрам. Разумеется, на данном участке материк может оказаться и выше. Но и в этом случае постройки античного времени погребены на значительной глубине.

Стратиграфические толщи Шахристана-2 не столь насыщены. Проверка их осуществлена в нескольких пунктах. Прежде всего мы провели зачистку среза, осуществленного при расширении дороги, которая пересекает большой бугор в юго-восточном отделе Шахри-

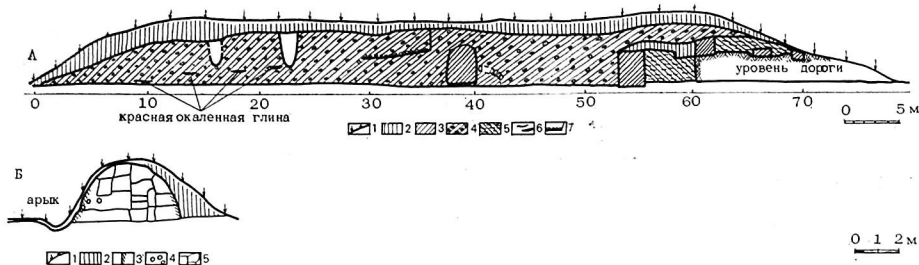

Рис. 35. А — Разрез у дороги через большой южный холм Шахристана-II; Б — разрез стены Шахристана-II.
А: 1 — дерновый слой; 2 — оплыв пахсы; 3 — пахса; 4 — глина; 5 —

стана-2. Он имеет длину 80 м при максимальной высоте 5 м (сам холм выше — до 7–8 м), плавно сходя по краям на нет. Культурные слои начинаются почти на уровне современной дороги, ниже — материковый лесс. Принимая этот уровень за нулевую линию по вертикали, а северо-западный край холма — за нулевую отметку, приведем, соответственно, данные о культурных залежаниях, выявленных зачистками. Последние удалось довести в высоту на 3 м, содержание же вышележащего двухметрового культурного слоя пока неясно — он затятан оплывами глины. На отметках 9,4–10,8 м — три пятисантиметровые полосы красной, окаленной огнем глины, возможно, очажные пятна. На отметках 17–18,2 м — полуovalы двух бадрабов. Первый из них — без содержимого, во втором — слой зеленоватой от органических включений глины, куски разбитого жженого кирпича толщиной 3,5 см, зола, кости животных, несколько невыразительных фрагментов кухонной керамики. На отметке 18–19 м, 0,7–1 м — сегментовидная линия зольника. На отметках 29,5–36 м, 2,2–2,8 м — отсыпка из мелкой гальки со смазкой, содержащей включения керамических черепков и костей животных. Она примыкает к грани, уходящей в верх пахсовой стены толщиной 2 м и по высоте в данном участке почти достигает верха холма. Очевидно, это разрез помеще-

комковатый завал; 6 — зольник; 7 — отсыпка из мелких галек, черепков, косточек; Б: 1 — дерновый слой; 2 — оплыв глины; 3 — грань стены; 4 — норы; 5 — пахса.

ния здания верхнего строительного горизонта. Поперечно к нему на отметках 37,5–4 м/0,1–3,2 м примыкает пахсовая стена нижележащего более древнего сооружения, справа от которого — фрагмент свода из сырцового кирпича (размерами 42×?×12 см), рухнувшего на мелкокомковатую глину, скопившуюся над полом. Далее — до отметки 53,2 м — глина без археологических включений, а затем — остатки строений, лежащих на двух уровнях. На нулевом уровне — пол помещения пролетом 4,6 м, которое с одной стороны ограничено пахсовой стеной двухметровой толщины, а с противоположной — подрубленным остоном материкового лесса. Очевидно, в древности здесь было небольшое естественное всхолмление, которое продолжается до края холма. Пахсовая стена сохранилась в высоту на 3 м. Позднее здание пришло в упадок, а помещение заполнила комковатая глина разрушенных стен. Над упомянутым лессовым остом возведена новая постройка. В разрезе выявлены два ее помещения, ограниченные поперечными стенами из пахсы (толщина двух из них — 1,8 м, третьей — 1,2 м, сохранность в высоту — от 0,8 до 1,8 м). На глинобитных полах внутри помещений имеются значительные зольники, над ними — комковатый завал, а за внешней стеной — сплошная масса оплывшей глины. Таким образом, в этом разрезе холма выяв-

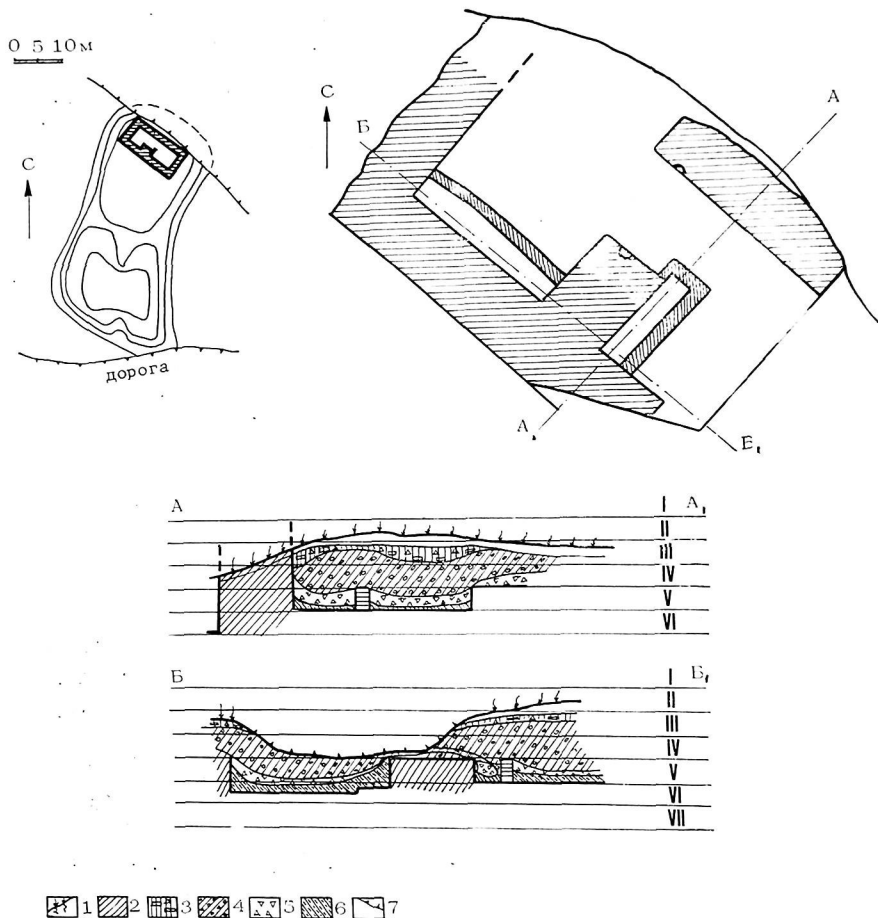

Рис. 36. Объект Кт-5. Планы вскрытого участка. Разрезы:

1 — дерновый слой; 2 — пахса; 3 — рыхлый слой земли; 4 — завал кусков кирпичей; 5 — комковатая глина; 6 — слой плотной натечной глины; 7 — разрушение холма.

лены по крайней мере два строительных периода, разделенных значительным временным интервалом: здания первого периода пришли в упадок и над их руинами возведены новые. В центральной части холм достигает в высоту 7—8 м, поэтому не исключено, что там здания II периода окажутся в лучшей сохранности или будут обнаружены остатки сооружений еще одного строительного горизонта.

Находки, полученные при зачистках, не очень выразительны — это керамические черепки, кости животных. Примечательно, что время изготовления керамики не выходит за пределы античной эпохи. Характерны фрагменты кубков на полоконической ножке, стенки горшков или кувшинов с полублестевшим красным и коричневым ангобом. Постройки на холме имели жилое или хозяйственно-бытовое назначение. Очевидно, на нем располагались владения и дома представителей среднего городского сословия, более ранние из которых могли возникнуть на территории Шахристана-2 до обведения его крепостными стенами, последующие — уже в укрепленном городе на руинах этих пришедших со временем в упадок домов.

Севернее описанного большого массива параллельно юго-восточной стене Шахристана-1 тянется длинный шлейф высотой до 2 м. На его поверхности — небольшой культурный слой с фрагментами безглазурной керамики, но в обкопанной с юга части видно, что, в основном, это лесовосой остоище, на котором некогда располагалась застройка, со временем почти сравненная с землей.

Объектом исследования стал бугор, расположенный за северным углом Шахристана-1 (шифр Кт-5). С двух сторон он срезан современными дорогами, а по периметру обсажен виноградином. Бугор имел Г-образную форму, ориентирован с севера на юг. Крутые скаты отмечали направление стен. Южный участок достигал в высоту 5 м, северо-западный — 2,5—3 м (в этой части срез дороги обнажил кладку рухнувшего свода).

Раскопки на участке позволили выделить два основных строительных периода. Первоначально на небольшом лесовом всхолмлении

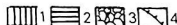
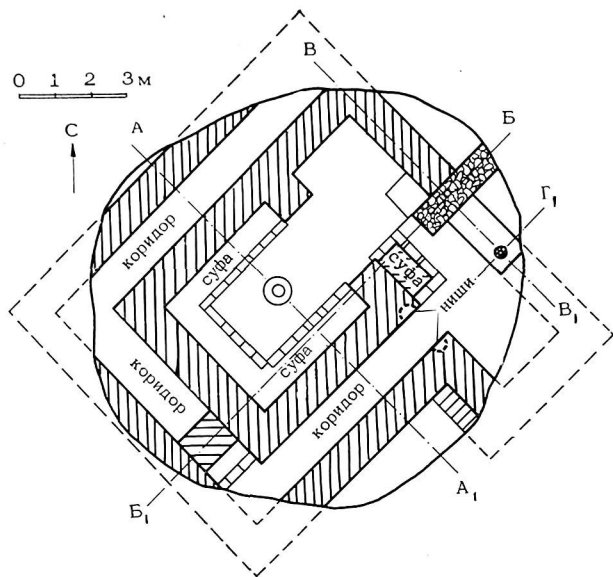
было возведено здание с толстыми пахсовыми стенами (1,4—1,5 м), кладка которых осуществлена с некоторым скосом граней. Расчищено длинное помещение размерами 7,8×4 м, разделенное пахсовым выступом (2×1,5 м) на два (3,4×4 м; 2,8×4 м). Полы — глинобитные.

Во втором периоде уровень пола повышен на 50 см и на нем возведены перегородки толщиной 24 см, выложенные из сырца (42×21×10 см) с оштукатуркой. Одна из них располагается вдоль южной стены помещения 1 на расстоянии 40 см, другая охватывает упомянутый выступ стены в помещении 2, также образуя узкое пространство. Выведены они небрежно, непараллельно основным стенам (отклонения до 10—12 см). По-видимому, узкое пространство за этими перегородками использовалось для хранения припасов. В помещении 2, стены которого сохранились в высоту на 1—1,2 м от пола, лежит массивный завал рухнувшего свода. Он был выведен отрезками из того же сырца (42×21×10 см), что и перегородки. На одной стороне этих кирпичей — продольные линии, проведенные пальцами по сырцу для лучшего схватывания с раствором.

В составе керамических фрагментов из заполнения помещений, наряду со светлогопированными сосудами — красноангобированные, в том числе кубки на полоконических ножках, изготовленные, в основном, на гончарном круге, плотного черепка.

На противоположной части холма также был заложен раскоп размерами 10×12 м. Часть дома здесь срезана бульдозером при расширении дороги. При зачистке обнажившихся в этом срезе стен были вскрыты пол помещения и часть смежного коридора. В одном из помещений, опустившись до материка, получили четкую стратиграфию слоев.

Дом ориентирован примерно по линии север—юг. От помещения, разрушенного бульдозером, сохранились лишь остатки двух стен, одна из которых имеет длину 9 м. Смежная комната сохранилась целиком, ее размеры — 3×3,75 м. Дверной проем из комнаты выходил в коридор шириной 1,5 м, от которого осталась лишь стена длиной 7,5 м.

Толщина стен — 1,2—1,3 м, материал — пахса, выложенная у основания заметным скопом, выше — почти вертикально.

Сохранившееся помещение было расчищено до материка, что позволило определить стратиграфию здания. Материк лежал на глубине 5 м от репера, выбранного на наиболее высокой точке холма. Над ним — сорока-пятидесятисантиметровый слой уплотненной глины с прослойкой речной гальки. Над этим забутовочным слоем — первый пол толщиной 6 см в несколько смазок, свидетельствующих о неоднократном ремонте, то есть о длительном обживании дома. Затем следовал этап запустения, когда на полу образовался слой в 5—7 см натечной глины и надувного песка и 10 см — мелкокомковатой земли. Над ними —

пятнадцатисантиметровый слой сильно утрамбованной земли.

Далее отмечено еще три уровня полов на отметках 3,15; 2,9 и 2,7 м, разделенных глиняными прослойками через 75 и 80 см с вкраплениями фрагментов керамики и костей животных. На нижнем полу у западной стены оказался овальный очаг (диаметр 60 см) со стенками высотой 15 см, толщиной 10—14 см с сильно окаленной глиной не только смазки, но и рядом расположенных пола и стены. У противоположной стены — углубление (диаметр 80 см, глубина 10 см), в котором были фрагменты некогда вкопанного хума и кости животных. На среднем полу у восточной стены обнаружена сланцевая плита, на которой разводился огонь — на плите оста-

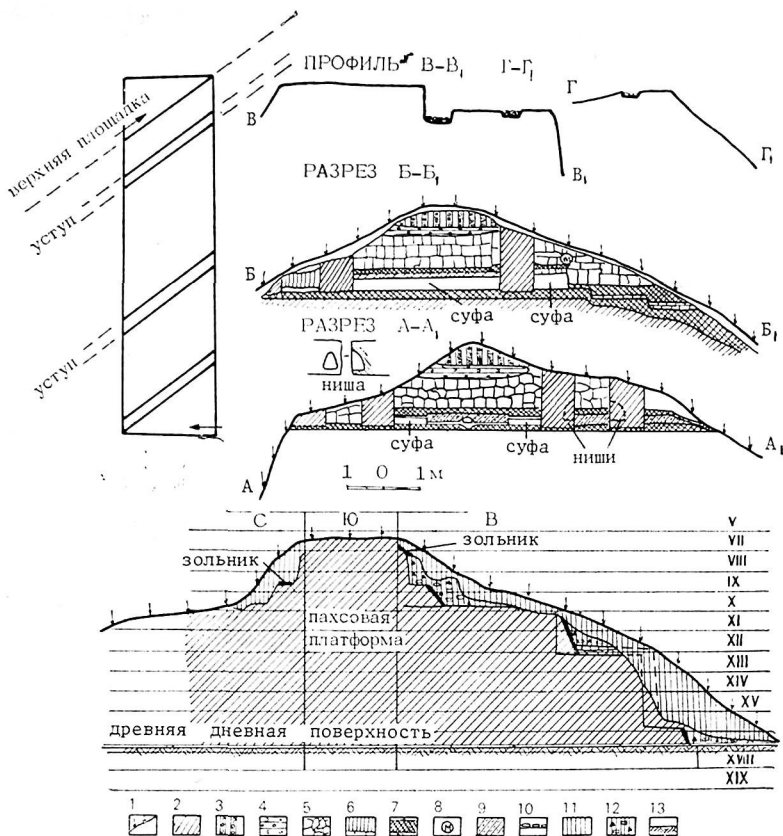

Рис. 37. Храм огня. План:

1 — первый период; 2 — второй период; 3 — галечная отмостка; 4 — контуры холма в верхнем уровне. Разрезы: 1 — деревянный слой; 2 — пахса; 3 — рыхлый слой земли, нагнетенный с

небольшим количеством керамики; 4 — слой средней плотности; 5 — глинобитная забутовка; 6 — закладка сырцовых кирпичей; 7 — смазка полов; 8 — монета; 9 — засыпка сухой измельченной глины; 10 — отмостка галькой; 11 — завал разрушенной пахсы; 12 — завал пахсы в кусках; 13 — материковый лесс.

лись окаленное пятно, зола и угольки. На верхнем полу с западной стороны была возведена глинобитная суфа с глиняной обмазкой шириной 50 см, высотой 20 см.

Над этим полом лежит слой разрушения (толщиной 1,6 м): комковатый завал пахсы, которая в северном участке упала целыми глыбами, кусков сыра (45—46×24—25×8—9 см), глины. Далее — вплоть до дерновой поверхности — однородная, средней плотности размяченная влагой глина того же завала, большим языком спускавшаяся в южной части помещения, где, вероятно, была проמוина. Таким образом, период четвертого (считая снизу) пола был последним в функционировании здания, которое было покинуто навсегда.

Археологический материал верхнего горизонта представлен фрагментами безглазурной керамики, в основном толстостенной, черепок и фактура которой обычны в мианкальском регионе для времени раннего средневековья (VI — начало VIII в.). Датировка подтверждается найденной доске согдийской монеты с квадратным отверстием чекана ихшида Вархумана. Тип рухнувшего свода наклонными отрезками из противоположного участка здания также может соотноситься с этой датой, однако такие своды применялись и в сооружениях первых веков нашей эры, тем более, что в нижних горизонтах дома обнаружена керамика античного времени (тонкостенная, красноангобированная).

Что касается назначения постройки, то, судя по планировке помещений (очаги, суфа, закрома для хранения продуктов), это был дом-усадьба состоятельного владельца. Площадь холма позволяет предположить, что в нем скрыты 10—15 помещений и внутренний дворик, выраженный в микрорельефе седловатой посредине тепе.

Изучение объекта Кт-5 было затруднено наличием многочисленных могил на его южной половине. На вскрытом участке они местами прорезали стены здания, местами опущены в его верхние слои. На площади в 120 м² было вскрыто семь погребений. Все они выполнены по мусульманскому обряду. Покойники опущены в могильную продолговатую яму, ори-

ентированную по линии север-юг, лицом обращены на запад (на Мекку). Ямы имеют размеры 1,75—2×0,7—1 м, небольшой подбой (40 см). Во вскрытых могилах — костяки взрослых людей и ребенка.

Датировку погребений определяют фрагменты керамики (разбитой, видимо, на поминках), среди которых ряд глазурованных черепков с белым фоном и росписью кобальтом или марганцево-черной и голубой красками. Такая керамика характерна для конца XV—XVI в. Таким образом, некрополь отмечает время обживания района у современного Орлата. Кстати, многие кишлаки Кошрабадского района носят названия узбекских племен — Орлат, Барлас, Мангыт. Возможно, что в этих названиях запечатлен процесс оседания на данных землях тех кочевых узбеков, которые в начале XVI в. заполнили Самаркандскую область при завоевании ее Шейбаниханом.

Самым интересным объектом в зоне Шахристана-2 оказался небольшой высокий бугор, именуемый населением Тиллятепе. Его изучению мы посвятили подробную статью, здесь же изложим основное.

Бугор расположен возле юго-западного угла ограждений Шахристана-1, к бастиону которого от него тянется насыпь. Вокруг — пониженное, незастроенное пространство. С северо-восточной стороны тепе срезано дорожкой, что позволило путем зачисток исследовать разрез всей постройки почти до оснований. Раскопки были сосредоточены в верхней части, кроме того, с юго-западной стороны был осуществлен стратиграфический разрез, благодаря которому установлена структура здания в нижней части.

На материковом лессе была возведена монолитная платформа, сложенная пластами и блоками пахсы (высота рядов — 60—70 см, ширина блоков — 50—60 см). На одном участке разреза отмечена прокладка из сырцовых кирпичей (размерами 45×23×10 см). Платформа выведена пятью сужающимися кверху уступами с большим или меньшим скосом граней. Размеры уступов снизу вверх (высота, ширина): 0,7×5 м; 1,75×1,75 м; 0,96×2,7 м; 0,55×0,48 м и 1,15 м. Сторона

основания, имевшего квадратную форму, достигала 25 м, верхней площадки — 15 м. На ней высылось почти квадратное в плане (12×11,5 м) строение с выемом в юго-восточной части. Ориентация его по диагонали к сторонам света, то есть параллельно стенам Шахристана-1. В истории здания археологически запечатлено по крайней мере три хронологических периода.

Вход располагался на северо-восточном фасае, который обращен к насыпи, ведущей в сторону городских ворот. К нему поднимается лестница, глинобитные ступени которой и порог вымощены галькой. Дверь вела в вестибюль (8,1×2,1 м), который открывался с западной стороны в главное помещение, с восточной — в коридор метрового пролета, огивавший его с трех сторон. У входа в него с двух сторон над полом устроены небольшие полуовальные ниши. В центре строения располагался небольшой зал (4×4 м), вдоль трех стен которого тянулся суфа. В середине зала на полу оказались остатки глинобитного бортика со следами олености, охватывавшего квадрат 40×40 см. По-видимому, здесь был установлен алтарь.

Стены — из пахсы, но на отдельных участках встречены прокладки из сырового кирпича (45×23×10 см), таким же кирпичом обложены и глинобитные суфы в зале. Толщина внешних и внутренних стен 93 см, юго-западная стена зала несколько толще — 1,05 м. Стены покрыты штукатуркой из тонкоотмученной глины.

Во втором строительном периоде были осуществлены некоторые перестройки. В зале нанесена смазка нового пола. В центре его оказалась сильно оканальная лунка диаметром 50 см и глубиной 30 см, заполненная беловатым пеплом, — видимо, здесь располагался алтарь круглой формы. В вестибюле напротив входа и рядом с ним выведены две суфы высотой 40 см, примыкающие к оштукатуренным стенам первого периода. На стенах коридора поверх первоначальной штукатурки нанесено еще две штукатурные обмазки. Юго-западный отсек помещения перегороден паховым простенком, на расстоянии полутора выведен сыровый барьер. В образо-

вавшемся пространстве почти на всю высоту оказалось скопление светлого пепла, видимо, приносившегося от алтаря.

Третий строительный период отмечен повышением пола в главном зале и примыкающей части вестибюля путем забутовки на 45 см и толстой смазки, поглотивших суфы и следы алтаря. Вскоре здание было заброшено. Много позднее его руины на высоте 1,3 м от первоначального пола были сnivelированы и забутованы. Они послужили площадкой для другой постройки, от которой сохранился лишь небольшой бесформенный холм.

Здание, безусловно, представляло собой храм огня. Об этом свидетельствуют его изолированное положение, наличие мощной уступчатой платформы, изоляция центрального помещения, в середине которого найдены остатки алтаря, особый состав пепла в лунке и сохранение этого пепла в специальном закутке коридора.

Формы уступчатых камерных алтарей-аташданов квадратного или круглого (152, фиг. 15) плана известны в античных бактрийских (105, рис. 87), парфянских и сасанидо-иранских памятниках (169, с. 12 и сл., рис. 1—7, табл. X), на изображениях монет, в частности, бухар-худатского чекана Согда VI—IX вв. (84, рис. 5—7) и на оссурии VI—VII вв. из Молла-Кургана близ Лониша на Мианкале (84, рис. 1). Подобным, вероятно, был и установленный на полу алтарь I периода, квадратная база которого была охвачена глиняным бортиком. Во II периоде был, очевидно, установлен круглый металлический алтарь, с которого в лунку падал пепел, уносившийся затем в закуток коридора, а в дальнейшем — в особое место, так как священный пепел следовало сохранять. В малом масштабе форму таких аташданов, возможно, имеют металлические курьилницы, известные по рисункам Пенджикента и Варашхи. По остаткам композиции храма может быть реконструирована. Перекрытия в нем были деревянными — в залах помещений никаких следов сросшихся сыровых кладок от сводов не обнаружено. Перекрытия коридоров и вестибюля были, видимо, плоскими, основанными на параллельных несущих бал-

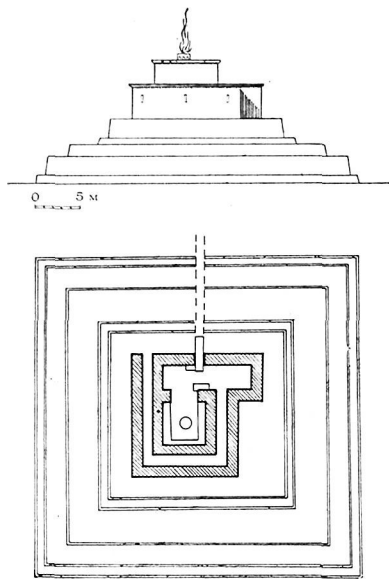

Рис. 38. Храм огня. План, фасад. Реконструкция.

ках; в центральном зале скорее всего был потолок «чар-бурчак», или «чархана», хорошо известный в архитектуре Средней Азии.

Планировка здания типа «зал в обводе кулуара» хорошо известна в ряде храмовых сооружений Среднего и Ближнего Востока: в Бактрии — храм Диоскуров в Дильберджине (55, рис. 2, 6, 6), святилище Канишки и храм В в Сурх-Котале (172, фиг. 1), в Парфии — Круглый и Башенный храмы в Нисе (108), Северный храм в Мансурдепе (54, с. 33 и сл.), храм в дворцовом комплексе Кухи-Ходжа (172, фиг. 5), святилище Шамаша в Хатре (42, табл. VII). В Согдиане храм такого типа найден впервые, хотя типологически близкая композиция плана известна в

постройках иного назначения (жилая усадьба Кызыл-Кыр в Бухарском оазисе (74). Благодаря ступенчатому стилобату, объемно-пространственная композиция Кургантепинского храма от них отлична.

Время сооружения храма пока может быть определено лишь приблизительно. Судя по тому, что храм находится в Шахристане-2, можно предположить, что он возведен тогда, когда данная часть античного города была ограждена стенами, что гарантировало безопасность городского святилища. В замесе глины платформы найдены фрагменты красноангобированных стенок чаш (некоторые с оттянутыми бортиками), тонкостенных кубков и их полоконические ножки, а также керамической очажной подставки типа изделий поздней фазы Кауничи-1, встреченных нами на Булак-баши. Все это позволяет датировать возведение здания I—II вв. н. э. Последний период его функционирования определяется монетой из группы подражаний Васуде (III в. н. э.), найденной на верхней смазке суфы в вестибюле.

Открытие храма огня в самаркандском Согде имеет принципиальное значение, подтверждающая ряд сведений о роли культа огня в согдийской среде. Один из таких храмов, основание которого приписывалось мифическим царям ираноязычного эпоса, был в Самарканде (168, с. 8); имеются упоминания храмов огня в Бухаре (71, с. 30—31), в Пайкенде (16, с. 254). Наличие Кургантепинского храма позволяет предположить, что во всех значительных согдийских городах существовал храм огня для местных приверженцев этого культа.

Обследование территории за пределами Кургантепе, вверх и вниз по Саганаку, выявило следы ее освоения в древности. У кишлака Балхи-Барлас совхоза «Коммунизм», в двух километрах к юго-западу от городища, высится Комаштепе. По типу это «тепе со шлейфом». Оно невелико (90×60 м), ориентировано по линии запад — восток. Высота его — 2,5—3 м, в западной части — 5—6 м. Тепе сильно задерновано. В срезе на северном фасае и у подножья собраны характерные керамические фрагменты сосудов античного вре-

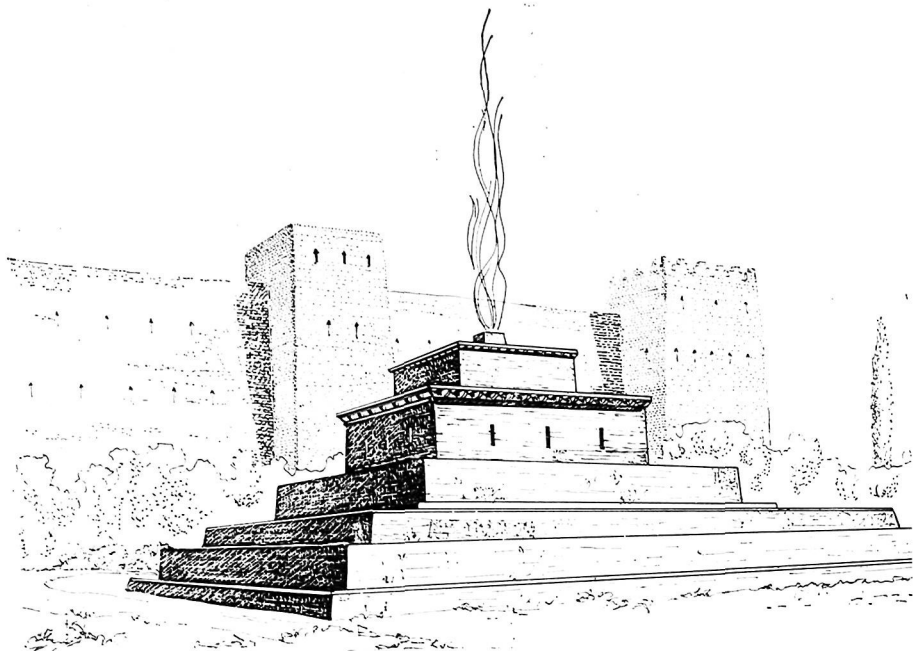

Рис. 39. Храм огня. Реконструкция.

мени и X—XI вв. К первым относятся три тонкостенные красноангобированные горловины, две из которых, видимо, от небольших кувшинов с легким выгибом профиля и утолщенной, а в одном случае профилированной перехватом закраиной, третья — от горшка с горизонтально оттянутой закраиной; а также венчик хума — отлогий с валикообразной закраиной и со следами красного ангоба. Но преобладают фрагменты глазурированной керамики X—XI вв. с ярко-зеленой поливой или с коричневой росписью по белому ангобу, некоторые неглазурированные.

Комаштеле — это остатки небольшой средне-

вековой усадьбы. В обресе видно, что она была построена на глинобитном массиве, основанном на лессовом останце более древней постройки. Во всяком случае, находки керамики из культурного слоя свидетельствуют, что в античное время здесь было обжитое место.

По-видимому, отдельные усадьбы или просто деревенские дома были разбросаны на поlose земель, орошавшихся Саганакom. Следы их обнаружены к северу от Кургантepe. В настоящее время земли вдоль Саганака заняты виноградниками и большим плодовым садом, из-за наличия которых невозможно выявить

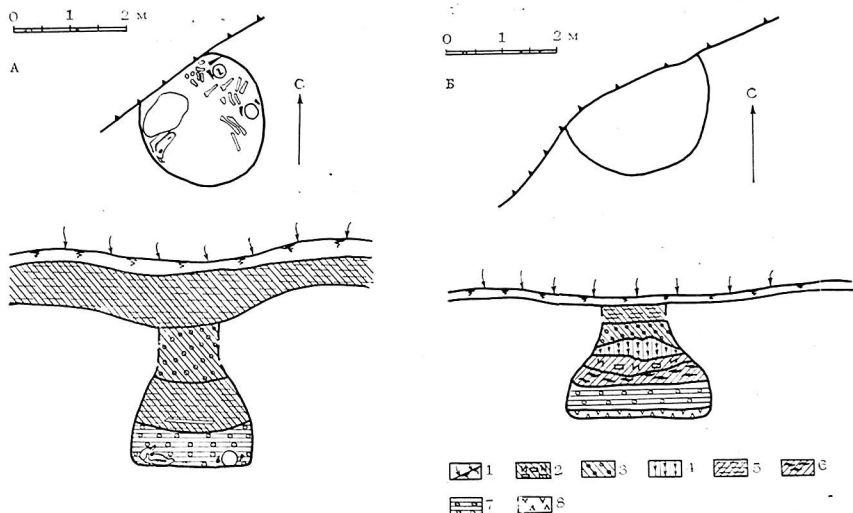

Рис. 40. Мусорные ямы Кт-Б-1 и Кт-Б-2. Планы, разрезы:

1 — дерновый слой; 2 — слой строительного мусора; 3 — слой серой глины без керамики; 4 — комковатый слой земли желтого цвета с отдельными фрагментами костей животных; 5 — слой плотной глины с вкраплениями керамики; 6 — обгоревшая глина с кусками дерева и угля; 7 — рыхлый слой земли, насыщенный керамикой и костями животных; 8 — плотный слой сильно гумусированной глины.

следы древнего обитания. Однако в 1,5 км от городища на обрыве левого берега реки обнажились две линзы с керамикой. Зачистка позволила определить, что это остатки двух мусорных ям (Кт-Б1 и Кт-Б2), наполовину обрушившихся при оползании лесового грунта и оставшихся как бы в разрезе. Обе ямы — круглые в плане и полугрушевидные в разрезе, с плоским дном и нешироким цилиндрическим спуском.

Размеры ямы Кт-Б1: диаметр дна — 2,3 м, высота — 1,4 м до спускового цилиндра диаметром 1 м, до современной поверхности — 2 м, но первоначально спуск был, несомненно, большим. Заполнение ямы таково: над дном — десятисантиметровый слой зеленоватой глины, над ним — рыхловатый слой глины в 40 см с фрагментами керамики

и костями животных, затем на 20—30 см — горелая ожажная глина с углями и золой; далее — на 60 см — комковатая глина желто-зеленого цвета от истлевших органических остатков, отдельные кости животных, выше — затеки сероватого лесса без каких-либо включений.

Размеры ямы Кт-Б2: диаметр дна — 2,2 м, высота 1,8 м до цилиндрического спуска диаметром 1 м. На самом дне обнаружены костные останки: два неполных человеческих черепа и отдельные кости, целый череп коровы. Рядом с последним — участок сильно обгоревшей глины с угольками и золой (95×60 см при толщине до 10 см). Сверху на 60—80 см в высоту наслонлась коричневая глина с большим содержанием фрагментов керамики (преимущественно столовой), а

выше на 1 м — зеленоватая от органических остатков глина с фрагментами крупных сосудов, в большинстве кухонного назначения, причем в низу этого слоя — тонкая линза золы длиной почти в метр. Цилиндр спуска (до полуметра в высоту) заполнен чистым натеено-надувным лессом, а над ним вплоть до дернового слоя — слой плотной серой глины, местами с вкраплениями керамики.

Несомненно, обе мусорные ямы находились на участке усадьбы или двух усадеб, от которых на прилегающей территории не осталось и следа, поскольку ныне здесь посажен яблоневый сад. Содержание обеих ям представляет исключительный интерес, поскольку в них обнаружены два целостных комплекса керамических фрагментов, археологически восстанавливаемых форм. Ямы заполнялись в течение 5—10 лет, и хотя попавшая в них битая посуда могла быть до того в долгом употреблении, в целом комплексы едва ли охватывают более двух-трех десятилетий.

Вся столовая керамика — станковая, выполненная на круге быстрого вращения; кухонные котлы в большинстве также сделаны на круге, некоторые из них — лепные.

В составе керамики из ямы Кт-Б1 — бокалы или кубки, от которых сохранились один почти целый, 10 фрагментов верхних участков резервуаров, такое же количество стенок, 5 донца. Резервуары — полуовальные, широкие, реже — удлиненные. Диаметры малых резервуаров — 9,5—10 см, средних — 12—13 см, больших — 16 см, иногда имеется рельефный перехват в верхней трети. Ножки трех разновидностей: с прямым уступом у основания, профилированными одним либо двумя валиками, все с глубоким овальным или трехлопастным выемом понизу. Сечение тонкостенное, с нарастающим книзу. Черепок — очень плотный, коричневато-красный или розовый, покрытые ангобом — оранжево-красного, густо-красного, темно-коричневого цветов, иногда снаружи по нему нанесено концентрическое лощение. Другая группа — с серовато-желтым черепком и серо-черным или коричневато-черным ангобом. Число фрагментов с красным, коричневым и черным ангобом почти одинаково: 11, 13, 12 экземпляров.

Горшки тонкостенные (сечение 4—5 мм), широкогорлые (диаметр 16—20 см) и узкогорлые (диаметр 10—11 см). Полных форм нет. Донья их плоские, горловины невысокие, с плавным переходом к крутому плечу, венчики — в виде небольшого валика или с трапещевидным сечением с небольшим выемом изнутри, видимо, для крышки. Черепок розоватый или охристый, ангоб оранжево-красный, темно-красный, коричневый (почти черный), нанесенный снаружи и лишь слегка заходящий у закраины внутрь. На двух фрагментах отпечатались испачканные ангобом пальцы мастера. На двух фрагментах стенок красный ангоб перемежается с темно-коричневым.

Чашы, миски представлены лишь шестью фрагментами стенок тонкого сечения и двумя донцами — одно плоско срезанное, другое — с невысоким рельефным поддоном. Двусторонний ангоб оранжево-красного или темно-коричневого цветов.

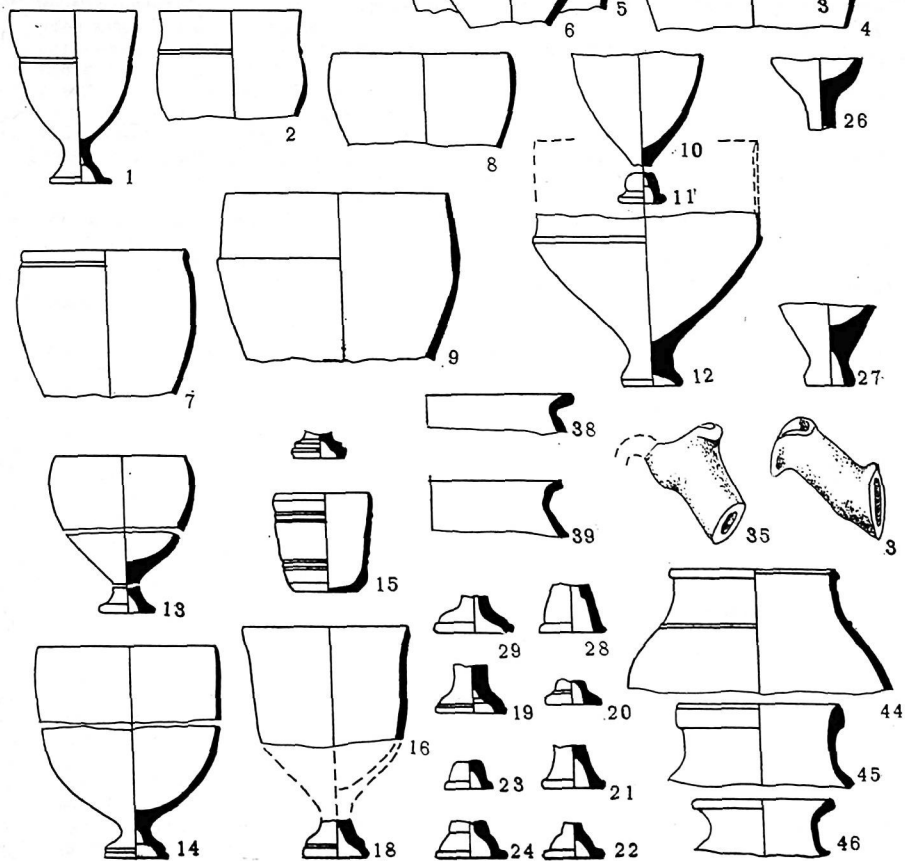
Кувшины. Один собран из фрагментов почти полностью (высота 36 см, диаметр 23,5 см), но не имеет дна, от другого сохранилась нижняя половина с плоским дном. Первый имеет яйцевидное тулово, невысокую горловину с небольшим, слабо примятым эйнхоеобразным сливом и вертикально опущенную от закраины на плечо ленточную ручку. Имеются фрагменты стенок. Черепок их розоватый, ангоб красный, два фрагмента — с черным ангобом. Возможно, кувшины принадлежали два отбитых длинных носика такой же фактуры с треугольно примятым краем.

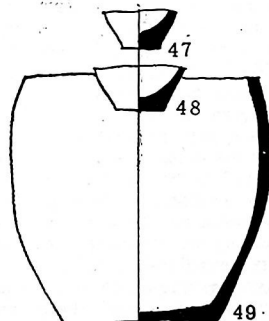
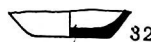
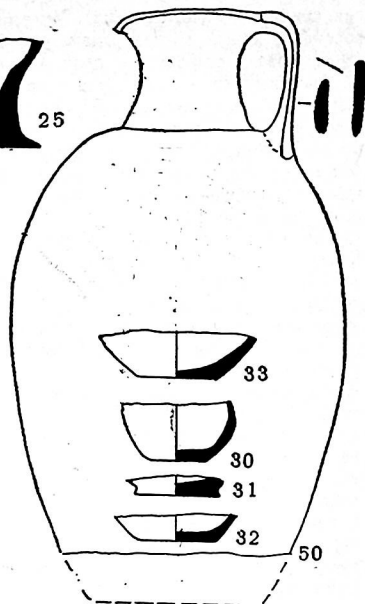
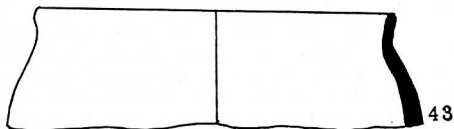
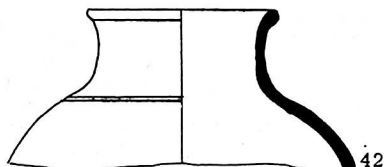
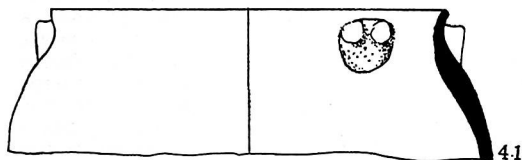
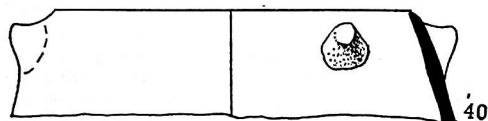
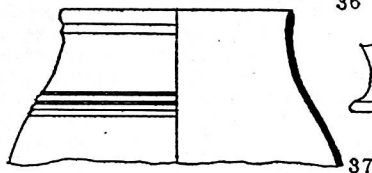
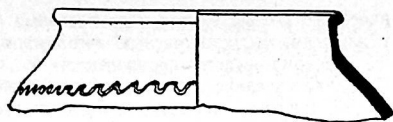
Отметим два небольших фрагмента плечей крупных горшков или кувшинов (сечение — 7 и 9 мм) с несложной орнаментацией, нанесенной до обжига стекой: сдвоенные концентрические линии, между ними — мотив прямой или наклонной волны.

Среди фрагментов малых сосудов — донца двух горшочков и своеобразный стаканчик с плоским донцем и расширяющимся резервуаром. Все они покрыты красным ангобом.

Котлы — лепные, черепок красно- или светло-коричневого цвета, в тесте — значитель-

0 1 5 10 cm

ная примесь речного песка. Имеется три фрагмента краев котлов диаметром 25, 26, 28 см: два с отгибом и один — со скосом внутрь; снаружи — напелы для упора.

Датировка комплекса Кт-Б1 может быть обоснована аналогиями со стратиграфическими колонками Афрасиаба и Кумышкенттепе. Формы кубков тонкостенного черепка с красным или коричневатым ангобом, профили кувшинов и горшков, закраины котлов находят аналогии в комплексах Афрасиаб-III и Кумышкент-III. На Афрасиабе в слое Афрасиаб-II найдены узкие горловины с эйнохоеобразным сливом (142, рис. 3). Исходя из этого, считаем возможным отнести керамику из ямы Кт-Б1 примерно к рубежу или началу нашей эры.

В отличие от керамики Кумышкента и Афрасиаба-II, в комплексе Кт-Б1 мало сосудов с лошением. Они, очевидно, были изготовлены не в Самарканде, а в самом Кургантепе или inom провинциальном античном пункте Миланьской зоны.

В керамическом комплексе Кт-Б2, по сравнению с материалами из первой хозяйственной ямы, отражена не только преемственность форм, но и заметная их эволюция. Здесь преобладают сосуды хозяйственного назначения, но есть и столовые.

Кубки и бокалы. Резервуары их с широким или вытянутым полуovalом (диаметр 10 см), а также цилиндрикоконические (диаметр 15—16 см) с перехватом у ребра перелома. От сосудов первого типа сохранилось 4 фрагмента, от второго — 8. Ножки имеют профиль в виде полукривизны на выступающем основании (диаметр 3,5—5 см) с полой полостью изнутри. У кубков и бокалов крупных размеров (8 экземпляров) — ножка монолитная, почти цилиндрикоконическая на расширенном устойчивом основании (диаметр 6,5—8 см). Если черепок розовый или коричневый, то ангоб красный, при охристом черепке ангоб грязновато-коричневый или черный. Стенка одного цилиндрико-

нического бокала внутри и до перелома снаружи покрыта густо-красным ангобом, а выше перелома — светло-коричневым.

Сохранилось единственное плоско срезанное дно от миски диаметром 5 см с густо-красным двухсторонним ангобом.

Горшки (4 фрагмента) — с широкой (диаметр 18 см) и узкой (диаметр 12 см) невысокой горловиной, плавно переходящей к плечам. Закраины — профилированные двумя валиками или клювовидные; и те, и другие плоско срезаны поверху. Снаружи — красный или черный ангоб, слегка заходящий внутрь.

Имеется два плоских донца от небольших красноангобированных горшочков.

Кувшины. Найдено 15 фрагментов стенок, 5 плоских дниц (диаметр 12, 15, 16 см, толщина 5—6 см) и высокая горловина с эйнохоеобразным сливом и крутым выгибом закрепленной у края ручки ленточного сечения. Ангоб преимущественно вишнево-красный, реже — коричневатый-черный.

Имеется 10 фрагментов стенок хумов сечением 12—17 мм, часть плоского днища, 5 фрагментов закраин — 4 из них выполнены на гончарном круге, 1 — лепная. Диаметры горла — 28, 30, 32 см. Характерны широкие, уплощенно-горизонтальные закраины над отлого отходящими плечами, выделенные снаружи валиком и шейкой, а в двух случаях — добавочной профилировкой на стенке. Закраина лепного хума — в виде валика. Черепок плотный, розоватого цвета; один хум со светлым ангобом, прочие — неангобированы. Фрагментов котлов очень много: 12 — верхних участков, не считая стенок. Все лепные, черепок красный или грязно-серый с большой примесью речного песка. На трех фрагментах — красный или коричневый ангоб, другие — безангобные, хотя в ряде случаев, возможно, ангоб исчез под покрывающей котлы копотью. Один крупный фрагмент дает археологически восстанавливаемую форму — приземисто-сферондное тулово при уплощенном дне. Закраины со слабым или заметным отгибом, некоторые — с утолщенным венчиком, на многих имеются шишкообразные напелы для упора.

В этом же комплексе оказался набор глина-

Рис. 41. Керамика из мусорных ям Б-1 (№ 1—5, 7—9, 14—16, 18, 19, 26—31, 33—46, 48—50) и Б-2 (№ 6, 10—13, 17, 20—25, 32, 47).

ных прясел различных форм: 10 крупных (диаметр 11—11,5 см), почти цилиндрических, со скругленными краями и эксцентрическим просверленным отверстием, 4 экземпляра — наподобие толстых дисков (диаметр 7,4 см) и 1 — пирамидальное. Кроме того, имеется цилиндрическое пряслице, выточенное из керамического черепка, а также круглая заготовка.

Керамика Кт-Б2 изготовлена позднее извлеченной из ямы КТ-Б1. Об этом свидетельствует довольно широкое применение наряду с красным черным ангоба. Форма ножек кубков — полоконическая или монолитная. На Кумышкентепе в комплексе Кмш-IV и среди афрасиабской керамики II—III вв. встречаются такие же формы сосудов (в частности, кубки). Широко применялся черный ангоб (на Кумышкентепе он характерен и для комплекса Кмш-III). Соответственно для комплекса Кт-Б2 может быть предложена промежуточная дата — II—III вв.

К северо-востоку от городища при раскопке огородов и хозяйственных ям местными жителями были обнаружены скопления разбитых сосудов. В их числе — фрагменты кувшины и миски с красноангобным покрытием, плоское дно горшка или кувшина и два хума позднееантичного типа с костными останками (к сожалению, они попали к нам лишь во фрагментах). Налицо оссуарный обряд хранения костей в хумах. Еще в первый год работы экспедиции нам сообщили о находках в этих местностях хумов с костями и черепами людей при рытье земли под виноградники. В полукилометре к северу от Кургантепе нами были обнаружены на краю невысокого, казавшегося естественным холма выходы керамических фрагментов. Поставленная здесь зачистка выявила свалку керамического боя, очевидно, принесившегося из города, так как ни одного целого предмета не обнаружено. Частичная выемка этого завала дала до двухсот фрагментов, часть которых позволила графически восстановить формы. При общем обилии черепков число этих форм ограничено четырьмя видами сосудов, при некоторых вариантах их форм. Объект получил шифр Кт-Б4.

В составе сосудов — миски, кувшины, два вида горшков. В большинстве они изготовлены на круге медленного вращения, но часть горшков — вручную.

Черепок столовых сосудов плотный, с примесью песка красного или коричневого цвета, часто с черным перекалом в изломе. Миски покрыты густо-красным ангобом снаружи и внутри, столовые горшки — снаружи, ангоб слегка заходит по краю внутрь, кувшины — красным или коричневым.

Миски (диаметр по краю 16, 17, 18 см), высота — 11; 11,5 см). Несколько сплюсненно-сферические в нижней половине, с плоским дном, крутым или плавным скруглением вверх, иногда с небольшим отгибом закраины.

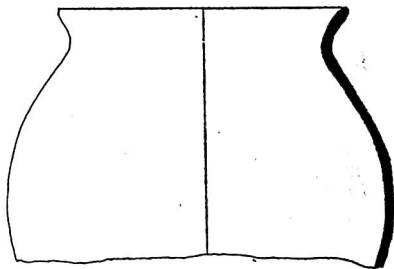
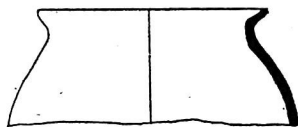
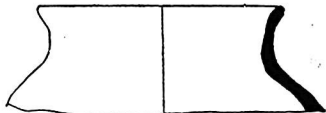
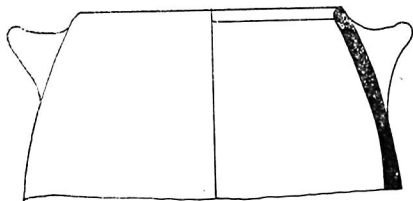
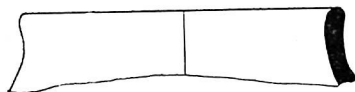
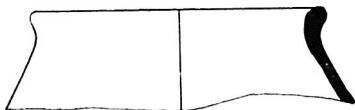
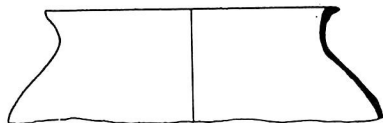
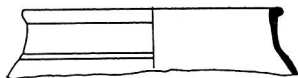
Кувшины — одноручные с невысокой горловиной (диаметр 7,5—8 см), плавно изогнутой к плечу и оттянутой подпрямоугольной закраиной. Непосредственно от края горла отходит небольшая скругленная ручка ленточного прямоугольного или уплощенно-овального сечения. Донья плоские.

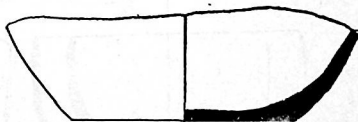
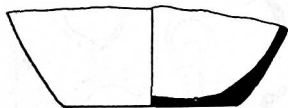
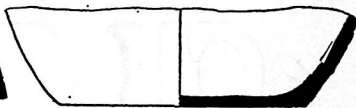
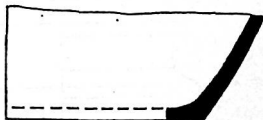
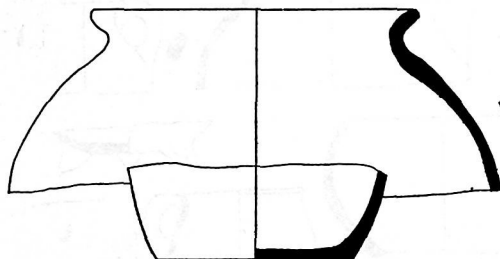
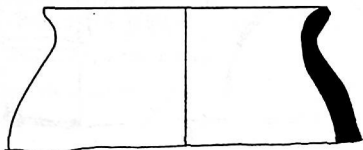
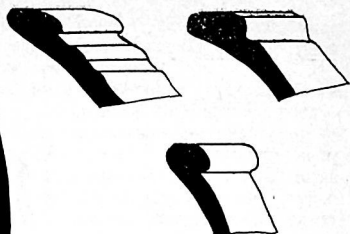
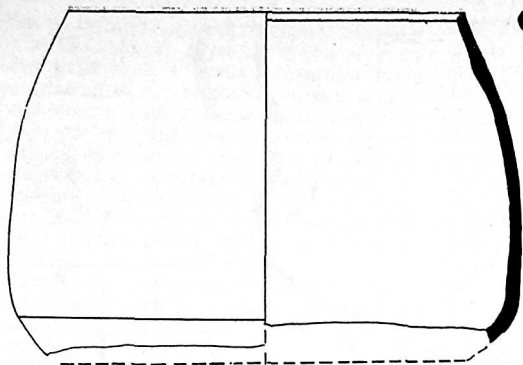
Горшки — большие и средние, широкогорлые, с невысокой круто вогнутой горловиной, отогнутой наружу, и выпуклой закраиной. У крупных горшков диаметр горла равен 19 см, у среднеразмерных — 12—14 см. Туловище их, судя по фрагментам стенок, сдвоенно-сферическое, донья плоские. На фрагментах двух горшков на плечах — направленный вверх носик-рожок (высота 4—5 см, диаметр — 2,5 см). Отдельно было найдено еще 15 отбитых носиков-сливов трубчатого сечения, причем у многих край подтреугольной формы, как у эйнхойи. Черепок их тот же, что и у перечисленных сосудов, снаружи плотный красный или коричневый ангоб. Они могли принадлежать и горшкам, и кувшинам. Привлекает внимание техника выполнения: отдельно изготовленный носик вставляли в отверстие в стенке сосуда и прикрепляли изнутри глиной. Поэтому носики легко отделялись и были найдены отдельно от горшков и кувшинов.

Из кухонных сосудов имеются котлы. Чере-

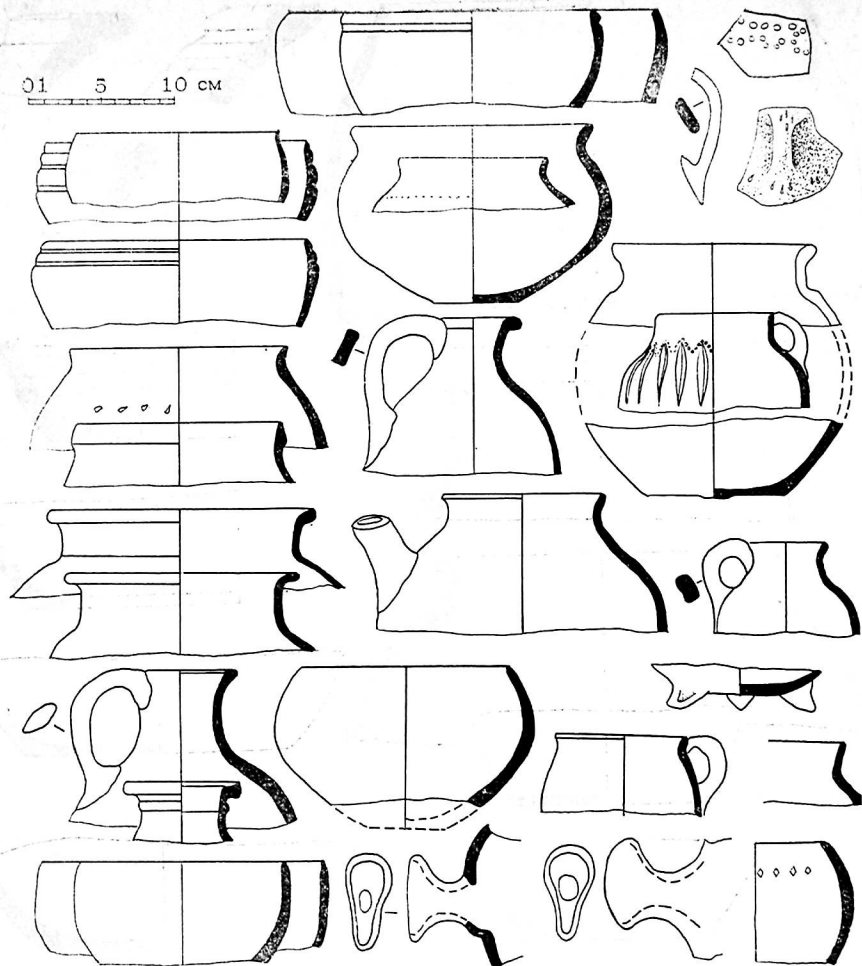
Рис. 42. Керамика из мусорной ямы Б-4.

0 1 5 10 cm

01 5 10 cm

пок их грубый, с дресвой, грязноватого цвета, как и ангоб. У крупных котлов — слегка отогнутый край, у малых — невысокое горло с отгибом, иногда небольшая ручка, тулово сферическое, донце небольшое, плоское. Некоторые из них украшены несложной орнаментацией, выполненной овальными или круглыми наколами на плечах. Один фрагмент орнаментирован ожерельем из круглых наколов, другой — зигзагом, причем этот узор поверх светлого ангоба покрыт еще красной краской.

Своеобразно единичное донце сосуда, вероятно, горшка, округлое в сечении, на трех ножках, покрытое снаружи густо-красным ангобом.

Комплекс Кт-Б4 прямо соотносится с керамикой из нижних горизонтов шурфа в Шахристане-1. Это свалка керамики кангюйского

типа, которую данный комплекс обогащает новыми вариантами основных форм, а также приемами орнаментики.

Таким образом, Кургантепе в своей основе предстает как крупный согдийский город с четкой градостроительной системой, могучей фортификацией, плотной внутригородской застройкой и подчиненной ему сельскохозяйственной зоной плодородных земель долины Саганак. Данные исследований этого памятника существенно дополнили материалы археологических комплексов античной Согдианы, отображая, в частности, страницы истории Согда времен кангюйских завоеваний и последующего симбиоза кангюйцев и городской согдийской среды.

Обживание же города продолжалось с перерывами вплоть до арабского завоевания, после чего он был заброшен. И лишь в XV—XVI вв. местными скотоводами использовались отдельные бугры, на одном из которых было устроено небольшое кладбище.

Рис. 43. Керамика со свалки Б-4.

БУЛАКБАШИ

На окраине райцентра Кошрабад, на участке, именуемом в народе Булакбаши («Голова источника»), в 1980 г. нами были отмечены остатки древнего поселения. Уже тогда смежные с ним территории были заняты под жилую застройку, в последующие годы расширение строительства частью поглотило его. Оно представляло собой участок, с трех сторон подступающий к возвышенности. Лишь благодаря прорезавшим его двум широким траншеям и нескольким ленточным котлованам стали видны слагающие поселение культурные слои толщиной от 3 до 6 м. В обрезах и особенно выбросах земли удалось собрать обильный подъемный материал.

В разрезах местами видна кладка пахсы, на одном участке — выход сероглиняного сырца древних стен, но в основном они, по-видимому, были глинокаркасными, с применением комьев-гуваля. Похоже, что некоторые постройки нижнего горизонта были полуподземными: попавшие в разрезы траншей контуры помещений опущены в лессовый грунт. Повсюду — мощные наслоения глины с хозяйственными остатками — золой, углем, зеленоватыми следами органического характера, костями животных. Просматриваются горизонтальные уровни со сменой слоев, отмечающие долговременное обживание.

Изучение Булакбаши потребует долговременных археологических раскопок, тем не менее на основании уже проведенных наблюдений можно сделать некоторые выводы.

Среди подъемного материала имеется обильный сбор керамики. Преобладает хозяйственная посуда — котлы, крупные горшки, хумы, тагора, крышки. Из столовых форм имеются миски, кувшины, чашки, небольшие горшки. Черепок их в подавляющем большинстве

грубый, с большой примесью крупного песка. Цвет его в основном красный, почти все фрагменты с черным или серым перекалом в

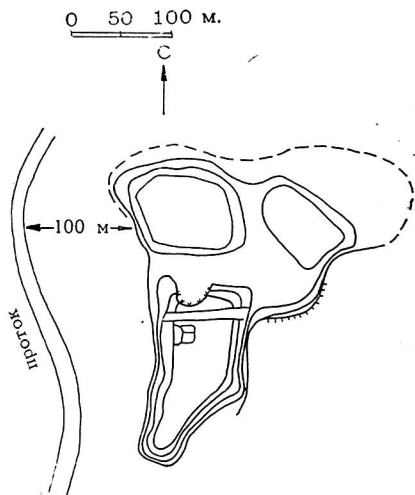

Рис. 44. Булакбаши. План.

изломе. Большинство сосудов изготовлено на круге медленного вращения, имеются и лепные.

От хумов сохранились фрагменты верхних участков, стенок, днищ. Диаметры горла 35, 38, 40 см. Закрайны варьируют; обычно у них овальный в сечении венчик, под которым имеется выем при переходе к крутым округлым плечам. Днища плоские, диаметр их (15,

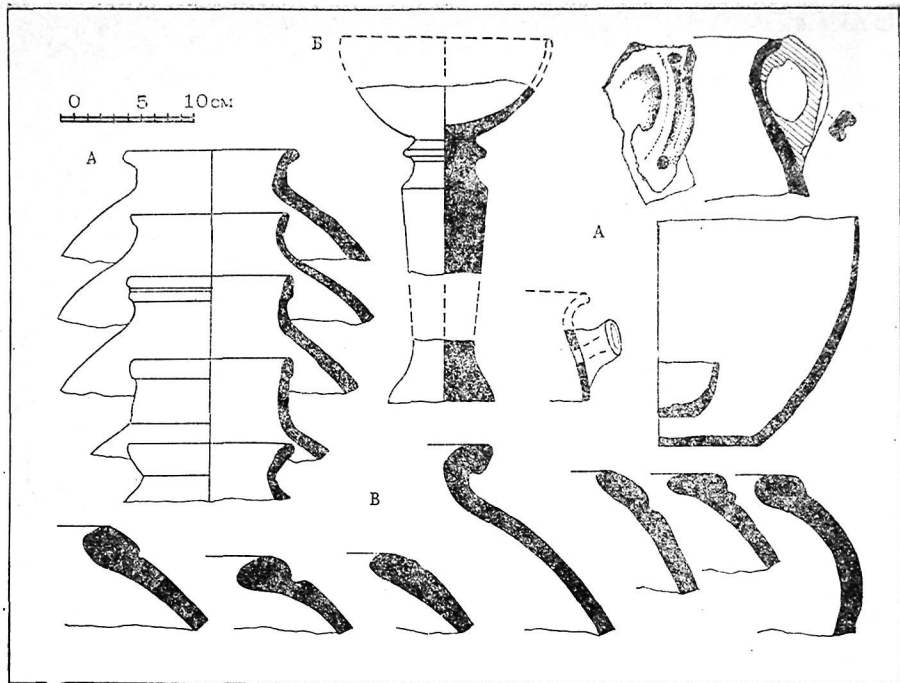

Рис. 45. Керамика из Булакбаши: А — кувшины; Б — хумы; В — курильница.

18, 23 см), очевидно, зависит от высоты и объема сосуда. Изготовлены в большинстве с применением ручного гончарного круга, но есть и лепные. Некоторые хумы снаружи ангобированы.

У кувшинов невысокая (2—3 см) горловина, переходящая к крутым плечам. Венчик то имеет вид простого валика, то примят посередине. Днище плоское, широкое, общая форма, видимо, овоидная. Снаружи обычно светлый ангоб.

Кувшины, по-видимому, были в большинстве

одноручными. Ручки небольшие, начинающиеся у самого горла, сечение их подквадратное, с глубоким выемом, на внешней стороне иногда с фестоном, оттиснутым у корня. На выгибе горловины и плече располагался слив-рожек, слегка расширяющийся к краю и обращенный вверх под прямым углом к выгибу кувшина. Изготавливался он отдельно, вставлялся в отверстие в кувшине и тщательно затирался изнутри. Длина таких носиков — 2—4 см, диаметр отверстия у слива — 1,5—2 см. По-видимому, они имелись на кув-

шинах особого назначения, например, для молока, чтобы не пролить этот ценный продукт.

Горшки и котлы во фрагментах не всегда различимы, так как сходны по форме. Горло широкое (диаметр 18—25 см), венчик небольшой, сразу за отгибом переходящий к крутым плечам тулова. Закраины выделены утолщением профиля, реже — валиком; донья плоские (диаметр 16—20 см).

У котлов обычно более грубый черепок с большим количеством крупного песка или дресвы, изготовлены они в большинстве вручную, поверхность закопчена (она бывает закопченной и у горшков). У горшков черепок с примесью мелкого песка, сделаны они обычно на круге медленного вращения, снаружи покрыты светлым или красным ангобом.

Некоторые котлы имели горизонтальные петлевидные ручки круглого сечения, другие — напел в форме рельефного полумесяца диаметром 7—9 см при высоте 3—4 см, расширяющийся к середине и обычно оформленный косыми насечками. Другая категория ручек — петлеобразные вертикальные. Неясно, чему — котлам или горшкам — они принадлежали, во всяком случае, иногда они и прилегающие участки стенок закопчены. Сечение ручек ленточное, с глубоким желобом на внешней стороне, основание их заметно расширяется у места крепления, отверстие в них небольшое — для двух-трех пальцев. Нередки простые напелы в форме шишечки. На небольших котлах встречаются ленточные напелы с вмятинами то в виде гирлянды, то зигзага.

Крышки к названным сосудам — круглые, плоские, изготовленные ручной лепкой. Диаметр их — от 18 до 28 см. Сечение — от 8—10 до 16 мм. Имеют приподнятый, слегка откинутый наружу бортик высотой 10, 12, 16 мм. Посредине — ручка в виде плоского двурогого выступа. Черепок плотный, с дресвой, снаружи иногда светлый ангоб. Большинство крышек украшено косыми насечками по борту, фестончатыми круговыми наколами вдоль него или радиально идущими к центру. Особенно много таких фестонов на ручках. По-видимому, они имели не столько декоратив-

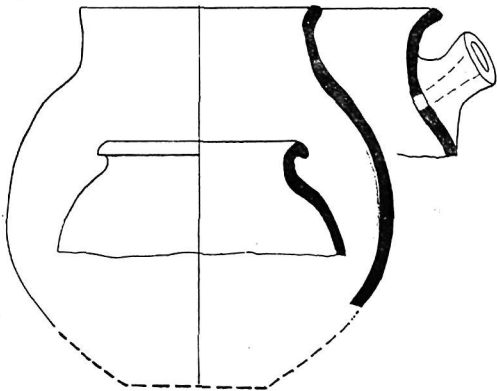
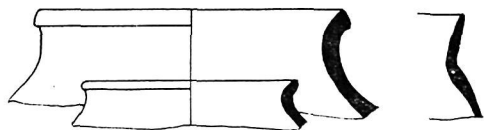
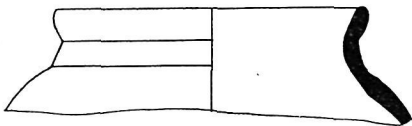
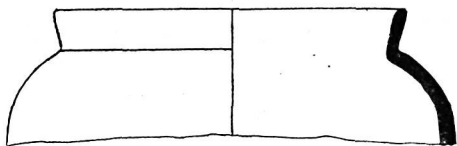
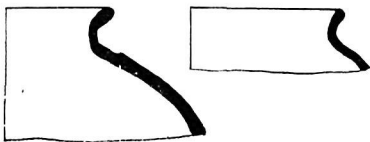
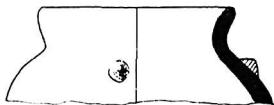
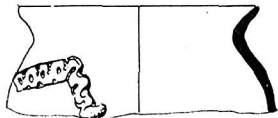
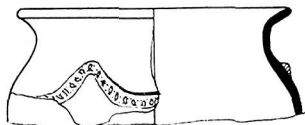
ное, сколько магическое назначение, как и форма ручки, чей силуэт перекликается с формой «шашлычницы», о которых речь пойдет ниже.

Особенно интересен фрагмент крышки диаметром 22 см, невысокий бортик которой (1 см) оформлен редкими насечками. На основном поле прочерчена пальцем черта, по обе стороны от нее — два круглых оттиска печати диаметром 2 см — очевидно, их было четыре. Оттиск нечеткий из-за грубого черепка крышки: на нем виден силуэт лошади, над спиной которой возвышается не то крыло, не то всадник. Судя по его крупным размерам, печать была вырезана из терракотового черепка.

Миски и чаши обычно изготовлены на гончарном круге. Они различны по размерам и, очевидно, по назначению. Крупные миски, толстые в сечении (8—10 мм), диаметром до 35 см имеют либо раскিনутые стенки, либо слабо округленные с отгибом края, на плоском днище. Это предшественники тагора, вид хозяйственной посуды типа таза. Миски средних размеров диаметром до 25 см, сечением 6 мм — с плавно округленным резервуаром, иногда небольшим отгибом края. Снаружи и внутри или только внутри покрыты красным ангобом.

Чаши среди подъемного материала единичны, диаметр их 14—16 см, профиль округлый, как у мисок. Своеобразна небольшая чашка темно-серого цвета (по-видимому, переобожженная в печи). У нее плоское дно, профиль резервуара — сферондный сегмент внутри, а снаружи — со скруглением от дна, а затем резким перегибом у середины при переходе к слегка выгнутому наружу контуру. Курильницы. Найдено два фрагмента. Один представляет собой устойчивую, расширяющуюся к основанию круглую подставку (диаметр 7,6 см). Черепок розовый, с добавлением мелкого песка, покрыт светлым ангобом. От другого экземпляра сохранилась массивная, слегка сужающаяся вниз подставка толщиной 6,5 см, которая двумя углублениями и выступом образует переход к округлому резервуару (верх отбит — здесь диаметр около 16 см). Внутри она густо закопчена. Выпол

01 5 10 CM

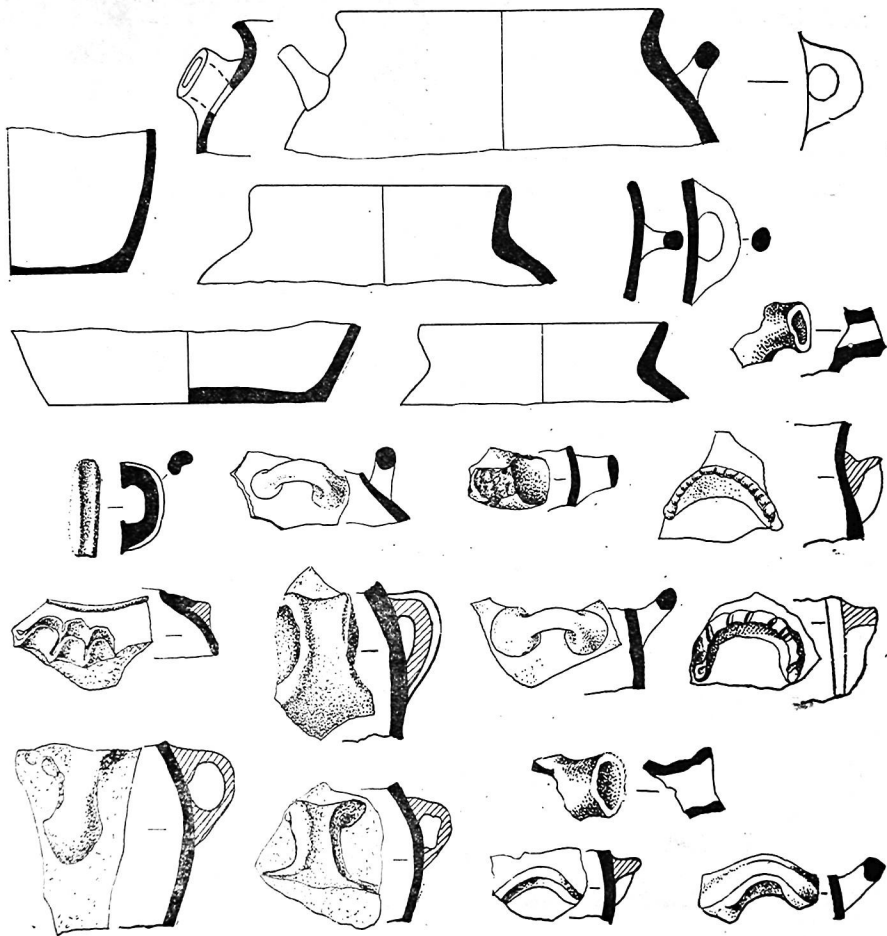

Рис. 46. Котлы.

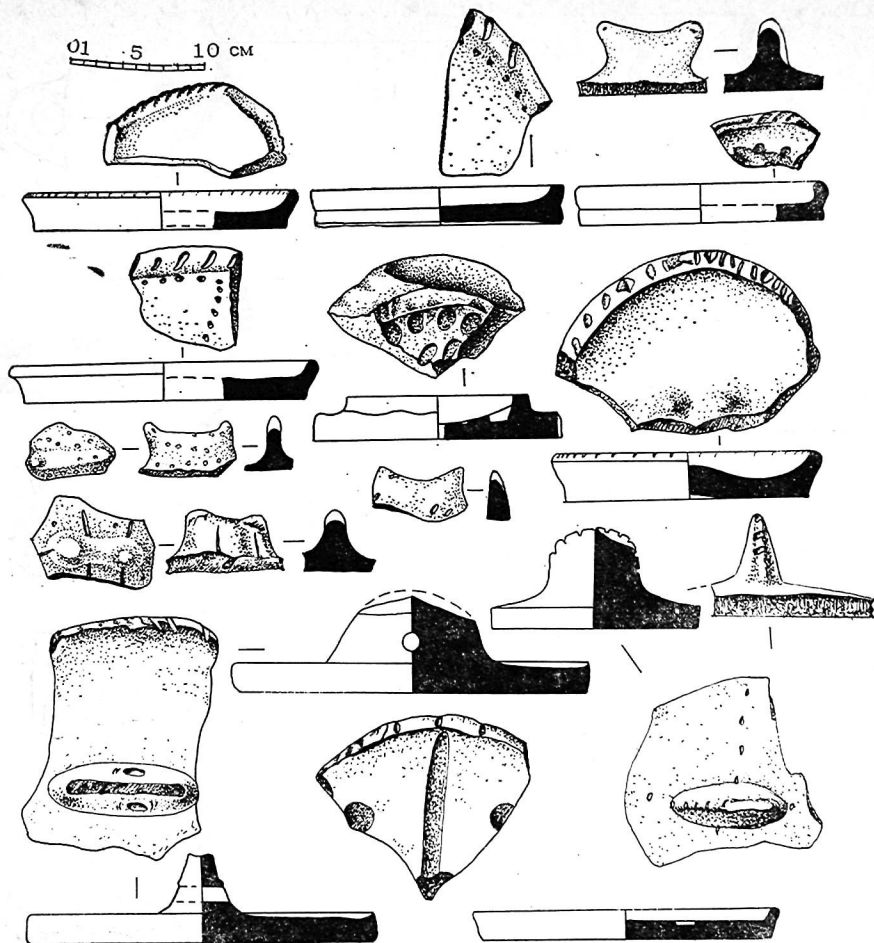

Рис. 47. Крышки.

нена курильница грубоватой ручной лепкой, ее грязно-серый черепок с добавками мелкого песка был сильно прокален в горне, приобретая огнеупорные свойства.

Особую группу в булакбашинской керамике составляют очажные подставки. Они изготовлены из глины с высоким содержанием песка, прокаленной почти до каменного состояния, что придавало им огнеупорные свойства. Они сохранились во фрагментах. Выявлено два типа: продолговатые, так называемые «шашлычницы», и короткие. Первые имеют вид толстого и длинного подпрямоугольного пласта с гранями, несколько расширяющимися книзу для устойчивости, иногда скругленными у основания. Вверху они имеют плавный изгиб, который завершает изображение головы, в ряде случаев редуцированного рогообразного отростка. Подставки второго типа имеют два роговидных выступа, соединенных полукруглым выемом, а на оси под ним высверлено до обжига сквозное круглое отверстие диаметром 15–20 мм.

Приведем описание тех фрагментов очажных подставок, которые хотя бы частично сохранили их основную форму или детали орнаментации*.

Короткие подставки: наружные грани сходятся вверх почти треугольником; сохранились один рогообразный выступ, выгиб у середины подставки и под ним на оси сквозное круглое отверстие диаметром 2 см. В — 15 см; Дл — 16 см, первоначально она равнялась 24 см; Т — 9 см.

Форма та же. На лицевых гранях прочерчен пальцем крупный четырехугольник (сохранился наполовину), в центре которого сквозное отверстие диаметром 1,7 см. В — 16,5 см; Дл — 9,5 см, первоначально равнялась 19 см; Т — 10 см.

Длинные подставки: крупный фрагмент, наверхнем которого служит голова козла со схематично намеченной мордой и вин-

тообразно скрученными рогами, откинутыми назад и закрученными на концах. В — 18 см; Дл — 20 см; Т — 5,5 см; в — 8 см; ш — 8 см; наверхние подставки в виде головы козла с прочерченными глазами, приоткрытым ртом и закинутыми на спину рогами с насечками. В — 12 см; Дл — 12 см; в — 6 см;

боковой фрагмент, наверхнем которого служит стилизованная голова быка. Небольшие рога приподняты полумесяцем, между ними — гребень холки, рот приоткрыт, наколами намечены глаза. В — 12,5 см; Дл — 12 см; Т — 7,5 см; в — 6 см; ш — 9 см;

выступ подставки, на ней — личина с горбатым носом, длинными глазами в рельефных веках. Наколом обозначена дырочка ноздри, прорезью — прямая щель рта, по обе стороны которого — наколами две родинки. Подтреугольное очертание личины с крутым подбородком охватывают две косы, покрытые косыми насечками; еще две, расходясь от темени, спускаются к шее. В — 12 см; Дл — 8 см; Т — 6 см; в — 7,5 см; ш — 6 см;

основание подставки полукруглого очертания и наверхние в виде личины. Треугольное лицо, продолговатые глаза в рельефных веках, крупный нос, две дырочки ноздрей и глубокий фестон рта, две нечетко изображенные обрамляющие лицо косы и одна с рельефным гребнем — позади. С правой стороны — четыре, с левой — два нечетких отиска овальной печати (17×14 мм) с какими-то рельефными изображениями. В — 14 см; Дл — 8 см; Т — 9 см; в — 6 см; ш — 5 см;

наверхние — личина с коротким носом и приоткрытым ртом, обозначенным почти на уровне глаз прямоугольного очертания в рельефных веках. По бокам — две закругляющиеся косы, третья рельефным гребнем следует сзади до выгиба шеи. Под косами — по наколу, справа и слева до обжига были проведены пальцем косые две полосы. В — 12 см; Дл — 13 см; в — 7 см; ш — 6 см;

завершающий выступ с горизонтальным верхом и выгибом позади. На лицевой стороне намечена слегка выступающая линия носа, длинные прямые прорези глаз, наколы ноздрей и рта, в — 5,7; Дл — 5,4 см; ш — 4,6 см. Имеются еще шесть фрагментов подставок —

* В описаниях указаны следующие размеры: В — максимальная высота; Дл — длина, Т — толщина подставки у основания; в и ш — соответственно высота и ширина передней части головы животного на концевых участках.

01 5 10 CM

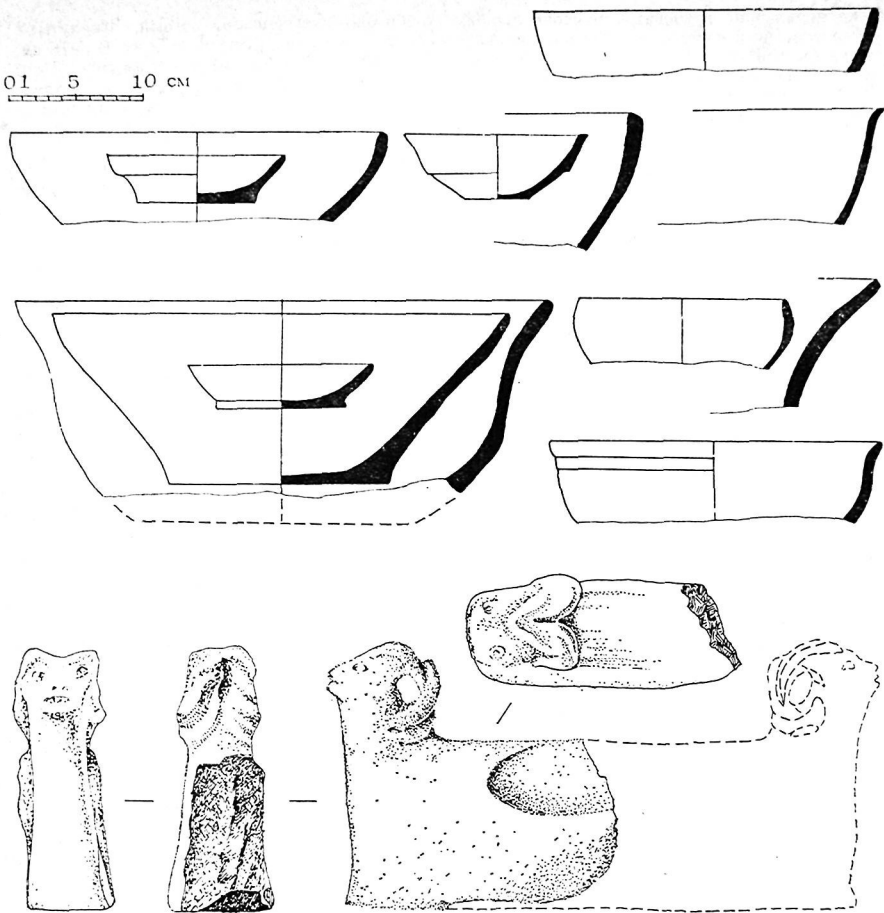

Рис. 48. Миски, чаши. Очажные подставки.

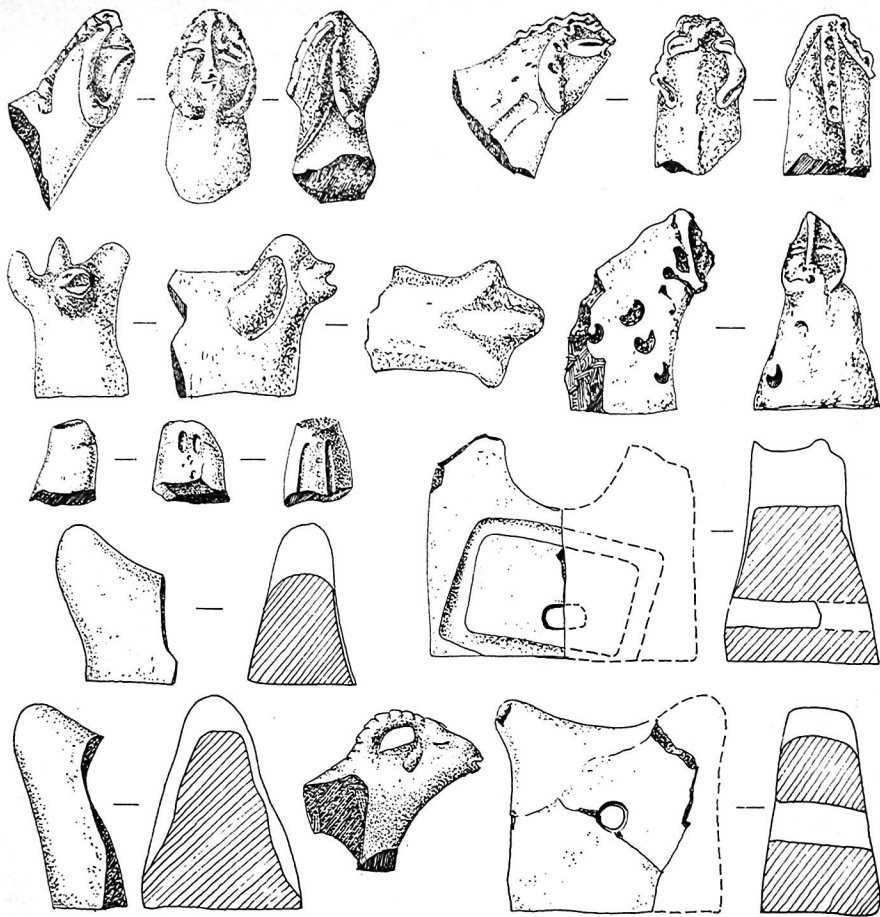

Рис. 49. Очажные подставки.

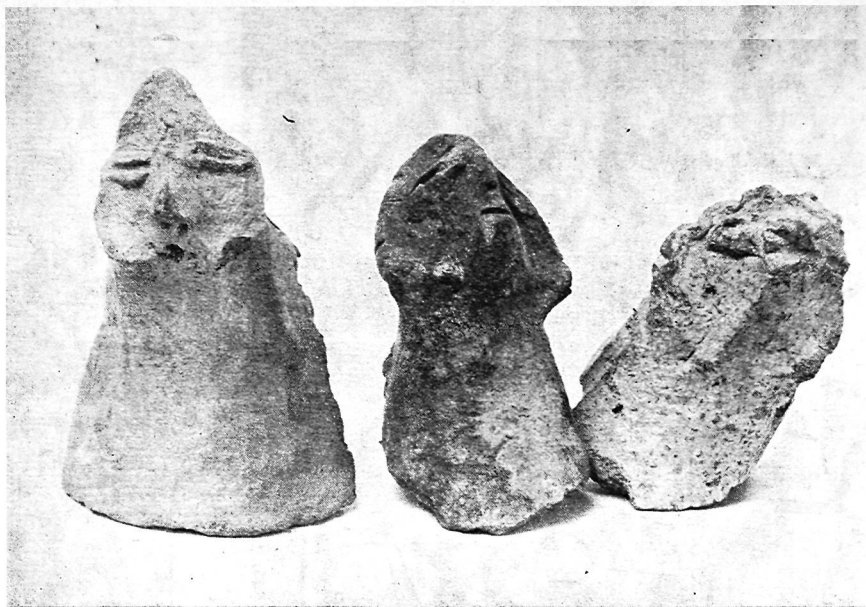

Рис. 50. Фрагменты очажных подставок.

их боковых участков или роговидных наверший, по которым трудно определить, какому типу — первому или второму — они принадлежали.

Комплекс керамики из Булакбаши находит близкие параллели в составе так называемой каунчинской керамики, выявленной первоначально в Ташкентском оазисе (30, 31), а затем по средней Сырдарье (56). Наиболее близка она комплексу Каунчи-I (20, с. 72 и сл., рис. 6): те же техника обработки и состав керамического черепка, сходны формы. Таковы плоскостонные горшки, кувшины (в большинстве одноручные, иногда со сливом-рожом у горловины), хумы, небольшие горш

ки, миски (от крупных тагора до небольших чаш), крышки с ручкой.

Булакбашинский комплекс имеет свои варианты деталей — например, закраин сосудов, крышек и ручек.

Особенно поразительна общность подставок — «шашлычниц» с двухсторонним оформлением приподнятых краев стилизованными головами животных (20, рис. 8). В каунчинском комплексе это обычно голова барана или просто спирали его рогов, в Булакбаши — голова козла или антропоморфная личина. Что касается булакбашинских коротких «двурогих» подставок, то они несколько напоминают подставки, относящиеся к позднему комп-

0 1 5 10 cm

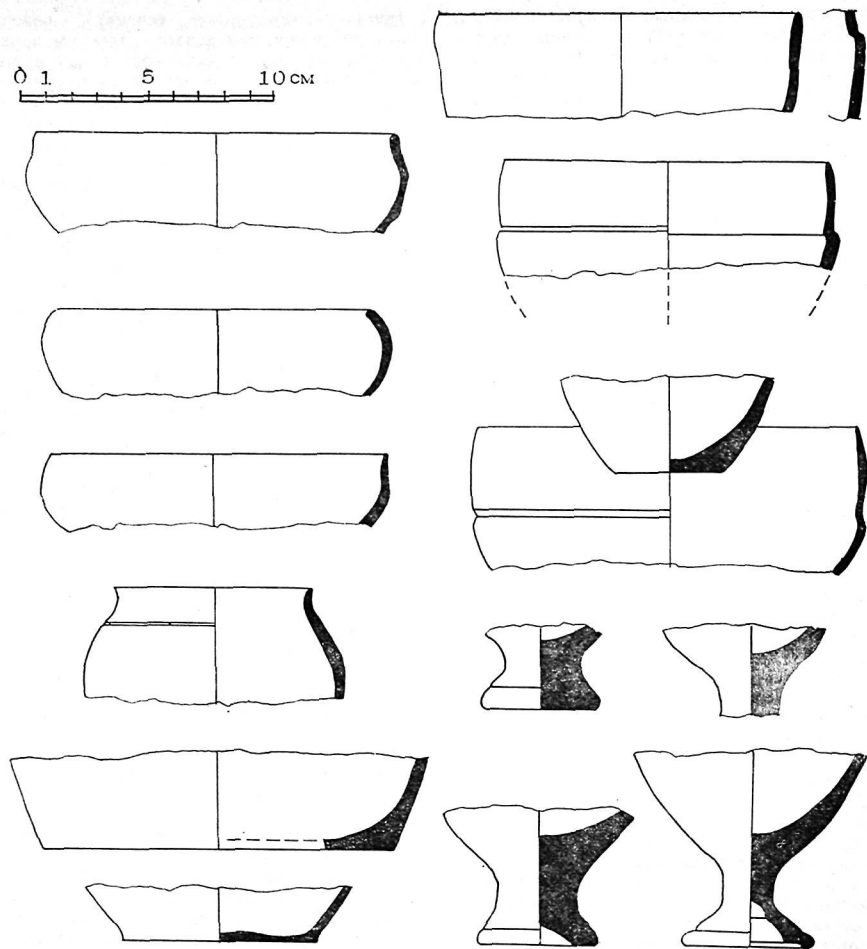

Рис. 51. Станковая керамика.

лексу Каунчи-III, которые именуются «быками». Сходство ограничивается лишь двурогостью, так как у каунчинских имеется горизонтально вытянутое основание, в котором усматривают укороченный вариант «шашлычника», но они, очевидно, имели несколько иное назначение. Первые действительно могли служить для установки на параллельных подставках шампуров с кусками мяса. Сквозное отверстие, имеющееся у вторых, вероятно, было предназначено для продевания через две такие подставки металлического стержня, который не давал им раздвигаться и смещаться, когда между ними устанавливался котел или горшок.

Датировки каунчинской культуры были предметом долгих дискуссий, причем разность дат для одного и того же комплекса достигала свыше тысячелетия. Так, Каунчи-1, по Г. В. Григорьеву, относился к концу II—началу I тыс. до н. э., а Каунчи-II—к середине I тыс. до н. э. (31, с. 49); по С. П. Толстову, Каунчи-I—к I—II вв., Каунчи-II—II—IV вв., а, может быть, еще позднее (127, с. 175 и сл.). Датировка этих культур была заметно сужена А. И. Тереножкиным (126, с. 88 и сл.), Т. Г. Оболдуевой (83, с. 101 и сл.), Л. М. Левиной (56, с. 178 и сл.)—в пределах II в. до н. э.—V в. н. э.

Однако работы последнего десятилетия в Ташкенте и Ташкентской области внесли уточнения, которые обоснованы стратиграфией ряда поселений, дающих *terminus post quem* и *terminus ante quem* для этих культур. Проблема эта обстоятельно рассмотрена Ю. Ф. Буряковым и М. И. Филанович (20; 136).

По сопоставлению с ташкентскими комплексами, булакбашинская керамика более всего близка керамике Каунчи-I, которая датируется в пределах II в. до н. э.—II в. н. э. Эту дату подтверждают найденные нами фрагменты керамики иного типа из булакбашинских слоев. Все они изготовлены на гончарном круге быстрого вращения, имеют очень плотный однородный черепок красного, розового, коричневого цветов, покрыты красным или коричневым ангобом. В их составе—фрагменты кубков на полоконической ножке

(одна ножка сплошного сечения); резервуары с почти прямым верхом и легким перегибом при переходе к крутоконической нижней части; экземпляр со сферическим очертанием резервуара и рельефным пояском при переходе к слегка округлому верхнему участку; три фрагмента тонкостенных чаш диаметром 12—14 см с отлогим резервуаром, закрывающимся к краю (два красноангобированных, один сероватого цвета); плоское дно тонкостенного кувшина и более массивное—горшка, а также низ небольшого горшочка с двухсторонним коричневым ангобом.

Все эти сосуды относятся к типичным формам античной согдийской керамики, судя по профилям, в основном I в. до н. э.—I в. н. э., а упомянутое массивное основание кубка и низ горшочка, вероятно, II—III вв. н. э. Очевидно, отдельные экземпляры городской ремесленной продукции проникали в отдаленные предгорные районы обитания оседлых скотоводов, у которых преобладало домашнее гончарство.

Возвращаясь к рассказу об очажных подставках, отметим, что пластические изображения животных, иногда стилизованные по принципу передачи целого по части, у кочевых народов так называемого сарматского (включая и части среднеазиатского) мира трактовались по-разному. Одна из точек зрения, выдвинутая уже давно, трактует их как охранителей сосудов и их содержимого. Другая—как элемент декоративного характера, перенос на гончарные изделия мотивов ювелирного искусства. Рассматривая этот вопрос, Б. А. Литвинский правомерно считает, что «воспроизведения домашних животных на керамике связаны с хозяйственной жизнью сарматских и среднеазиатских племен не непосредственно, а через сложную систему идеологических, в частности, религиозных представлений» (58, с. 13). Однако концепция Б. А. Литвинского по поводу изображений барана на каунчинских очажных подставках и ручках сосудов как овестьственной символики зороастрийского фарна—субстанции охранения и благоденствия человека, дома, семьи, народа в целом (56, с. 33), вызывает сомнение. Прямое указание на воплощение в зороастрий-

ской среде фарна в виде барана он находит лишь в позднелевийском сочинении в эпизоде бегства сасанидского царя Ардашира от парфянского царя Артабана с его наложницей, когда удаче побега способствовал сопровождавший их фарн в виде огромного барана (58, с. 55—56). Изображение барана, обычно горного архара, с перевязью на шее из гофрированных лент (царственный признак), встречается в позднесасанидском и согдийском искусстве (ткани, геммы (19, с. 126—131, 134—136; 157, № 34, 62, 65, 66; 162, фиг. 277)). Если это и фарн, то лишь царский, притом иконографически не единственный. Воплощения фарна были и иными. Так, согласно Авесте, фарн Кавенидов имел вид птицы, которая улетела от первого царя Йимы, после чего ему изменила судьба и он потерял царство. Вероятно, были и иные воплощения фарна в зороастрийской среде. Но в какой мере правомерно распространение зороастрийских представлений о фарне на всю сарматскую и, в частности, северно-среднеазиатскую среду, где существовал присущий скотоводам мир религиозных представлений и образов, только на том основании, что у них было популярно изображение барана? Изображения барана, козла, собаки, быка, кабана нередки на сосудах народов — носителей «сарматоидных культур». Причем разные народы отдавали предпочтение тому или иному из названных животных, в отдаленном прошлом бывшему их тотемом, а в рассматриваемый период сохранявшему в основном роль апотропеев, наделившихся сверхъестественной силой отвращения зла от сосуда, его содержимого и его владельца. В области Чача это был преимущественно баран, в маньякском регионе — козел, а также некое антропоморфное божество — судя по косам, женское (напомним, что туркмены заплетают по старой традиции не две, а четыре косы). Поскольку на очажных подставках одновременно встречаются изображения богини и козла, а сами подставки изготавливались в скотоводческой среде, есть все основания считать, что она считалась покровительницей животного мира. Связь богини с производящими силами природы, образным воплощением которых

является козел (мир животных) и «древо жизни» (растительный мир), засвидетельствована искусством многих народов, в частности, Древнего Востока. Так, например, на вырезанном из слоновой кости хититском горельефе II тыс. до н. э. богиня изображена протягивающей пучки растений стоящим по обе стороны от нее козлам (155, с. 265, фиг. 307); на ассирийских печатях VII—VI вв. до н. э. (18) воспроизведены сцены поклонения Иштар, близ которой высится древо и стоят один или два козла. Одна из ипостасей Великой богини, очевидно, почиталась жителями Булакбаши и других поселений того же историко-культурного круга. В зороастризме покровительницей мира живой природы была Анахита, но отождествлять с нею булакбашискую богиню невозможно. В Авесте Анахита представлена в образе прекрасной девы, на очажных же подставках изображался идол, лишенный реалистических форм и черт, так как именно такое изображение являлось воплощением магико-символического назначения этой богини. Вместе с тем, изображение ее на очажных подставках свидетельствует о ее связи с культом домашнего очага, а, может быть, и шире — с культом огня. О роли последнего свидетельствуют и курильницы из Булакбаши.

Таким образом, мы получили некоторые конкретные представления о культовой идеологии жителей данного поселения. Но наличие подставок и курильниц отнюдь не свидетельствует о зороастрийском начале, так как разновидности культа огня были присущи многим народам древности.

Население Булакбаши принадлежало к единому с каучинцами этно-культурному племени, но, очевидно, иному роду-племени, древним тотемом и объектом почитания которого был избран не баран, а другое домашнее животное — козел, а также упомянутое женское божество.

Булакбаши было не единственным поселением такого рода в Самарканском Согде. Так, в нижнем слое Тали-Барзу под Самаркандом (Т6-1) оказался фрагмент удлиненной очажной подставки с головой рогатого животного (опубликованное изображение нечетко (33,

рис. 3—6)). Кстати, наличие этого фрагмента, а также части керамических черепков и терракоты из того же горизонта не согласуется с отнесением Б. Я. Стависким слоя Тб-1 к концу II — первой половине III в. н. э. (124, с. 26—27) и позволяет признать более правильной точку зрения А. И. Тереножкина, который датировал его рубежом новой эры (126, с. 128 и сл.).

Булакбаши — свидетельство заселения носителями каунчинской культуры в первых веках нашей эры малолюдных предгорных районов Самаркандского Согда, где были благоприятные возможности для богарного земледелия и

оседлого скотоводства при сохранении патриархальных форм хозяйства, быта, идеологии. Находясь на границе культурно-земледельческих оазисов и горных районов отгонного скотоводства, они поддерживали контакты с населением урбанизированных зон Самаркандского Согда, почти не восприняв присущих для него форм материальной и, вероятно, духовной культур.

Насыщенность культурных слоев свидетельствует о долговременности обживания поселения Булакбаши. Конец ему положили, очевидно, социальные катаклизмы, охватившие Самаркандский Согд в IV—V вв. н. э.

ОРЛАТСКИЙ МОГИЛЬНИК

Над первой грядой адыров, возвышающихся на 60—70 м над рекой Саганак, УзИскЭ было отмечено несколько могильников. Позднейший из них находится на юго-западном склоне, почти напротив Кургантепе. Здесь видны провалы могил, теснятся холмики, местами попадаются узкие каменные саганы без эпитафий и орнаментов, характерные для XVIII—XIX вв. Наверху, у гряды, почти на 4 км тянутся древние погребальные поля, разделенные глубокими оврагами. По-видимому, основным было то из них, где возвышается несколько курганов, самый крупный из которых называется Караултепе. Подквадратный в плане (около 50 м в стороне, высотой до 20 м), он высится над всей долиной, которая далеко просматривается с его вершины. Возможно, когда-то это был действительно караулный пункт, но в основе его, вероятно, царский курган, место захоронения вождя той родо-племенной группы, членов которой погребали вокруг. Наряду с немногими высокими курганами здесь выявлены десятки таких, насыпи которых постепенно сровнялись с землей и лишь внимательный осмотр позволяет, особенно при косом освещении утренних или вечерних лучей, определить их бывшее расположение по легкому нарастанию рельефа и растительному покрову. Зона курганного поля, связанного с Караултепе, охватывает площадь до 1,5 км в длину и до 400 м в ширину. В 1981 г. на топографический план, выполненный И. П. Луньковой, было нанесено значительное число курганов, многие отмечены поздней.

Дальнейшее обследование, осуществленное В. А. Карасевым, выявило еще три курганных поля, ориентированных в северо-восточном и северном направлениях. На одном из

них (450×430 м) погребения выделяются как оплывами насыпи, так и окружающими их небольшими рвами. На двух других отмечены впадины ямных захоронений; размеры одного — около 350×550 м, а самого дальнего — 900×500 м. Вероятно, все эти могильники принадлежат разным периодам, определить которые можно лишь путем раскопок.

Изучение курганов первоначально не входило в программу работ УзИскЭ. Однако в 1980 г. к ним со стороны, противоположной юго-восточным склонам, вплотную подступила распахка, и в одном из курганов, прорезанном двумя глубокими и широкими траншеями, были обнаружены человеческие кости. Работы были немедленно приостановлены, после чего осуществлены раскопки этих погребений. В последующие годы экспедиция вскрывала по одному-два кургана в сезон, во-первых, потому, что совхоз продолжал освоение земли на этой территории; во-вторых, чтобы определить, какие хронологические и историко-культурная зависимости существовали между крупным античным городом Кургантепе и курганными погребениями, соотносящимися с традициями кочевников.

Приведем краткое описание курганов и их содержимого*.

Курган Кг-1, частично срезанный бульдозером при прокладке дороги, находится в 450 м к северо-западу от Караултепе, на гребне адырной гряды, в цепи наиболее значитель-

* Курганы Кг-2 и Кг-6 раскапывались В. А. Карасевым; Кг-7 и Кг-8 — В. Г. Смыкавым и С. А. Савчуком; Кг-9 — Д. Я. Ильясовым — все под контролем и непосредственным наблюдением автора этих строк. Курганы Кг-1, Кг-3, Кг-4 и Кг-5 были вскрыты В. А. Карасевым, из отчетов которого взяты приводимые ниже данные. Эти раскопки проконтролированы Э. В. Ртвеладзе.

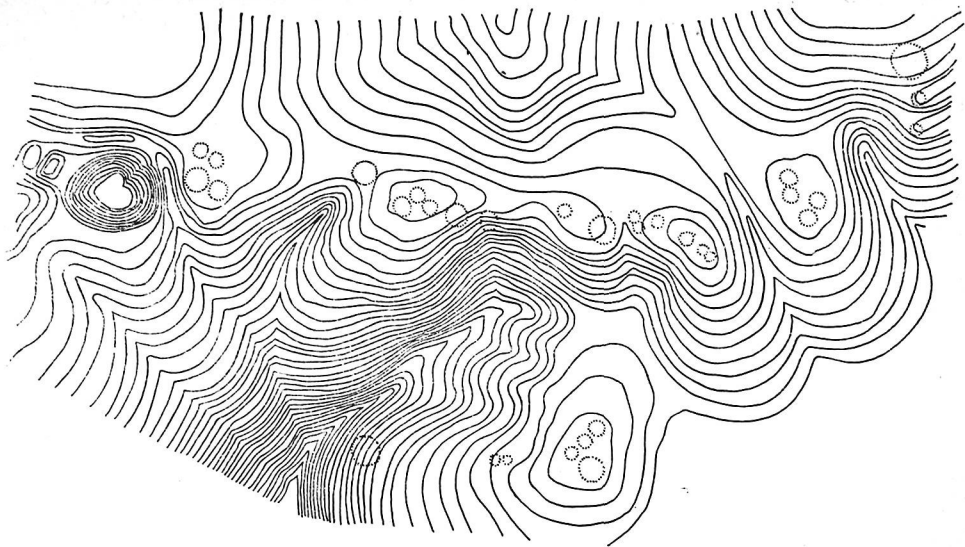

Рис. 52. Схема северной части Орлатского могильника (могильное поле 1).

ных курганных холмов. Диаметр насыпи в оплыве — 27 м. Выявлено три одновременных захоронения, осуществившихся в такой последовательности. Вначале на глубину 2,9 м от дневной поверхности был опущен прямоугольный дромос (2×1 м), ориентированный по линии север-юг при небольшом склонении на запад. В его восточной стене была устроена подбоем погребальная камера той же длины при ширине 1,3 м и высоте 1 м с перекрытием, очевидно, в виде плоского свода. В ней — полностью разграбленное погребение двух человек. По немногим костным останкам установлено, что были захоронены мужчина 30—35 лет и подросток 10—12 лет. Положение тазобедренных костей свидетельствует о том, что мужчина лежал головой на север. На полу обнаружены следы ислетшей камышовой циновки. За исключением двух полосок железа, никакого сопроводительного

инвентаря не оказалось. После погребения камера (можно назвать ее катакомбой) была изолирована перегородкой, выложенной бесформенными кусками битой глины, а в северном участке — сырцовым кирпичом ($40 \times 20 \times 10$ см). Внешняя поверхность закладки была обмазана глиняным раствором, затем дромос засыпан материковой глиной, сверху насыпан курган диаметром около 9 м. По прошествии некоторого времени, когда свод катакомбы еще не был разрушен, в кургане вырыли новую могилу. Она включала три камеры: центральную, находившуюся в полуметра метрах от погребения № 1, и две боковых — с севера на расстоянии одного метра, с юга — в полуметре. Оси всех трех ориентированы по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Размеры центральной камеры — $3,8 \times 3$ м, глубина от современного уровня насыпи — 3 м. От боковых камер к

0 1 3 5 м

С

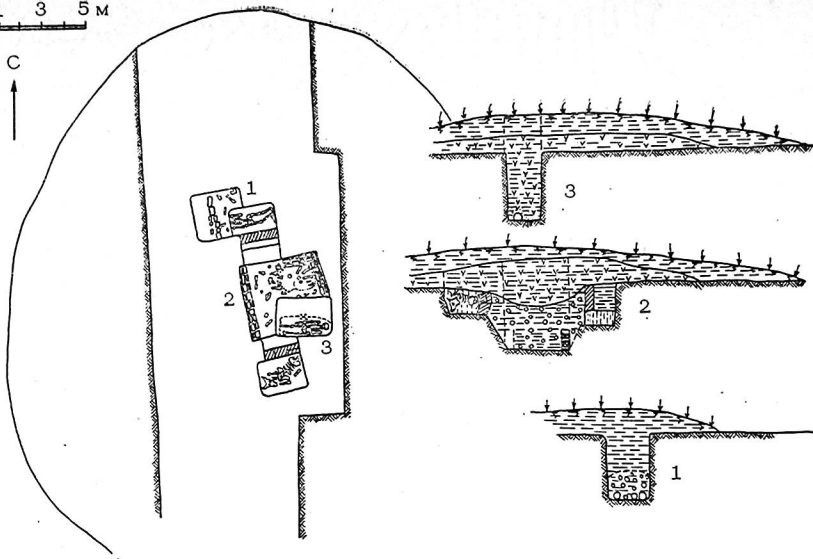

Рис. 53. Курган Кт-1. План и разрезы погребений.

центральной ведут два наклонных хода. Центральная камера обложена сырцовым кирпичом размерами $32 \times 24 \times 12$ см; $34 \times 25 \times 10$ см; $35 \times 27 \times 12$ см, кладка вперевязку швов, западная стенка — местами из бесформенных кусков битой глины. Эта закладка сохранилась в высоту на 30—80 см.

Вход в южную камеру был заложен глинобитной перегородкой. На полу камеры в 1,17 м от уровня дневной поверхности найден костяк коровы.

Дно северной камеры лежит на глубине 1,84 м, причем с западной стороны она оказалась опущенной в катакомбу погребения № 1. Очевидно, через эту пробину она и была ограблена, затем ее засыпали землей, выравнивая пол северной камеры и покрыв его глиняной смазкой (2 см). У края выведена глинобитная стенка толщиной 4 см при высо-

те 1,2 м. В этой камере обнаружены остатки костяка обезглавленного взрослого человека, ноги его обращены на восток. Кисти рук лежали под тазовыми костями — вероятно, они были связаны за спиной. Погребального инвентаря не обнаружено.

Центральная камера была разграблена, кости перемешаны, но, судя по их расположению, погребенный (женщина) был обращен головою на восток. Нижняя сторона костей слегка обожжена, — по-видимому, имело место частичное трупосожжение. Местами выявлены скопление пепла и большое число обугленных кусков балок небольшого диаметра (4,5—5 см), вероятно, от перекрытия погребения. Все три камеры второго периода перекрыты курганом диаметром до 19 м.

В составе инвентаря из центральной камеры — три украшения; две пластинки из золо-

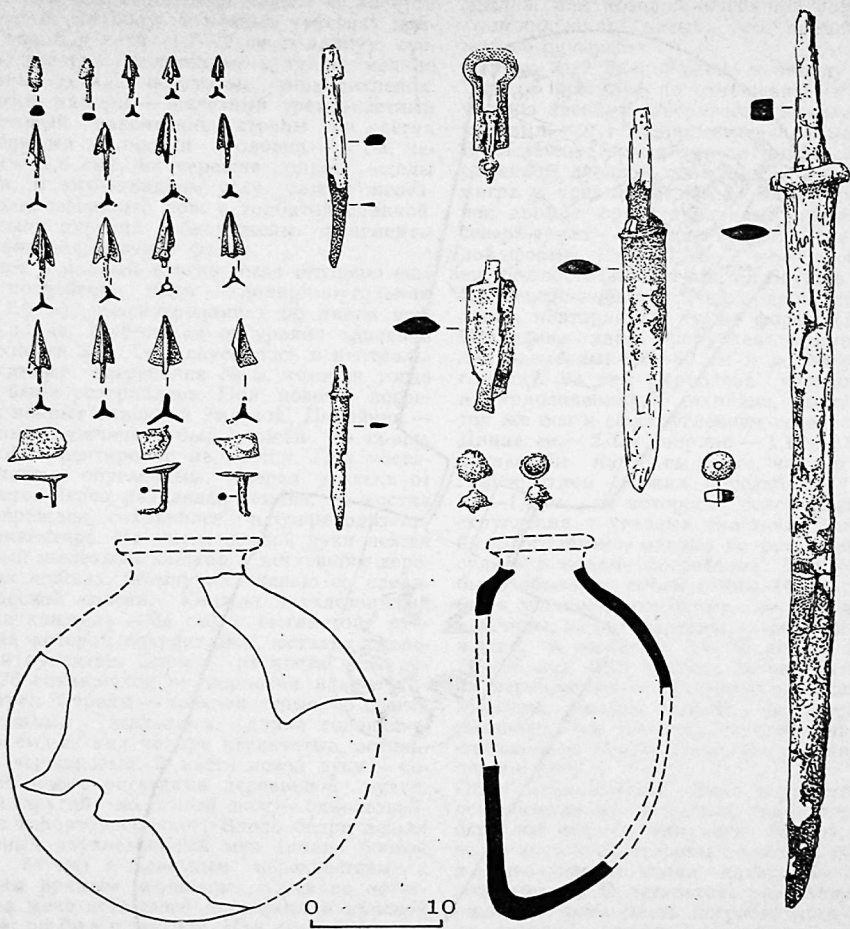

Рис. 54. Инвентарь из кургана Кг-1.

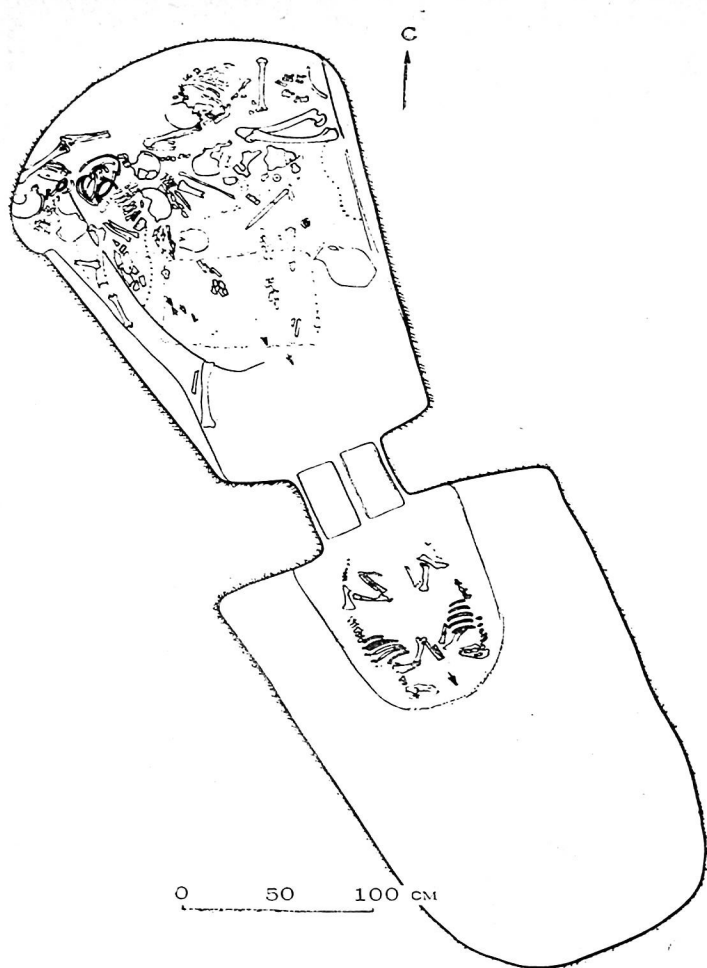

Рис. 55. Курган Кт-2.

той фольги и кольцевидная серга из золотой проволоки. На полу в разных участках найдены золотые нити (1,7—2 см в длину), очевидно, некогда вплетенные в ткань; мелкие железные детали, некоторые типа заклепок. В центре камеры — железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы со слегка опущенными жальцами (головка — 3 см, черешок — 2,6 см), на черешке видны следы дерева. В юго-западном углу лежал железный однолезвийный нож с горбатой спинкой. В насыпи кургана обнаружены фрагменты красноангобириванной фляги.

Позднее в данный курган было опущено еще одно погребение. Яма — подпрямоугольная (2,6×1,6 м), ориентированная по линии восток — запад, глубина ее от уровня дневной поверхности 3 м. Она спускалась в центральную камеру погребения № 2, которая тогда же и была разграблена. Пол нового погребения покрыт глиняной смазкой. Покойник — взрослый мужчина — был уложен на спину, головой ориентирован на восток. Под костяком, частью обугленным, — пепел, угольки от хвороста. Череп раздавлен землей, но костяк не поврежден, сохранился и сопроводительный инвентарь. На кисти правой руки лежал крупный железный кинжал в истлевших деревянных ножнах, обтянутых тканью со следами красной краски. Кинжал двухлезвийный (длина кинжала — 34 см) с вытянутой ручкой, на которой сохранились остатки деревянной рукоятки. Справа от кисти этой руки — 26 спавшихся от коррозии наконечников стрел. Стрелы — трехлопастные, со слегка опущенными жальцами, длина головки — 2—4,5 см, из них четыре втульчатые, остальные — черешковые. В кисти левой руки — короткий нож с остатками деревянной ручки. Рядом другой железный нож — однолезвийный, с горбатой спинкой. Вдоль бедра лежал железный двухлезвийный меч (длина боевой части 74 см) с железным перекрестием и плоским прямым черешком. Суля по остаткам на мече истлевшей древесины и красной краски, он был в ножнах. Над рукоятью меча лежала округлая железная пружка с длинным язычком на конце.

Погребение № 3 было заполнено комковатой

землей, над которой, очевидно, возвышалась холмообразная насыпь, со временем полностью оплывшая.

Курган Кг-2 расположен к западу от Кг-1. Высота насыпи по отношению к древнему уровню дневной поверхности, выявленной раскопками, — 1,1 м, диаметр в оплыве — 14 м. В настоящее время она поднимается от современной дневной поверхности лишь на полметра в наивысшей точке. Раскопками выявлен дромос, ориентированный по оси северо-северо-запад — юго-юго-восток, трапециевидной формы (2,75×1,57—2 м) со скругленным юго-восточной стенкой, он опущен на 2,8 м. На северо-западной стенке дромоса — углубление, повторяющее ту же форму (1,2×1 м). Посредине здесь прорублен прямоугольный лаз размерами 50—80 см и до полуметра в глубину. За ним вырублена катакомба, также трапециевидная в плане, вытянутая по той же оси и со скруглением северной стенки. Длина ее — 2,5 м, ширина — 1,10—1,85 м. Пол катакомбы на 16 см ниже, чем в дромосе. Перекрытием служил плоский свод высотой 1,3—1,5 м, от которого сохранились лишь скругления в угловых участках. Захоронение было ограблено, однако по остаткам можно судить о приеме погребения. Дно катакомбы было обмазано слоем глины (4 см), на нем были уложены внесенные через лаз трупы мужчины, по определению антрополога Т. Ходжаева, в возрасте 30—35 лет и женщины 20—25 лет. Оба костяка потревожены, кости их перемешаны и сохранились неполностью. Мужчина лежал головой на северо-восток, женщину же уложили головой на запад, частью в глубокую нишу, вырубленную в западном углу.

Ограбление могилы было осуществлено через специально вырытый грабителями лаз округлой формы (диаметр 90 см), который вел с восточной стороны насыпи и был виден в уровне начала свода катакомбы с восточной стороны. В результате разграбления сохранилась лишь часть погребального инвентаря, который, однако, разнообразен и выразителен.

Возле входа лежали одноручный кувшин, два обломка однолезвийного железного ножа

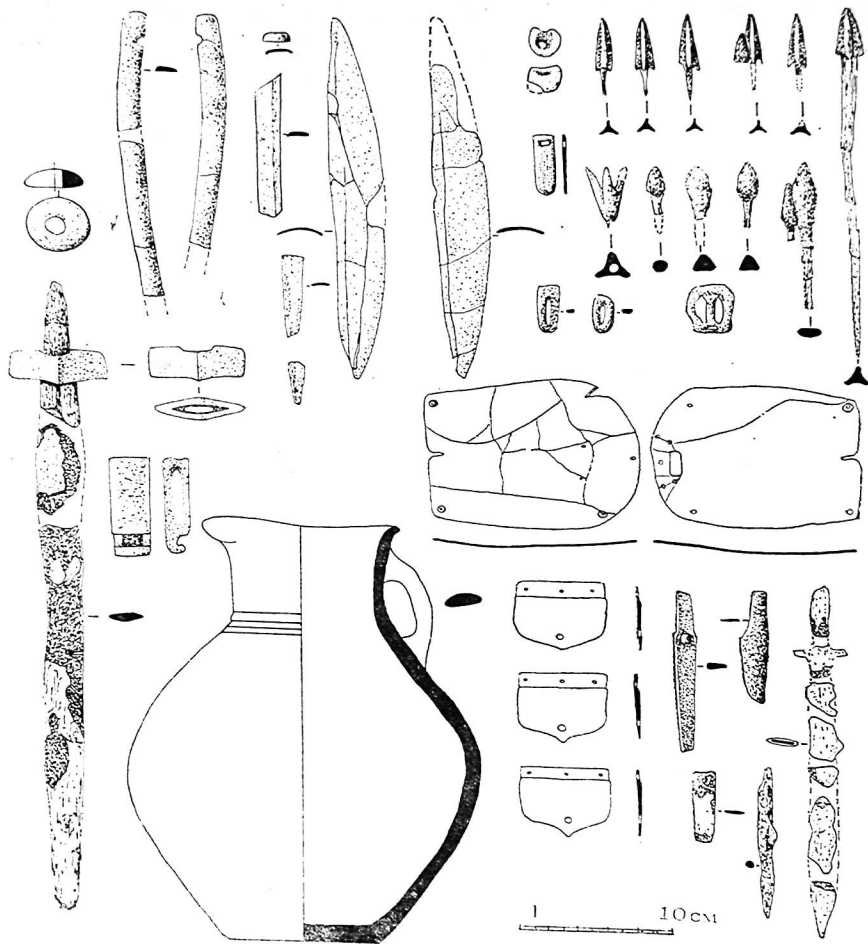

Рис. 56. Инвентарь из кургана Кг-2.

и фрагменты костяных обкладок лука. Рядом — длинный узкий кинжал, оформленный на перекрестии двумя нефритовыми брусками, а конец штыря — мраморным навершием сегментовидной формы со сквозным отверстием в центре. На этом же участке обнаружены 16 железных прямоугольных бляшек, на некоторых из них сохранилась золотая фольга. В той же технике изготовлена поясная пряжка. В центре лежали 21 железный трехгранный черешковый наконечник стрел и костяные обкладки лука. Неподалеку были обнаружены вмятые в пол костяные пластины — две большие и три малые — с гравированными изображениями. На северо-западном участке на полу отмечены отпечатки куска ткани (1,2×0,8 м), прошитой золотыми нитями.

Вход в катакомбу был заложен двумя рядами сырцовых кирпичей (40×20×10 см) тычком, а снаружи эта закладка покрыта глиняной смазкой. Перед входом в упомянутом углублении дромоса уложено два убитых пса, костяки которых сохранились целиком. Они лежали головами к выходу, а мордами и ногами друг к другу. Между ними найден трехперый черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами. После захоронения собака дромос был засыпан и над всем погребальным комплексом насыпан курган диаметром до 9 м.

Курган Кг-3 — один из семи могильных курганов, находящихся почти у подножья Караултепе, с восточной стороны от него. Диаметр насыпи Кг-3 в ольве — 18 м, высота от современной поверхности — до 70 см. Под нею выявлен трапециевидный в плане дромос (2,75—1,6×3,6 м), ориентированный по оси север — юг с небольшим склонением на северо-запад. С южной стороны дромос имеет два уступа полуметровой ширины для удобства спуска и отброса земли. Пол лежит с легким скатом и находится на глубине 3,2—4 м от поверхности. В середине северной стены дромоса пробит лаз шириной 1 м и высотой 80 см, опускавшийся наискосок на глубину 75—80 см. За ним расположена подпрямоугольная катакомба со скругленными углами

(2,7×2 м), вытянутая с запада на восток; пол ее, покрытый глиняной смазкой в 1,5 см, на 20 см ниже, чем в дромосе. Вертикальные стенки ее на высоте 1,5 м по длине катакомбы и 2,3 м — по ширине скругляются при переходе к перекрытию. Оно обрушилось, а раньше, видимо, имело форму плоского свода. Северная и западная стенки сохранили обкладку из сырцовых кирпичей (размерами 40×20×8—9 см), поставленных плашмя, вперевязку и оштукатуренных глиной. После погребения лаз в катакомбу был заложен сырцовыми кирпичами (размерами 40×20×9—10 см и 40×23×8 см).

У юго-западного угла катакомбы выявлен лаз, сделанный грабителями. Диаметр его — 80 см. Находился он на высоте 0,5 м от пола катакомбы, очевидно, с этого уровня уже можно было достать находившиеся там предметы. Кости не обнаружены — возможно, ограбление было осуществлено вскоре после захоронения, когда грабители попросту вытащили еще не истлевший труп. Пол катакомбы был застлан камышовой циновкой (длина — 2 м, ширина с восточной стороны — 1,2 м, с западной — 74 см). По-видимому, покойник лежал головой на запад. После закладки лаза дромос был засыпан лесом, очевидно, вынутым при рытье могилы. Наверху на центральном участке его был разведен огонь, от которого сохранилось большое окаленное пятно (диаметр 1,75 м) со слоем золы толщиной 12—15 см, судя по ее характеру — от кустарникового, а не древесного топлива.

В числе находок — железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (длина его — 4,5 см, втулки — 2 мм) со следами истлевшего дерева внутри втулки. Он лежал около ступени за входом в катакомбу. В 60 см севернее обнаружены кости бараньей грудины, раздавленные, видимо, при ограблении. Справа от входа — фрагменты нескольких керамических сосудов.

На склоне адыра, примерно в полуклометре к юго-востоку от Караултепе, имеется восхождение с группой курганов. Они были охвачены с двух сторон прямоугольным ва-

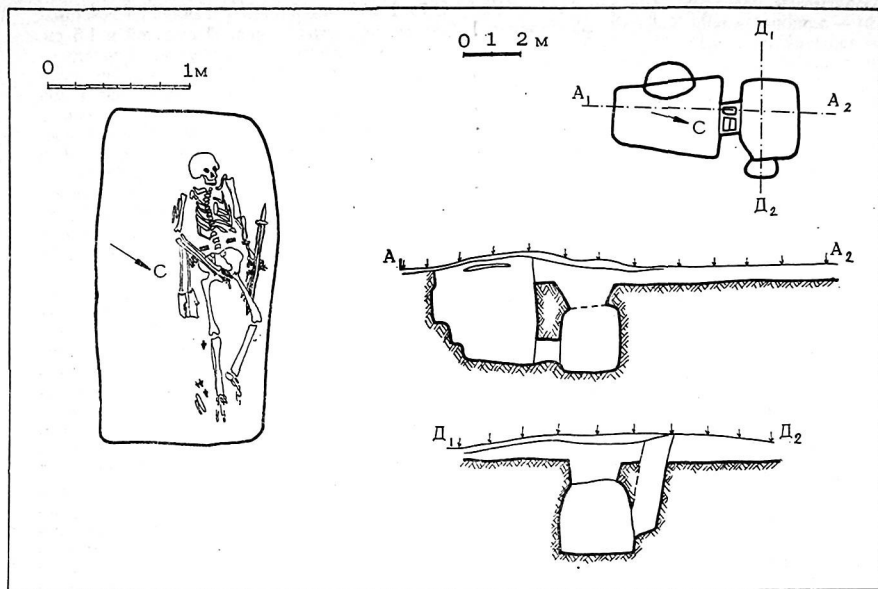

Рис. 57. Курган Кг-4. Планы, разрезы.

лом. Три кургана вскрывались: № 4, 6, 9. Два первых оказались нетронутыми, третий разграблен.

Курган Кг-4 четко выделяется в рельефе. Оплыв его насыпи достигал 10 м, возвышаясь на полметра над современным уровнем. Древняя дневная поверхность лежит на 1 м ниже. Раскопками выявлена прямоугольная погребальная камера, сильно смещенная к северо-востоку от центра насыпи. Размеры камеры $2,3 \times 1,25$ м, глубина от древней дневной поверхности — 2,8 м. Ориентация: юго-запад — северо-восток. Покойник уложен на спине на камышовую подстилку ($1,32 \times 0,75$ м) ближе к северо-западной стенке, голова обращена на юго-запад. Руки вытянуты, левая нога сог-

нута в колене, правая вытянута.

Сохранился основной сопроводительный инвентарь. У правого плеча и около ступни правой ноги лежали костяные обкладки лука, сохранившиеся лишь частично. Справа от тазовой кости найден короткий железный двухлезвийный кинжал (длина линзовидного в сечении лезвия — 16 см, квадратной рукояти — 11 см). Рукоять и ножны были деревянными, ножны обтянуты красной тканью. Слева от погребенного лежал двухлезвийный железный меч, линзовидного сечения. Длина его боевой части — 70 см, прямоугольной рукояти — 14 см. Последняя была в деревянной обкладке из двух половинок, следы истлевшего дерева на лезвии позволяют предположить, что

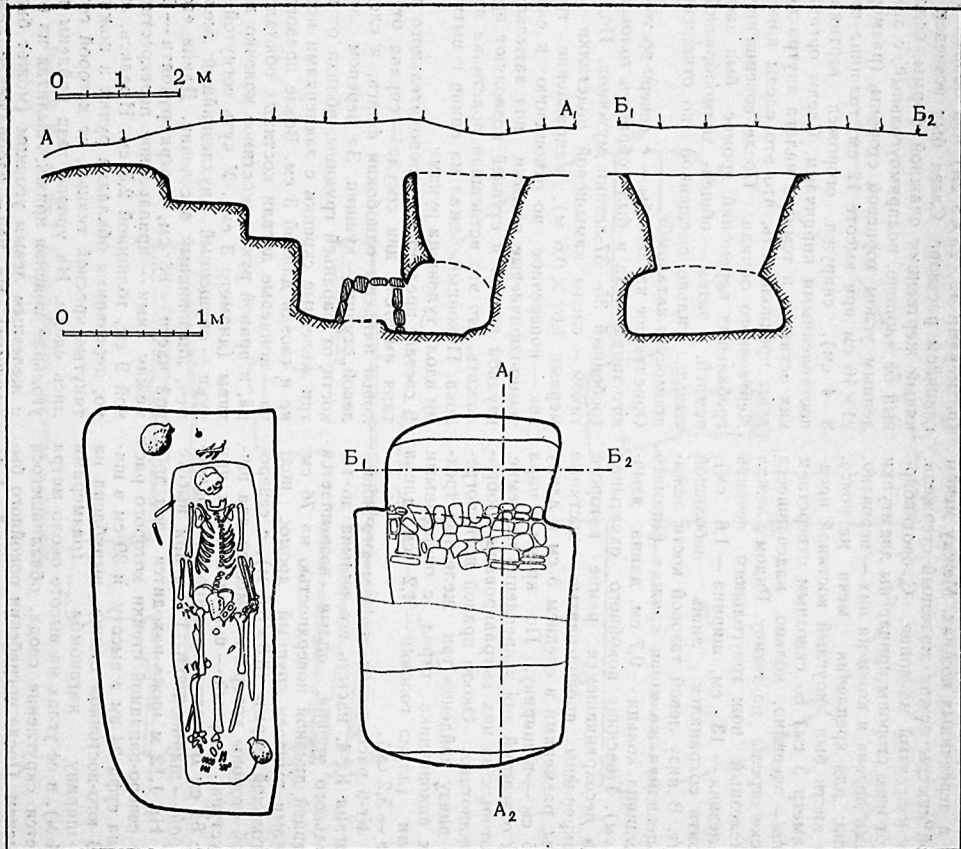

Рис. 58. Курган Кт-6. Планы, разрезы.

меч был в деревянных ножнах. Между мечом и стенкой камеры лежал железный стержень, крючком изогнутый на конце. С противоположной от него стороны приварены две втулки со следами дерева и кожи на них — вероятно, оц служил для крепления меча на поясе. В левой кисти был круглый костяной предмет (диаметр 3 см) со сквозным отверстием посредине — очевидно, кольцо, надевавшееся при спуске стрелы на тетиву. Рядом лежал узкий железный нож треугольного сечения (длина лезвия — 13 см, ширина — 1,6 см). От рукояти сохранился лишь небольшой фрагмент. Внизу левой тазовой кости лежала кольцевидная железная пряжка (диаметр 5 см, толщина кольца — 0,7 см, длина язычка — 1 см). Поясницу покойного охватывал пояс, на несохранившемся ремне которого были закреплены продолговатые костяные пластины, размерами в среднем 5 см в длину и 2—2,5 см — в ширину. По краям — пара круглых отверстий для закреплений на ремне. На некоторых из них выгравированы изображения животных. Около правой ноги погребенного внизу найдено три железных трехгранных наконечника стрел с опущенными жалками (длина головок — 4,2 см, длина черешка — 3,2 см).

Курган Кг-6 расположен в 11 м юго-западнее кургана Кг-4, насыпь его оплыва до горизонтального уровня, оплыв возвышается над древней дневной поверхностью на 76 см. Раскопками выявлен крупный дромос подпрямоугольной формы (3,8×3,5 м, с северо-западной стороны которого имеется два широких уступа (первый — шириной 1,2 м при глубине 54 см от древней дневной поверхности, второй — шириной 0,6—1,1 м при высоте 47 см). На 1,12 м ниже находится пол дромоса, у северо-западной стенки которого расположена суфа 24 см в высоту и 30 см в ширину. В юго-восточной стенке вырублена на всю ширину катакомба (размерами 2,5×1,4 м), в ее углах на высоте около метра начинается скругление свода, обвалившегося со временем. После погребения покойного была осуществлена закладка толщиной 1 м, выходящая в дромос и лишь отчасти — в катакомбу. Выполнена она из целых кирпичей

(размерами 42×23×9 см) или обломков на глиняном растворе. Слева был возведен глиняный жертвенник очаговой формы, основанный на кирпиче, подпрямоугольный, с закругленным углом торцевой стороны (размерами 21×16 см при высоте 12 см, толщина стенок 3—4 см), снаружи огорожен вертикально поставленными кирпичами. Следы органических остатков и темного налета внутри позволяют предполагать, что это следы какого-то жертвенного обряда. После совершения погребальных церемоний дромос был засыпан землей, а затем — общей холмообразной насыпью, сильно смещенной по отношению к дромосу и катакомбе.

Ориентация катакомбы — с северо-востока на юго-запад, куда и был обращен головой погребенный 35—37-летний мужчина. Под костяком — следы камышовой подстилки (размерами 1,69×0,6 м), направление тростинок — поперечное по отношению к скелету; темно-коричневые остатки под затылком, у грудной клетки и ступней позволяют предположить, что это ислевшая подстилка из войлока. Покойный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками.

В составе предметов сопроводительного инвентаря имеется два сосуда — справа от изголовья найдены однобокая фляга, а слева от левой ступни — кувшин. За черепом лежали кости от бараней грудины, вблизи от них — три железные скрепки с заклепками посредине и гвоздь длиной 3 см. Возле правого плеча — концевые детали костяных обкладок лука, в правой руке — костяное колечко для тетивы (диаметр 3 см). У чуть согнутой левой руки — опущенный двухлезвийный железный меч, линзовидный в сечении. Длина его боевой части — 86 см, штыря рукояти — 10 см, между ними — приваренное перекрестие длиной 9 см, толщиной 2,5 см. Имелись, очевидно, деревянные обкладка ручки и ножны, обтянутые красной тканью, от которой сохранились следы. На уровне таза найдены прямоугольная поясная пряжка, вылитая из бронзы, с железным левым уголком (может быть, ремонтным). На ней — изображение лежащего хищника из семейства кошачьих. У правого бедра погребенного лежал обоюдоострый же-

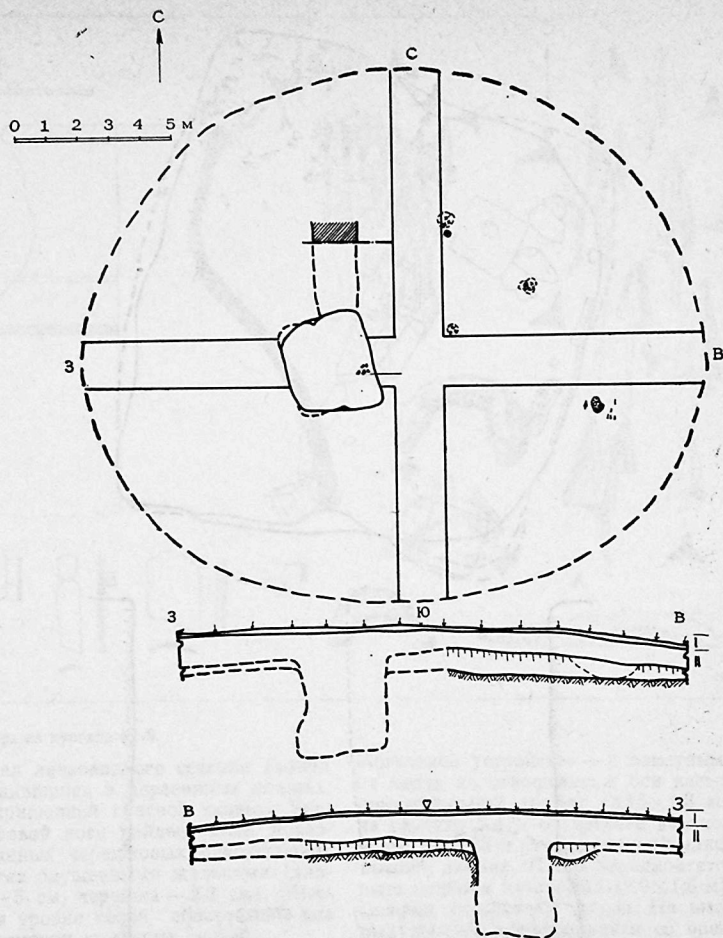

Рис. 59. Курган Кт-9. План верхнего горизонта и разрезы.

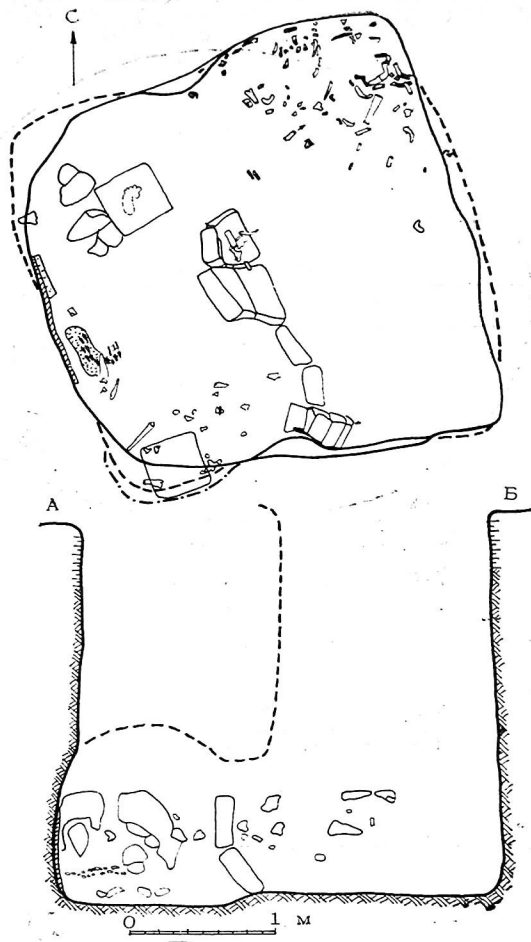

Рис. 60. Курган Кр-9. План нижнего горизонта и разрез.

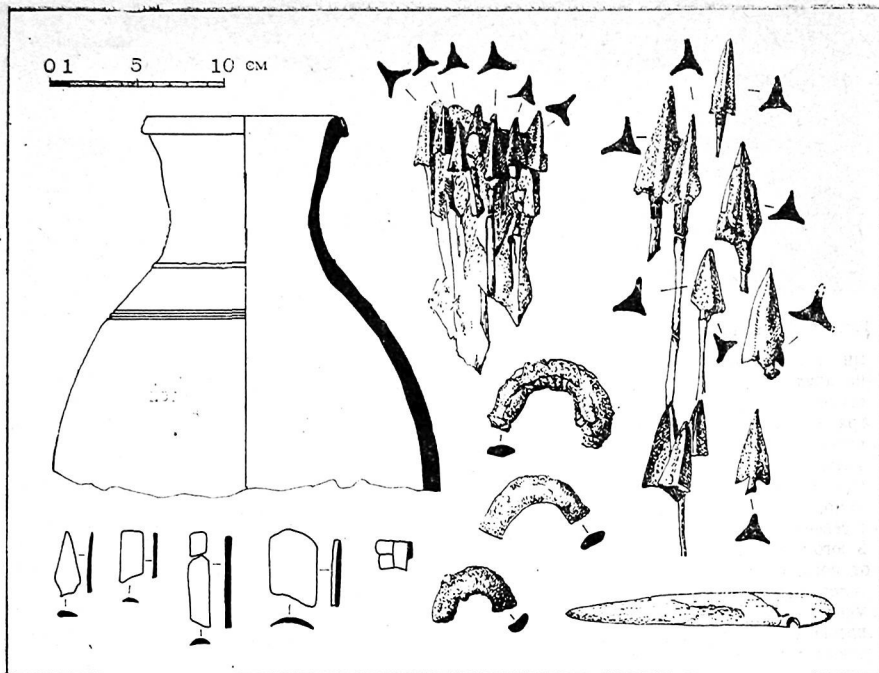

Рис. 61. Инвентарь из кургана Кг-9.

лезный кинжал линзовидного сечения (длина 23 см), находившийся в деревянных ножнах, обтянутых окрашенной красной тканью. Возле колена правой ноги найдено семь железных трехгранных черешковых наконечников стрел со слегка опущенными жальцами (длина головки — 5 см, черешка — 2,2 см). Между ногами на уровне колен обнаружены два крупных фрагмента железных ножей.

Курган Кг-9 расположен в той же группе, что и два предыдущих. Окружная насыпь его оплыла почти до горизонтали. Размеры: с севера на юг — 16 м, с запада на восток — 19 м.

Могильное устройство — с заметным сдвигом на запад по отношению к оси насыпи. Прямоугольный дромос (3,15×1,3 м) опущен на глубину 2,4 м от древней дневной поверхности, на 3,75 м от современной максимальной высоты насыпи. С его западной стороны вырыта подбоя катакомба (2,9×1,5 м) со скруглением внутренних углов. На высоте 1,2 м был высечен обрушившийся со временем отлогий свод. После совершения погребального обряда пространство между дромосом и катакомбой было заложено в один ряд вертикально поставленными сырцовыми кирпичами.

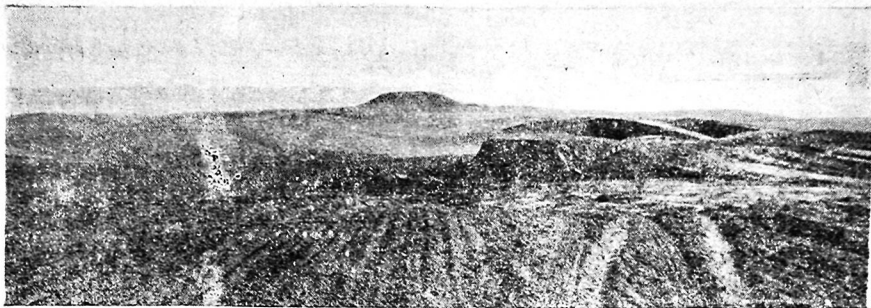

Рис. 62. Курган Кг-7. Вдали—Караултепе.

ми (размерами $40-42 \times 40-42 \times 12-14$ см), на двух из них — отпечатки босой мужской ступни. С севера выявлен широкий (1,6 м) грабительский ход. При ограблении могилы часть кирпичей была обрушена, но часть осталась *in situ*. Курган был основательно разграблен: останки и инвентарь выгребали, видимо, кетменем — крошево костей обнаружено в северо-восточном углу дромоса, в катакомбе в юго-западной части оказалась часть кости от ноги. Очевидно, костяк был ориентирован головой на северо-запад. Среди находок фрагмент кувшина. В катакомбе обнаружено два вросших в пол пучка стрел. Коррозия и грунтовый гипс плотно их сцементировали, сохранив как сами стрелы, так и частично пропитавшиеся железистым окислом древки с вертикальным строением волокон (камыш?). Стрелы железные, трехгранные, с опущенными жальцами, черешковые. Длина головки 3,5—4,5 см, ширина 1,4—1,5 см. Рядом на глине имеются отпечатки, видимо, древесного вместилища колчана и красноватой внешней обтяжки его (кожа?). Здесь же найдены фрагменты костяных обкладок лука, на двух из них — красные чешуйки. Вверху юго-восточного сектора насыпи на небольшой глубине обнаружены выброшенные грабителями фрагменты железного меча и ножа. В северо-восточном секторе, почти в центре насыпи, на

глубине 50 см от дневной поверхности обнаружено кострище, на нем — тонкая пластина плитняка ($35 \times 27 \times 1$ см) с отверстием у края. Поодаль на той же глубине — еще одно такое же пятно. В этом же секторе на глубине 1,3 м имеется включение органического характера бурого цвета.

Курганы Кг-7 и Кг-8 расположены на юго-западной окраине могильника за Караултепе, почти в единой цепочке больших курганных насыпей.

Курган Кг-7, раскопки на котором пока лишь начаты, представлял собой бугор диаметром 21—22 м, возвышающийся в северной части на 2,5 м, а с противоположной стороны сходящий на нет до подошвы. Примерно в середине его имелось ямное понижение (диаметр 5 м, глубина 0,5 м). Раскопки выявили под глиной верхнего слоя мощные кладочные массивы пахсы — не исключено, что здесь было погребение мавзолейного типа (подобно хорезмским — Тагискену и др.).

Курган Кг-8. Опływ его насыпи достигал 22—25 м. На глубину 3,5 м от современной дневной поверхности и на 3 м от древней был опущен прямоугольный дромос ($3,3 \times 2,4$ м) и из него с северо-восточной стороны вырыта через подбой параллельная ему катакомба ($3,4 \times 1,85-1,6$ м), отделенная метровой по толщине стеной. Ориентация со склонением

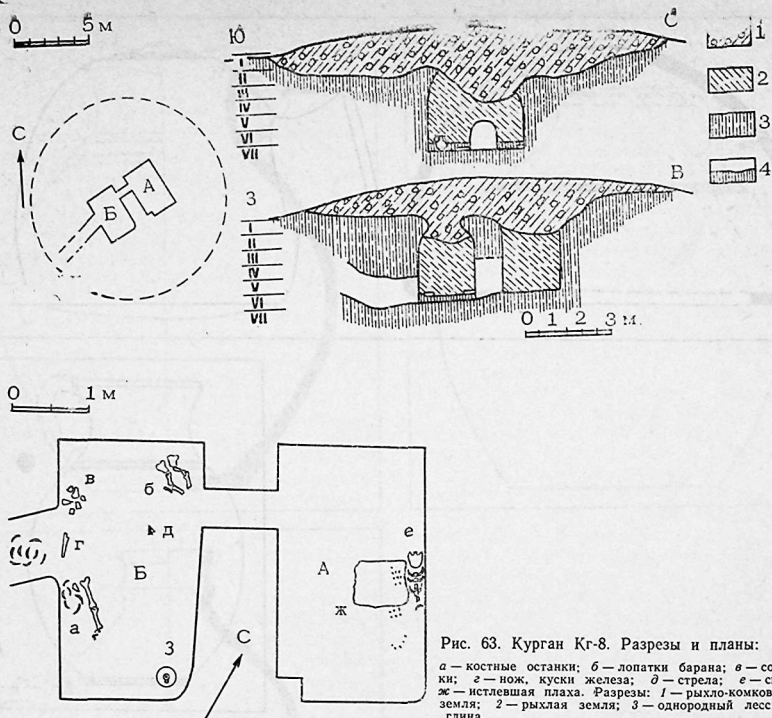

Рис. 63. Курган Кг-8. Разрезы и планы:

а — костные останки; б — лопатки барана; в — сосуд и черепки; г — нож, куски железа; д — стрела; е — скелет собаки; ж — истлевшая плаха. Разрезы: 1 — рыхло-комковая рассыпная земля; 2 — рыхлая земля; 3 — однородный лесс; 4 — плотная глина.

30° на северо-запад. Проем, соединяющий катакомбу с дромосом, расположен в 60 см от его северо-западного угла; вероятно, он был невысок, но грунт в этом месте осел и определить высоту невозможно. В катакомбе на высоте 1,5 м от пола стенки в углах нависают дугой, по-видимому, плафон имел сводчатую форму. Со временем он обрушился. В дромосе (пол его на 25 см выше, чем в катакомбе), почти у середины восточной стенки обнаружен вытянутый вдоль нее скелет собаки. Длина его до крестца (хвост, видимо, был

обрублен) 70 см, череп очень крупный; вмятый в пол костяк почти истлел. Рядом лежала истлевшая деревянная плаха (размерами 65×90 см), а вдоль ее северного края на полу видны были волокнистые отпечатки трав. Погребальная камера оказалась разграбленной. Лаз грабителей расположен почти у середины западной стены. Он вырублен наподобие полуовальной сводчатой штольни шириной и высотой 90 см, причём полтора метра он идет почти горизонтально, а далее отлого поднимается вверх. Содержимое катакомбы,

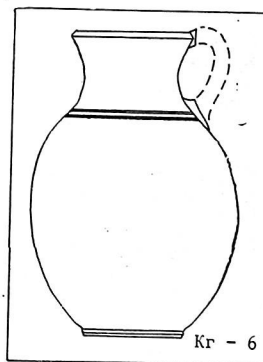
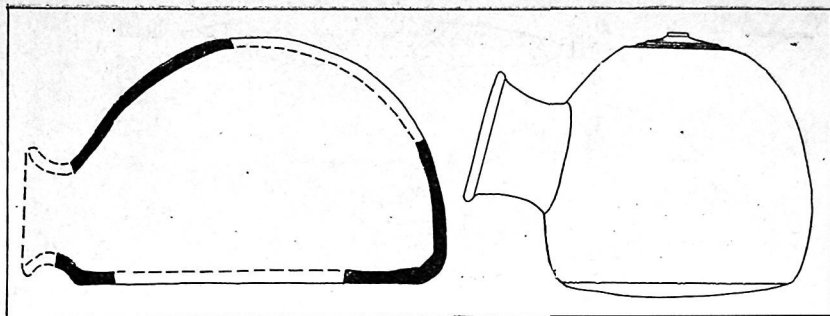

Рис. 64а. Сосуды из орлатских курганов Кг-1 (слева сверху), Кг-6 (два других).

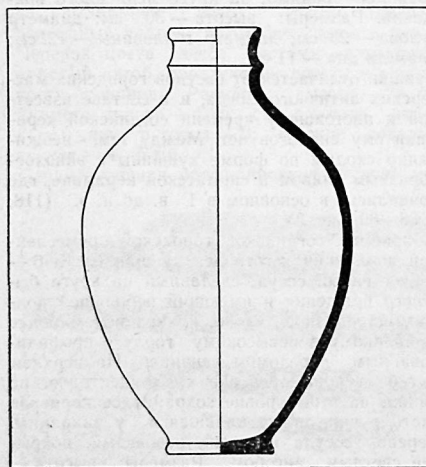
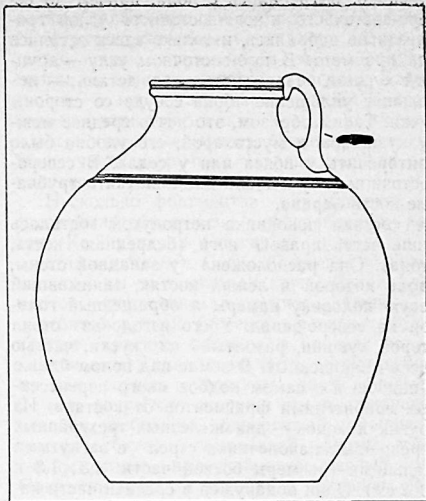
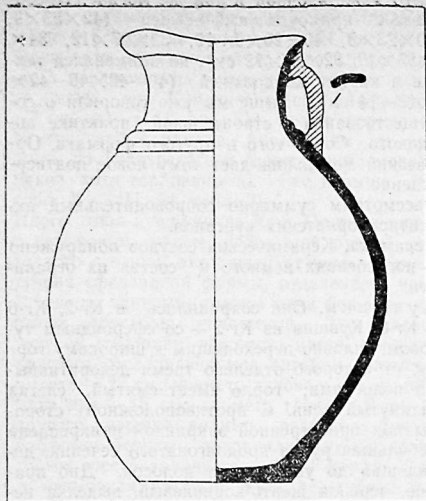

Рис. 646. Сосуды из орлатских курганов Кг-2 (слева
вверху), Кг-8 (два других).

очевидно, выгребалось с пола, причем до северо-восточного и юго-восточного углов грабители не добрались, и только здесь остались два предмета. В юго-восточном углу — крупный кувшин. Примечательная деталь — небольшое уплотнение бока сосуда со стороны ручки. Таким образом, это нечто среднее между кувшином и мустахрой; его удобно было приторочить у пояса или у седла. В северо-восточном углу лежали две лопатки и трубчатые кости барана.

От костяка покойника нетронутой осталась лишь часть правой ноги (бедренная кость, стопа). Она расположена у западной стены, вдоль которой и лежал костяк, занимавший левую половину камеры и обращенный головой на северо-запад. У его изголовья стоял второй кувшин, разбитый на куски, частью здесь и брошенные. В земле над полом ближе к подбою и в самом подбое много перенесенных грабителями фрагментов от костяка. Из других находок — два железных трехгранных черешковых наконечника стрел с загнутыми жалбцами (размеры боевой части: $4,8 \times 1,8$ и 4×2 см). Один обнаружен в средней части камеры на полу — очевидно, у левой руки покойника лежал колчан со стрелами. Другой наконечник попал в рыхлую землю завала. Справа от погребенного находился железный однолезвийный нож с горбатой спинкой и небольшим черенком (общая длина 14 см, длина лезвия — 11,5 см). Обнаружен также толстый гвоздь с широкой шляпкой (19 мм) и загнутым концом. Кусочки железного ножа (?) найдены в земляном заполнении хода грабителей. Заполнение камеры и дромоса до 2 м составляла рыхлая однородная глина. Выше лежала рыхло-комковатая глина курганной насыпи, частью просевшей. Древняя дневная поверхность — неровная, идущая с понижением, очевидно, естественным.

Суммируя общие наблюдения над вскрытыми подкурганными захоронениями Орлатского могильника, мы отмечаем отсутствие в них какого-либо жесткого стандарта. Общим является лишь наличие дромоса и катакомбы, но их формы и размеры отличны. Отметим также в закладках катакомб применение разнотипного сырьевого кирпича, варьирую-

щего даже в одной и той же могиле. Преобладает прямоугольный сырец ($42 \times 23 \times 9$, $40 \times 23 \times 8$, $40 \times 20 \times 9$ — 10, $35 \times 27 \times 12$, $34 \times 25 \times 10$, $32 \times 24 \times 12$ см), но применялся также и кирпич квадратный (40 — 42×40 — 42×12 — 14 см). Выше мы уже говорили о существовании в строительной практике античного Согда того и другого формата. Орлатский могильник дает тому новое подтверждение.

Рассмотрим суммарно сопроводительный инвентарь орлатских курганов.

Керамика. Керамических сосудов обнаружено в погребениях немного и состав их ограничен.

Кувшины. Они сохранились в Кг-2, Кг-6 и Кг-8. Кувшин из Кг-2 — со сферическим туловом, плавно переходящим к широкому горлу, от которого отделено тремя декоративными полосками; горло имеет смятый, слегка оттянутый слив. С противоположной стороны под приоткрытой закрывной прикреплена небольшая ручка продолговатого сечения, доходящая до упомянутых полосок. Дно прямое, черепок желто-коричневый, выделка небрежная — видимо, на круге медленного вращения. Размеры: высота — 30 см; диаметр тулова — 23 см; диаметр горловины — 12 см; диаметр дна — 11 см.

Кувшин отличается от сосудов городских мастеров античного Согда, и в составе известной к настоящему времени согдийской керамики ему аналогов нет. Между тем, неожиданно сходны по форме кувшины с эйнохообразным сливом в сарматской керамике, где появились в основном в I в. до н. э. (118, с. 88—89, рис. 3).

В приемах согдийской городской ремесленной продукции изготовлен кувшин из Кг-6 — тонкостенный сосуд, сделанный на круге быстрого вращения и имеющий небольшой поддон, шаровидное тулово, плавно переходящее к широкому и невысокому горлу с профилированным переломом венчика. На верхнем выгибе тулова прочерчены концентрические линии; на этом уровне сохранилась корневая часть ручки, прикреплявшаяся у закрывной. Черепок сосуда плотный, розоватый, покрытие светлым ангобом. Размеры: высота —

21 см; диаметр тулова — 15,5 см; диаметр горла — 8,6 см; диаметр дна — 6,4 см.

Фрагменты кувшинов этого типа представлены в керамических комплексах первых веков до нашей эры Кумышкенттепе и Афраснаба (II период (141, рис. 7)), целые формы — в бактрийской керамике. Аналогичны им кувшины из Тулхарского и Аруктауского могильников, хотя горловины их уже и выше (63, табл. X—XIII; 64, табл. 2).

Иного типа кувшины из Кг-8. Один из них — с невысоким горлом, небольшой ручкой ленточного сечения, отходящей от него к началу тулова сфероидной формы, отделенного сверху двумя линиями, причем один бок кувшина имеет небольшое уплощение. Дно плоское, черепок желтовато-лессового цвета, покрытие красным отслаивающимся ангобом. Размеры: высота — 27 см; диаметр тулова — 25 см; диаметр дна — 15 см; диаметр горла — 9 см. От другого кувшина, видимо, разбитого при ограблении могилы, сохранились куски, по которым восстанавливается общая форма. У него невысокая, узкая, с двумя перегибами горловина, яйцевидное, сужающееся вниз туловище, выделенное сверху двумя линиями, рельефный поддон; возможно, имела ручка. Черепок цвета лесса, местами сохранился красный ангоб, образующий потеки в нижней трети кувшина. Размеры: высота — 29 см; диаметр тулова — 19,5 см; диаметр дна — 8 см; диаметр горла — 9; сечение довольно тонкое — 4—5 мм.

Первый кувшин профилировкой тулова нес-

колько напоминает кумышкентские кувшины III стратиграфического горизонта. На них также широко применялся черный ангоб, иногда он наносился поверх красного. Второй сходен с кувшинами из Северной Бактрии времен ранних и Великих Кушан, но черепок и ангоб там иные, причем более поздние кувшины часто двуручные. Налицо местная разновидность фактуры и формы.

Несколько фрагментов керамических сосудов было обнаружено в разграбленном кургане Кг-3 у входа (описание приводится по отчетным данным). Сосуды хорошей выделки, изготовлены на гончарном круге. Среди фрагментов — горловина одноручного кувшина, с отбитой ручкой (черепок красноватый, покрытие красным ангобом, а поверх него — коричневым); придонная часть стенки кувшина или горшка с плоским дном (диаметр 24 см), покрытого снаружи темно-коричневым ангобом; небольшой одноручный кувшинчик (ручка отбита) овоидальной формы, узкое горло которого имеет эйнохоеобразный слив. Покрытие красным ангобом с лощением. Размеры: высота — 11 см; диаметр горла — 2,5 см; диаметр дна — 3,2 см.

Фляги. Дорожные фляги-мустахара имели широкое распространение на древнем Востоке у народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни. Их приторачивали к седлу или возили в хурджунах на вьючных животных. Так появились уплощение сбоку и асимметричная форма.

Фляги были найдены в курганах Кг-1 и Кг-6.

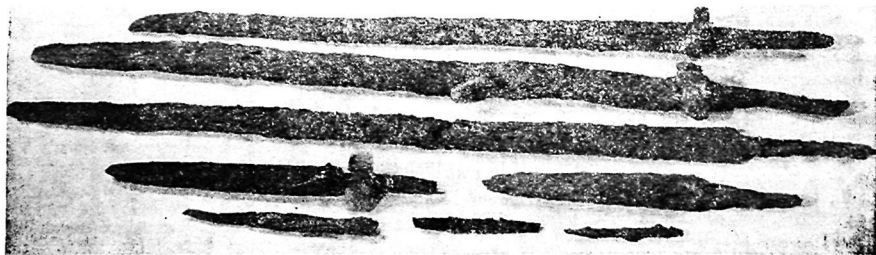

Рис. 65. Мечи и кинжалы.

Не исключено, что они имелись и в инвентаре разграбленных курганов.

В насыпи первоначального погребения Кг-1 обнаружены два фрагмента фляги, по которым более или менее точно восстанавливается в графической реконструкции ее форма. Фляга односторонняя, черепок плотный, розоватый, ангоб красно-коричневый, на плоской стороне выявлены следы песчаной подсыпки. Высота не менее 20 см (может быть, и круче), диаметр тулова 46 см, горла — 8 см.

Фляга из кургана Кг-6 сохранилась целиком. Имеет вид шаровидного горшка с узким невысоким горлом, который сбоку подрезан (с небольшим скосом по отношению к вертикали): здесь закреплена плоская боковина с тщательной затиркой швов. На лицевой стороне фляги по центру имеется выпуклость, подчеркнутая concentрическими линиями и центральной пуповиной. Горловина — с крутым отгибом края и профилированным венчиком. Черепок плотный, розоватого цвета. Сфероидная часть и горло покрыты ярко-красным ангобом, на плоской стороне его нет — либо стерся от долгого употребления сосуда, либо боковина закреплялась на уже ангобированной форме. Размеры: максимальный диаметр — 18,4 см; диаметр боковины — 17 см; диаметр горла — 9 см, высота горла — 4,3 см. Однобокие пузатые фляги в течение длительного времени бытовали в скотоводческой среде среднеазиатского населения в зоне средней и нижней Сырдарьи (56, рис. 15, 17, 34, 40, 59), Чаче (20, рис. 6) и Согде. В Чаче эти фляги характерны для культуры Каунчи-2, которая, согласно обоснованной Ю. Ф. Буряковым передатировке каунчинских комплексов, относится ко II в. до н. э. — II в. н. э. В Согде подобная фляга обнаружена в Лявандакском могильнике — О. В. Обельченко датирует ее рубежом нашей эры или первым веком нашей эры (79, рис. 3; 80, рис. 5; 82, рис. 3), хотя дата эта, на наш взгляд, может быть и удревлена. Такие фляги встречены и в могильниках Самаркандской области (Миранкуль, Акджартепе, Сазаган (79, рис. 3; рис. 5; 82, рис. 3)). Хотя О. В. Обельченко относит их к первым векам нашей эры, по его мнению, данный тип встречается и в погребениях

первых веков до нашей эры (78, с. 163, рис. 18). Аналогичная орлатской однобокая фляга обнаружена в парфянском здании на поселении Кошадепе близ Бабадурмаза (Южный Туркменистан), давшем археологические материалы III — начала I в. до н. э. (86, с. II, рис. 7). В восточно-парфянском регионе преобладали фляги двояковыпуклые, иногда с двумя небольшими ручками или налестами на плечах — они найдены и на упомянутом Кошадепе, и в Старой Нисе. В Бактрии известны двояковыпуклые фляги, уплощенные с одной стороны (Ай-Ханум, III—II вв. до н. э. (159, рис. 3; 160, с. 163—164, фиг. 30, 40, табл. 123, 124, 141)), но в Термезе обнаружена часть шаровидной со срезом фляги (53,

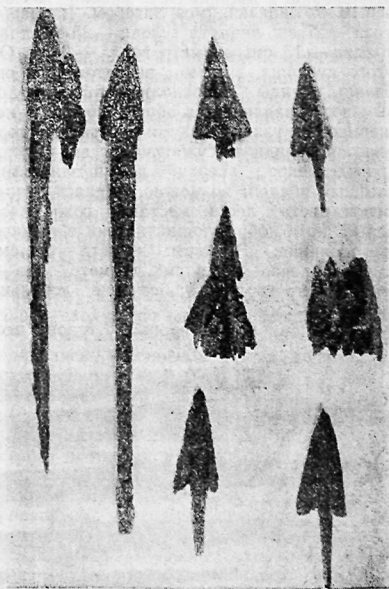

Рис. 66. Стрелы.

рис. 11; 156, рис. 3; 160, с. 163—164, рис. 30—40, табл. 123, 124, 141). В Хорезме раннекангуйского времени (IV—II вв. до н. э.) фляги близки по форме к орлатским (25, с. 104 и сл., рис. 12), но в позднекангуйский период (I в. до н. э.) их форма изменилась и они приобрели уплощено-скругленное очертание обеих лицевых половин (25, рис. 27).

Вооружение. Состав вооружения из орлатских курганов весьма близок сарматскому, который хорошо изучен в памятниках археологии европейской части СССР и дает надежные критерии типологии и датировок. К настоящему времени уже многочисленны находки аналогичного оружия в Средней Азии.

Мечи сохранились в курганах Кг-1, Кг-2, Кг-4, Кг-6. Все они длинные, двухлезвийные, линзовидного сечения, с параллельными лезвиями, сужающимися вниз к заостренному клинку. Длина боевой части — от 70 до 86 см, ширина — 4—4,5 см, штырь выкован из единого с клинком куска железа, длина его до 10 см, ширина — 2—3 см, у двух мечей имеется перекрестие, припаянное к пяте клинка. Обкладки рукоятей были, судя по истлевшим остаткам, деревянными, иногда в кожаной обтяжке с окраской.

По классификации сарматских мечей, разработанной К. Ф. Смирновым (120, с. 212 и сл.) и уточненной и дополненной А. М. Хазановым (137, с. 15 и сл., табл. IX, XI, XIII), они относятся к первому типу сарматских мечей без металлического навершия — наиболее раннему, характерным признаком которого является прямое перекрестие у рукояти. Они появились в III — начале II в. до н. э., но к началу новой эры повсеместно стали преобладать мечи второго типа — без перекрестия, с треугольным основанием клинка, плавно переходящим к штырю рукояти (137, с. 20 и сл.); такой меч встречен в кургане Кг-3.

В согдийских курганах мечи первого типа также обнаружены в ранних захоронениях: в курганах № 19 Кую-Мазарского могильника (76, с. 210, рис. 16), № 1 Лявданского могильника (78, с. 104) и № 14 Кызылтепнико-го могильника (здесь обнаружена монета греко-бактрийского царя Гелиокла, правившего в середине II в. до н. э. (81, с. 185)). На

территории Бактрии два меча этого типа обнаружены в двух курганах Тулхарского могильника, которые А. М. Мандельштам называет относительно ранними (63, с. 157, табл. XXXXI). Штырь, выкованный вместе с клинком, примерно вдвое уже его. Длина кинжалов 23—32 см при длине лезвия 16—23 см. У кинжала из Кг-2 клинок постепенно сужается при переходе к штырю, на который насажена нефритовая рукоять, украшенная мраморной головкой. По типу он представляет нечто среднее между коротким мечом и длинным кинжалом. Орлатские кинжалы не имеют кольцевых или серповидных железных наверший, которые характерны, например, для кинжалов, найденных в подкурганых захоронениях Бактрии (Тулхарский (63, с. 157, табл. XXXIX) и Айратский могильники), и для оружия этого типа всего сарматского ареала (137, табл. VII). Аналогичные кинжалы обнаружены и в курганах Самаркандской округи (Акджар, Миранкуль (80, рис. 6; 79, рис. 2)) и Бухарского оазиса (Кую-Мазар (75, с. 113, рис. 4)).

Лук и стрелы. Этот обязательный для кочевых народов вид вооружения представлен во всех семи вскрытых курганах. Остатки луков найдены в Кг-1, Кг-2, Кг-4, Кг-6, Кг-9. Их деревянные детали и тетива истлели, но сохранились, хотя и не в полном комплекте, костяные обкладки. В их составе концевые прямые обкладки с отверстием на краю для закрепления тетивы и выгнутые — от дуговых участков лука. Кость снаружи отполирована, внутри шероховата, очевидно, для лучшего скрепления на клею с деревянным каркасом. Длина некоторых фрагментов до 30—33 см.

Луки эти принадлежали к разряду сложносоставных — так называемых гунских, которые являлись более совершенными по сравнению с архаичными скифскими. Оба названия условны, поскольку и те, и другие имели распространение у кочевых народов от Сибири до юга Греции. Мы применяем их с оговоркой на эту условность. Те и другие изготавливались из дерева, причем концы и рукоять их должны были быть абсолютно негнущимися, а плечи — гибкими: У гунского

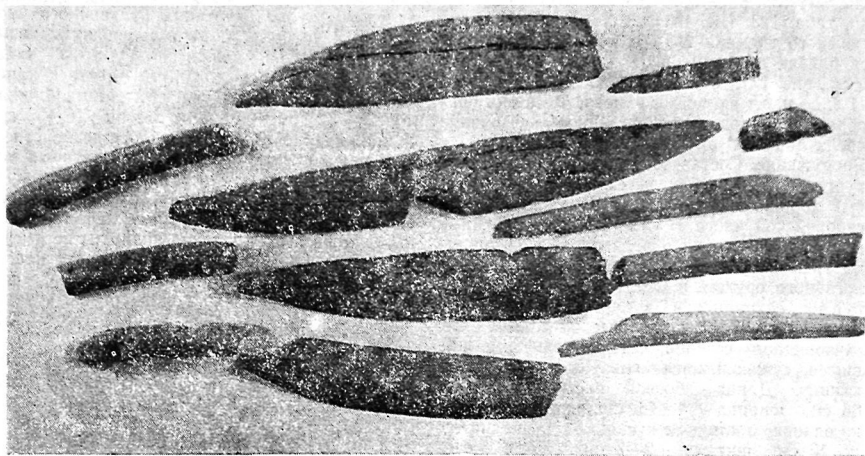

Рис. 67. Обкладки луков.

лука для обеспечения несгибаемости отдельных частей к деревянной основе прикреплялись роговые или костяные накладки. Обычно их было семь — по две на концах и три посередине. Тетива крепилась к одному концу, где вырез нередко был прямоугольным, а на противоположном она надевалась перед натяжением, вырез был округлый для удобного надевания петли (187, с. 30).

Орлатские луки изображены на костяных пластинах из Кг-2. У этих луков — длинные прямые концы, слегка изогнутые на участке скрепления с плечами; очень крутые, почти в половину окружности, плечи; прямая рукоять. Длина ненапрянутого лука достигала 1,3—1,5 м.

Анализируя эволюцию среднеазиатских луков, Б. А. Литвинский пришел к следующему выводу: «Через гуннов в III—II вв. до н. э. юечжам, а затем усуням и другим среднеазиатским народам стал известен сибирский лук с костяными накладками. Именно тогда (на базе скифского лука) родилась новая конст-

рукция лука, в котором сочетались прямая или выгнутая рукоять, почти лишенная гибкости; короткие и массивные, но очень упругие, особенно у основания, весьма сильно рефлексирующие плечи; длинные жесткие «рога» — своеобразные рычаги, усиливающие рефлексию» (59, с. 66). Окончательно формирование лука данного типа в Средней Азии он относит к I в. до н. э. — I в. н. э.

Изображения на пластинах и наличие костяных обкладок в орлатских курганах свидетельствуют об этом вполне сложившемся типе луков у осевших на землях самаркандского Согда кангюйцев, привнесенном ими из родных засырдарьинских земель еще во II в. до н. э.

Во всех орлатских курганах с мужскими захоронениями найдены наконечники стрел, но примечательно, что и в женском погребении Кг-1 оказался один наконечник. Все стрелы трехлопастные, с несколько изогнутым очертанием лопастей и слегка опущенными жальцами. Почти все они черешковые, но в

кургане Кг-1 из 26 стрел четыре — втульчатые, остальные — черешковые, в ограбленном кургане Кг-3 также одна втульчатая. Длина головок стрелы — 2—4,5 см, в Кг-6 — 5,6 см; черешка — 2,2—3,5 см, отдельные экземпляры очень длинные — 8 см, а в одном случае даже 21 см. В сарматском вооружении длинные черешки при небольшой головке характерны для II—I вв. до н. э. (119, рис. 1). Черешки закреплялись на длинном, скорее всего камышовом древке — о длине их можно судить по изображению натянутых луков на костяных пластинах (см. ниже).

Вопросам эволюции и датировки древних железных наконечников стрел посвящена обширная литература. Наиболее принята схема их развития — от подражания бронзовым втульчаткам к повсеместному применению черешковых, форма которых со временем изменялась, размеры увеличились. Наконечники с округлым очертанием лопастей и опущенными жальцами относят к III в. до н. э. — I в. н. э. Во II—I вв. до н. э. наряду со слегка изогнутыми гранями пера стрел появились прямые, наряду с опущенными жальцами — треугольный силует. В позднеантичный период отмечено еще большее увеличение размеров и появление наконечников с ромбовидным контуром головки (76, с. 137 и сл.; 60, с. 77 и сл.). Эти схема и хронология во многом аналогичны тем, которые установлены для сарматских наконечников стрел (137, с. 35 и сл.).

В соответствии с указанной схемой, наконечники из орлатских курганов могут быть датированы II—I вв. до н. э. Нередко в одном колчане находили наконечники раннего и позднего типов. Например, во вторичном захоронении кургана Кг-1 соседствуют не только мелкие и крупные черешковые наконечники, но также архаические втульчатые. Характерны также найденные в курганах кольца, надевавшиеся на тетиву для спуска стрел, изображения которых есть и на пластинах. На пластинах из кургана Кг-2 изображены трехлопастные стрелы с опущенными жальцами. Точность этих изображений позволяет судить и о типе колчана. Он — комбинированный, состоит из трех частей: две (узкие, пря-

мые, трубовидные) — для стрел, третья (выгнутая, сужающаяся от широкого верха с выгибом вниз) — для лука с тетивой. Лук почти наполовину выступал из футляра.

Ножи — скорее предметы не вооружения, а бытового обихода; мужчины носили их на поясе. Ножи из орлатских погребений — двух типов: однолезвийные со скругленной спинкой и двухлезвийные. Размеры — 7; 12; 17 см в длину при ширине 1,6—2 см. Штырь имеет накладную деревянную ручку. Один из ножей кургана Кг-2 перекрытием и высоким штырем напоминает небольшой кинжал (длина 23 см, ширина 2,4 см).

Украшения. Их немного. В курганах Кг-1 и Кг-2 найдены железные поясные пряжки двух видов: округлая, кольцевая, с крючком для застегивания и продолговатая с язычком. В Средней Азии подобные пряжки найдены в могильниках Лявандакском (Согд, (77, с. 49—50, рис. 11, 12)), Тулхарском, Аруктауском, Бабашовском, Бешкентском-V (Бактрия (63, табл. XLII—XLIV; 64; табл. XIV—XV; 70, рис. 19)), в Кенкольских курганах (захоронения саков-усуней (51, рис. 4)) и др.

Массивная, грубая поясная пластина из Кг-6 отлита из бронзы. Размеры — 13×4,6—5,2 см, толщина 0,4—0,8 см. На углах — четыре небольших отверстия, с оборотной стороны напаяно две петельки. На лицевой стороне — изображение лежащего животного из семейства кошачьих. Голова его передана в фас, туловище — в профиль. Формы массивные; резцом намечены линии глаз, рта, пальцев.

Крупные поясные застегки из золота или бронзы с рельефным оформлением были широко известны в скифском искусстве «звериного стиля» — они выполнены в ажурной технике по контурам изображений. На застегках IV—III вв. до н. э. внешний абрис их следовал прихотливой линии композиции, и лишь основание было прямым, но с III в. до н. э. изображение включалось в прямоугольный контур. На бронзовых пластинах этого рода довольно часто изображались борющиеся животные.

Одним из популярных изобразительных мо-

Рис. 68. Бронзовая пряжка из кургана Кт-6.

тивов скифского искусства был образ хищника из семейства кошачьих, который распространился и в сарматской среде. Его условно именуют пантерой, хотя внешние признаки этого животного на изображениях настолько обобщены, что можно принять его и за тигра, и за барса (46). Анализ данного образа в «сарматском зверином стиле» привел И. П. Засецкую к заключению, что появление его в сарматской среде на Нижнем Поволжье и в Северном Причерноморье связано «с переселением с востока на запад племен иранского происхождения» (41, с. 54). В Средней Азии уже найдено несколько крупных прямоугольных поясных пряжек «в зверином стиле», отлитых из бронзы. На лавандакской пряжке (Бухарский Согд) изображена схватка тигра и двугорбого верблюда — тигр впился зубами в верблужий горб, верблюд кусает тигра за ногу (77). Это изображение в какой-то мере перекликается со сценой борьбы двух верблюдов на орлатской костяной пластине. На двух почти повторяющих друг друга пряжках из Бабашовского могильника (Северная Бактрия) в погребении II—I вв. до н. э. представлен лежащий двугорбый бактрийский верблюд (64, табл. XXXIII—XXXIV). Прямым их аналогом является пряжка с изображением верблюда из

кургана II в. до н. э. на р. Манычи, где сочетание характерного для раннесарматского времени железного кинжала с чернолаковым кувшином и данной пряжкой иллюстрирует, по замечанию М. И. Артамонова, «...роль кочевников Волгодонского Междуречья в караванной торговле форпостов античного мира со странами Азии» (5, с. 335—336, рис. 15). Близка по типу и бронзовая пластинка из кургана IV—III вв. до н. э. в Кемеровской области. Здесь в рамку вписаны два стоящих друг против друга яка (18, с. 254, рис. 1). В ту же группу входят прямоугольные бронзовые пластины из Дзержинского могильника в Сибири, на одной из которых изображены борющиеся звери, на другой — четыре змеи, на третьей — два яка (145, с. 103, рис. 9—11). В. Ф. Штейн, сравнивая их с двумя золотыми пластинами того же типа из собрания Эрмитажа, которые он называет хунно-сибирскими хунского периода, т. е. последних веков до нашей эры, считает бронзовые пластины, как более грубые по исполнению, относящимися к более позднему времени. С этим едва ли можно согласиться: материал, из которого они изготовлены (в одном случае — драгоценный металл, в другом — дешевый), определяет и качество работы.

Датировка упомянутых пластин, в том числе

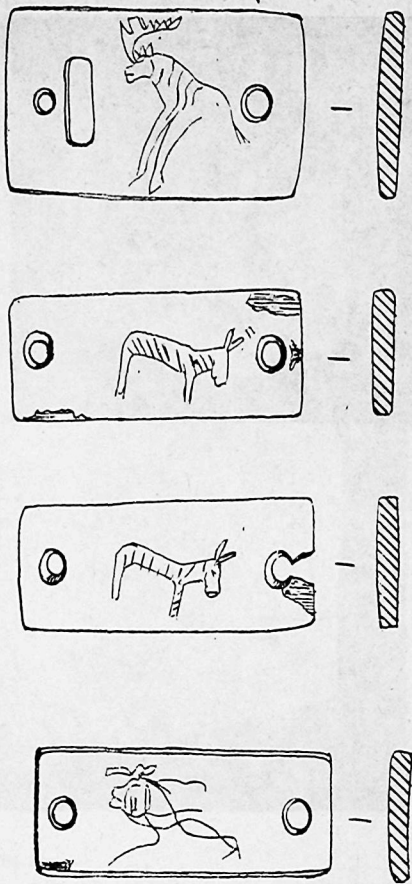
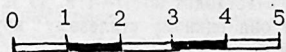

Рис. 69. Костяные пластины из кургана Кг-4.

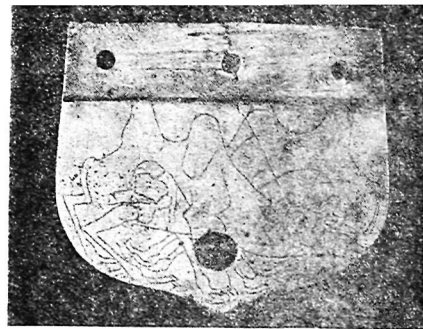
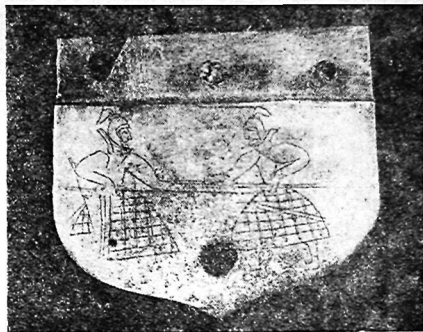

Рис. 70. Малые костяные пластины из кургана Кг-2.

и орлатских, восходит ко II—I в. до н. э., принадлежат они единому стилизовому кругу. Вместе с тем орлатская пряжка не имеет абсолютных повторов. По-видимому, в разных районах обитания кочевников изображалось то животное, которое играло особую роль в духовных воззрениях разных племен. В мианкальском Согде это был крупный хищник кошачьей породы (барс?).

Костяные пластины из курганов Кг-2 и Кг-4 служили нашивными украшениями,

крепившимися, видимо, на коже. Они отполированы снаружи, но на оборотной стороне не обработаны. Более просты прямоугольные пластинки из Кг-4 (размеры, в основном 55×19×29 мм при толщине 3 мм). Они служили украшением пояса. С двух сторон их у края — округлые отверстия (диаметр 3—4 мм) для закрепления на поясе, а у большой пластины имеется еще вертикальная прорезь (14×4 мм). На четырех пластинках сохранились травированные изображения животных,

Рис. 71. Большая костяная пластина из кургана Кг-2. Баталья.

выполненные тонкой иглой, неглубокие и различаемые с трудом. На самой большой пластине — протомы бегущего оленя с ветвистым рогом и полосками на шее. На двух — осел (или кулан?), на туловище которого прочерчены косые вертикальные штрихи. На четвертой пластине — слабо различимый рисунок — крупная морда животного, повернутая влево. Художественная передача примитивна, гравировка выполнена неисклюмым резчиком.

Иное дело пластины из кургана Кг-2: две большие (13,5×10,5 см) и четыре малые (5,9×5 см). Последние имеют вид сдавленно-

го лепестка с заострением в центре нижней части и широкой полосой — на верхней. На ней высверлены три круглых отверстия для крепления бронзовыми штифтами — на одной пластине их сохранилось два, на другой — один, прочие утрачены. Над упомянутым заострением внизу имеется еще одно, более крупное отверстие. На одной пластине мастерски выгравирован поединок на копьях двух воинов — оба в панцирных доспехах и шлемах. У воина слева на правом боку подвешен колчан с луком, и, видимо, стрелами; у воина справа — на левом боку висит на двух ре-

мешках длинный меч в узких ножнах. Первый пронзил соперника копьем, в то время как тот лишь приблизил к нему острие своего копья. На другой пластине — борьба двух двугорбых верблюдов, которые, стоя на полусогнутых ногах и вытянув шеи, кусают друг друга за заднюю ногу. На третьей — на правой половине пластины — гриф, клюющий добычу, изображение которой стерлось.

О назначении данных пластин можно лишь догадываться. По форме они напоминают панцирные чешуйки и, может быть, действительно являлись частью украшения панциря. Вместе с тем тщательность рисунка при небольших размерах поля была, очевидно, рассчитана на близкое рассматривание — скорее всего пластины служили деталью оформления светского костюма, так как боевую кольчугу вряд ли кто-нибудь, кроме владельца, разглядывал вблизи.

Две большие пластины имеют заovalенное очертание с одной стороны и прямое — с другой. В углах — круглые отверстия. На оси прямой стороны выточена продолговатая щель; у одной из пластин с противоположной стороны также имеется сквозной подпрямоугольный паз. Крепление, очевидно, осуществлялось через него и боковые щели посредством ремешков, а через малые отверстия — тонких гвоздей, от которых кое-где сохранились шляпки или следы ржавчины.

Поскольку детальное описание изображений на пластинах нами опубликовано в отдельной статье, отметим основное. На одной пластине четыре пары сражающихся витязей представлены в четырех пространственных планах — друг над другом и друг за другом. Конные воины, изображенные на левой половине пластины, одерживают победу над воинами, изображенными справа, три из которых уже спешились и лишь один сидит на коне. На первом плане, видимо, предводитель войска победителей, поскольку над ним развевается своеобразный драконовидный штандарт. Он приканчивает копьем соперника, стоящего на коленях возле убитого стрелой коня. Копье у побежденного сломано, но он еще взмахивает мечом. Вторая пара: конный витязь слева и пеший справа — целятся друг в друга наты-

нутыми луками. Далее — поединки двух всадников: правый вонзает копье в коня противника, последний разрубает ему мечом голову, из которой хлещет кровь; при этом к подруге коня левого воина приторочена отрубленная кровотокающая голова другого врага. И, наконец, последняя пара: правый воин пронзает грудь противника мечом, а тот рассекает ему голову боевым топориком-клевцом («табар-загнул»).

В этой сцене масса интересных деталей. Прежде всего, воинский костюм: панцирь с очень высоким перетянутым защитным воротником и наручами, облегающий торс до пояса и расширяющийся книзу, прикрывая ниже колен ноги в обтягивающих штанах. На голове воинов — куполовидный шлем с выступающими нащечниками. Изображение дает полное представление о составе оружия (мечи, их ножны, щиты, сложноставные луки, стрелы, колчаны, копыта, табар-загнул). Особенно важна точность передачи этнического типа воинов: куполовидный череп (у воина, потерявшего шлем), крупный с горбинкой нос, продолговатые глаза, тяжелый подбородок, свисающие усы, у многих — узкая борода, загнутая вверх. Характерна упряжь коней: двойные уздечки на морде и одна под шеей, скрепленные поперечной уздой, проходящей за ушами. Небольшое седло (у упавшего коня, с которого сброшен всадник) поддерживается фаларами и системой колец, охватывающих грудь скакуна, сзади кольцевидные соединения следуют к ремешку подхвостника. Грива коней подстрижена, между ушами развевается прядь, хвост вверх перетянут, а затем спускается свободными пряжками.

Полная идентичность облика воинов, изображенных на правой и левой половинах пластины, свидетельствует, что это не битва враждующих народов, а междоусобие единоплеменной группы. Очевидно, здесь передан какой-то реальный, очень важный для тех, кому принадлежали данные декоративные пластины, эпизод истории, скорее всего связанный с борьбой за власть.

На другой пластине — сцена охоты. Три знатных всадника, размещенных в трех горизонтальных рядах, преследуют животных: верх-

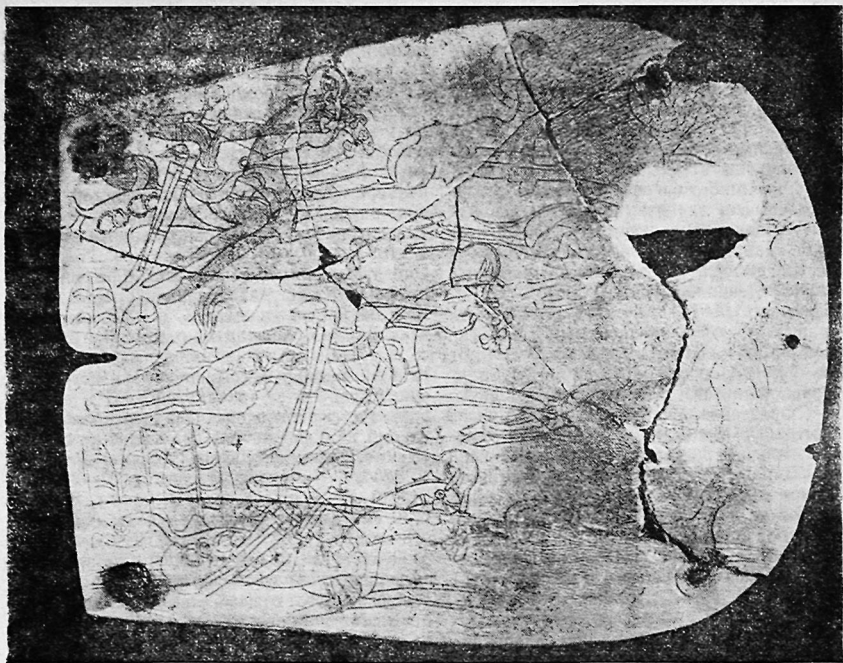

Рис. 72. Большая костяная пластина из кургана Кг-2. Охота.

ний — двух архаров, средний — трех куланов, нижний — трех косуль — самца, самку и детеныша. Ландшафт условен, он передан двумя восхолмлениями горных пиков и овальными деревьями со штриховой разработкой листьев. Кони (в крайних рядах — кобылицы, в среднем — жеребец) и их упряжь аналогичны изображенным в батальной сцене. Хвосты у коней среднего и верхнего всадников не перетянуты, у двух коней за седлом развеваются пышные кисти. Стремительный бег коней передан в приеме «летающего галопа» — изображением вытянутых вперед и назад пар

ног. Справа к седлу приторочен колчан. Одевание всадников, в отличие от тяжелого доспеха воинов, легкое, не стесняющее движений: облегающий до талии и расширяющийся ниже пояса кафтан с треугольным запахом слева направо, широкие сверху и облегающие от колен штаны, обувь. Головы крайних всадников обнажены, волосы открывают лоб, убраны за уши и у шеи подстрижены в кружок. У среднего охотника — несомненно, главного в этой группе, — на голове овальная шапка-кулях, возможно, указывающая на его принадлежность к царскому роду. Этнический

тип охотников тот же, что и воинов в сцене баталии. Обе эти пластины, наверно, служили нагрудными украшениями или же накладками колчана.

Сюжеты сражения и охоты существовали в искусстве Среднего Востока в течение многих веков. Орлатские пластины являются едва ли не древнейшими образцами их художественного воплощения в Средней Азии. Во всяком случае, они намного опережают богатый цикл этих сюжетов в так называемом «сасанидском металле» и предваряют блистательную передачу их в монументальном искусстве — раннесредневековой согдийской живописи (Афрасиаб, Пенджикент, Варахша).

Мы полагаем, что на пластинах изображены представители родоплеменной группы Кангюя, которые со II в. до н. э. владели областью Фумо (Иштихан, Кушания), и что с этой группой связаны и сами курганные захоронения Орлатского могильника.

Окончательные выводы относительно Орлатского могильника делать рано, поскольку вскрыто лишь семь курганов на огромном могильном поле. Тем не менее, и они дают представление о характере погребальных устройств и обрядов того народа, который эти захоронения осуществлял. Основным вещественный материал из вскрытых курганов датируется II—I вв. до н. э., может быть, началом I в. н. э.

Привлекает внимание отсутствие единообразия в устройстве могил. Общим является для них наличие дромоса и катакомбы (кроме погребения Кг-4, где, по-видимому, дромос остался попросту не выявленным). В четырех курганах: Кг-1 (захоронение 1), Кг-6, Кг-8 и Кг-9 — длинная ось прямоугольной ямы дромоса и катакомбы параллельны; в Кг-3 — перпендикулярны; в Кг-2 — трапециевидные в плане катакомба и дромос ориентированы по одной оси; в погребении Кг-1 (захоронение 2) — своеобразное трехкамерное устройство, в котором по обе стороны катакомбы расположены жертвенные камеры, через одну из них первоначально вносилось тело усопшего. Позднейшее же впускное захоронение 3 в кургане Кг-1 — ямное.

В курганах Кг-1 (захоронение 1), Кг-6 и Кг-9

катакомба высекалась в породе подбоем от дромоса по всей длине, а после завершения похоронного обряда закладывалась сырцом и комьями битой глины. В курганах Кг-2, Кг-4, Кг-8 и Кг-9 из дромоса прорубался лаз, через который вынималась земля до образования прямоугольной, с плоским сводом катакомбы; после погребения лаз закладывался. Размеры катакомбы в плане обычно пропорциональны размерам человеческого тела плюс 50—70 см для размещения погребального инвентаря (сосуды, жертвенная пища); высота ее — 1—1,2 м.

Ориентация захоронений также различна. В курганах Кг-1 (захоронение 1), Кг-2, Кг-8, Кг-9 она имеет склонение 20—30° на северо-запад, куда обращена и голова погребенного, в курганах Кг-1 (захоронение 2 и 3), Кг-3, Кг-4 катакомба, и, соответственно, погребение ориентированы на запад.

Размеры сырцового кирпича в закладках катакомб не совпадают. В большинстве случаев он имеет прямоугольную форму. Размеры: 40×20×10 (Кг-1, захоронение 1), 32—35×27—34×10—12 см (Кг-1, захоронение 2), 40×20×10 см (Кг-2), 40×20×8—9 см и 40×23×8 см (Кг-3), 42×25×19 см (Кг-6), 40—42×40—42×12—14 см (Кг-9). Реже применялся кирпич квадратной формы.

В курганах Кг-1 (захоронение 2) и Кг-3 отмечена частичная обкладка стенок сырцом на ребро. А в кургане Кг-9 сохранилась на стенке истлевшая плаха — очевидно, такая деревянная обкладка была по всем стенкам, но при ограблении ее истлевшие остатки выгребли почти полностью.

Все погребенные лежат на спине, большинство — на камышовых циновках, в одном случае — на кошке. Мужчины, как правило, погребены с оружием, расположенным, как и в жизни: слева — меч в ножнах, справа — колчан с луком и стрелами, иногда имеются также кинжал и обычно — нож. У изголовья и в ногах — по сосуду: обязательно один или два кувшины, нередко — керамическая фляга. Наличие грудных костей барана свидетельствует об укладке в могилу жертвенной пищи (Кг-3 и Кг-6). В кургане Кг-1 с женским захоронением в специальной прямоугольной яме

была помещена туша коровы: указание на то, что одним из основных занятий женщин у номадов были уход за коровами и доение. Погребения в большинстве одиночные, но есть и парные: взрослый и ребенок (отец и сын?), мужчина и женщина (супруги?).

Присутствие оружия в захоронении взрослых мужчин — показатель того, что прибывший в Согд конный народ — кангюйцы — еще стойко придерживался своих традиций. В курганах номадов, уже осевших на новых землях и постепенно адаптировавшихся в местной городской и земледельческой среде, оружие встречается редко (ср. Тулхарский, Бабаховский, Аруктауский, Айртамский могильники (63; 64; 130)). Основная датировка орлатских курганов, судя по инвентарю (оружие, керамика), восходит ко II—I вв. до н. э. — времени начального приобщения кангюйцев к согдийской культуре. Они уже использовали изделия городского ремесла (сосуды, гравированная кость), но еще придерживались погребальной обрядности, укладывая своих покойников при полном вооружении и в сопровождении предписанных ритуалом предметов для еды и питья.

Горелые следы под костяками и частью на костях в Кг-1 (захоронение 2) могут служить показателем частичного трупосожжения, а также свидетельством какого-то обряда с возжиганием огня перед укладкой трупа. Вообще же огонь играл определенную роль в ритуале захоронения или ритуальной трезны: в кургане Кг-9 в насипы на полуметровой глубине на двух участках оказались следы кострищ; одно из них покрыто каменной плитой с отверстием.

В дромсе кургана Кг-6 привлекает внимание вмазанный в закладку катакомбы жертвенник с частично потемневшей глиняной обмазкой изнутри — может быть, от крови.

Заслуживает внимания наличие в двух курганах (Кг-2 и Кг-8) скелетов собак, причем в первом из них было два скелета, соответственно числу двух погребенных. Роль собаки была значительна в верованиях и ритуалах ряда древних народов. Особенно велика была она у зороастрийцев. Известная исследовательница этой религии М. Бойс собрала об-

ширные данные о религиозных представлениях, связанных с этим домашним животным, начиная от Авесты и кончая верованиями современных парсов (151, р. 116, 120, 163, 302, 303, 330). Б. А. Литвинский расширил эти данные о роли собаки в загробных представлениях у зороастрийцев привлечением археологических материалов — от греков и скандинавов до усуней и тибетцев (151, с. 161 и сл.). Однако в Средней Азии далеко не все захоронения собак следует связывать с зороастризмом — в частности, в орлатских курганах. В савроматских и сарматских захоронениях также обнаружены останки собак (120, с. 102; 27, с. 111). Для скотоводов собака, охранительница его главного богатства — стада, являлась верным помощником, она должна была сопровождать его и в загробном бытии как друг-охранитель. Таким, на наш взгляд, является захоронение псов в двух из семи вскрытых курганов у Орлата.

Для Орлатского могильника характерно наличие земляных гряд. Они выделяются невысоким, почти сравнявшимся с землей, но отчетливо видимым при косом освещении узким валом, тянувшимся то одной полосой, то двумя под прямым углом. Вопрос о таких грядах уже рассматривался в литературе. Анализируя разнородности так называемых внекурганых памятников, С. С. Сорокин пришел к следующему выводу: «Оградки, наброски, выкладки, стелы, стоящие внутри оградок или с их наружной стороны, грубые или тщательно выполненные лицевые изваяния, сочетающиеся с оградками, отдельно стоящие камни, — все это следы поминальных торжеств, меты устроителей и участников, знаки собственности, показатели ранга общественных группировок, т. е. вещественные свидетельства бытовых и социальной структуры оставшегося их кочевого населения лесостепей Азии» (123, с. 67). Глинобитные гряды Орлатского могильника скорее всего отмечали границы родовых погребальных участков и, вместе с тем, могли служить местом воссоединения членов этого рода во время поминальных торжеств. Состав сопроводительного инвентаря во вскрытых курганах примерно одинаков. Однако в Кг-1 (погребение 2) и Кг-2 он богаче,

чем в остальных (детали железных украшений, обтянутых золотой фольгой; золотые нити истлевших тканей; высокохудожественные гравированные костяные пластины). Это является свидетельством имущественного выделения погребенных здесь лиц.

Таким образом, Орлатский могильник даже в начальной стадии изучения дает представление о некоторых чертах культуры и культовой идеологии кангюйской группы населения, владевшей во II—I вв. до н. э. и, видимо, позднее, областью к западу от Самарканда.

ИШТИХАН

В Иштихане существует народная легенда, объясняющая его название следующим образом. Во времена Тимура здесь на пустом месте основал свой город некий хан. У него была прекрасная дочь, к которой сватался бай, проживавший в горном районе Чимбая. Хан высокомерно заявил: «Как можешь ты, неравный мне по богатству, свататься к дочери хана!» Тогда бай решил показать, как он богат, и провел с гор два трубопровода, пустив через один поток молока, а через другой — масла, и передал хану через посыльного: «Ишти-хан!» (пей, хан!), на что хан ответил: «Чимбай» (настоящий бай), после чего отдал за него свою дочь.

Предание явно позднее уже хотя бы потому, что байство — это явление XVIII—XIX вв. В действительности же название очень древнее: в транскрипции «Синдихан» оно фигурирует в хрониках времени Тан, и как «Иштихан» — у раннеарабских географов. Частица «хан» позволяет предположить, что наименование это появилось со времен Тюркского каганата, в состав которого более или менее номинально входил раннесредневековый Согд. В более ранних китайских хрониках, как уже указывалось, этот регион именовался «Западным Цао». Об Иштихане — городе и области — имеются краткие указания средневековых арабо- и персоязычных авторов (9, с. 146—147; 122, с. 52, 277—278).

Вопрос о местонахождении средневекового Иштихана был выдвинут нашей экспедицией еще в 60-х годах при первых рекогносцировках Мианкаля. Первичное обследование Иштихантепе в современном райцентре поставило под сомнение его отождествление с главным городом средневековой области, поскольку, как нам казалось, этому не отвечали ни

его размеры, ни расстояние от Самарканда. Нынешний Иштихан лежит в 60 км от Самарканда. Согласно же письменным источникам, Иштихан находился от него в семи фарсах. Если принять вслед за В. В. Бартольдом 1 фарсах за 3 мили (9, с. 128) или 6 километров (8, с. 47; 7, с. 34), то получится всего 42 км. Однако средневековый фарсах отнюдь не имел стандарта и варьировал в разных историко-культурных областях. Для интересующего нас региона фарсах определяется достаточно точно. Согласно арабским дорожникам, главный путь из Самарканда в Бухару, который Ибн-Хаукаль называл «Большой Хорасанской дорогой» (15, с. 19), шел не через Мианкаль, а по южной стороне Карадарьи. Первой крупной станцией здесь был Зерман, находившийся в семи фарсах от Самарканда, и далее в пяти или, по другим источникам, в шести фарсах — Арбинджан. Таким образом, общий отрезок от Самарканда до Арбинджана равнялся 12 или 13 фарсам. Местоположение Арбинджана (городища Рабинджан) установлено абсолютно точно (146, с. 157; 21, с. 153 и сл.), а до него по прямой (хотя путь, конечно, не был идеально прямым), — около 100 км. Следовательно, фарсах был равен примерно 8 км, и, средневековый Иштихан располагался в 50—60 км от Самарканда. На этом отрезке лежат лишь два значительных городища — Иштихантепе и Арктепе на границе Иштиханского и Пайарыкского районов. Б. А. Тургунов, исходя из крупных размеров, наличия цитадели, шахрстана и простиравшегося за его стенами рабада, отождествил Арктепе со средневековым Иштиханом (131). Однако дальнейшие исследования показали, что это не так.

В полевом сезоне 1979 г. нами было осуществ-

0 50 100 М

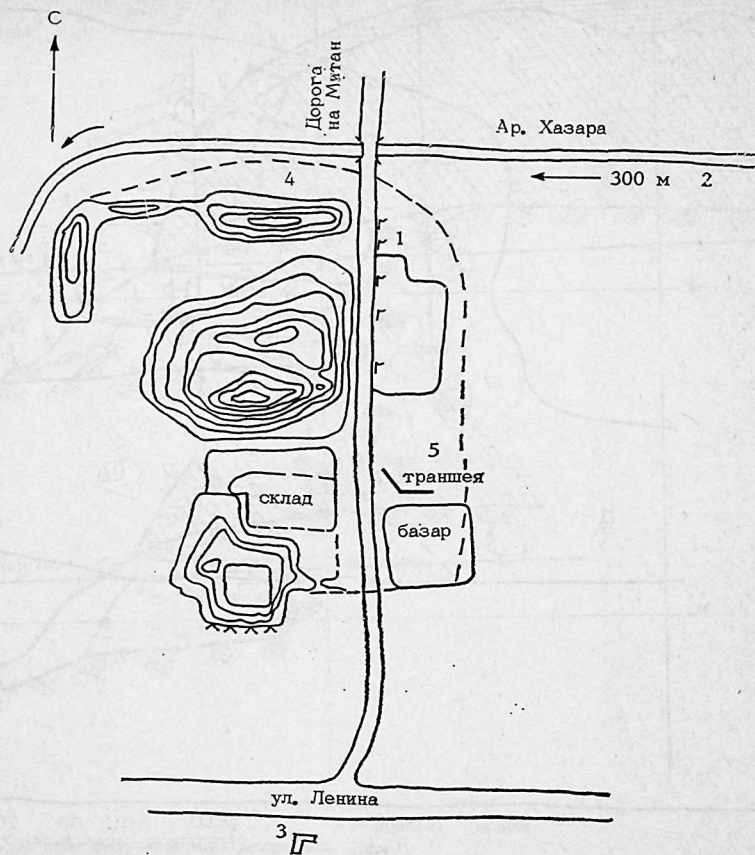

Рис. 73. Иштихантепе. План:

1 — могилы IX-X вв.; 2 — оссуарный могильник; 3 — шурф ИмитЮ; 4 — шурф ИмитС; 5 — шурф с кирпичным полом.

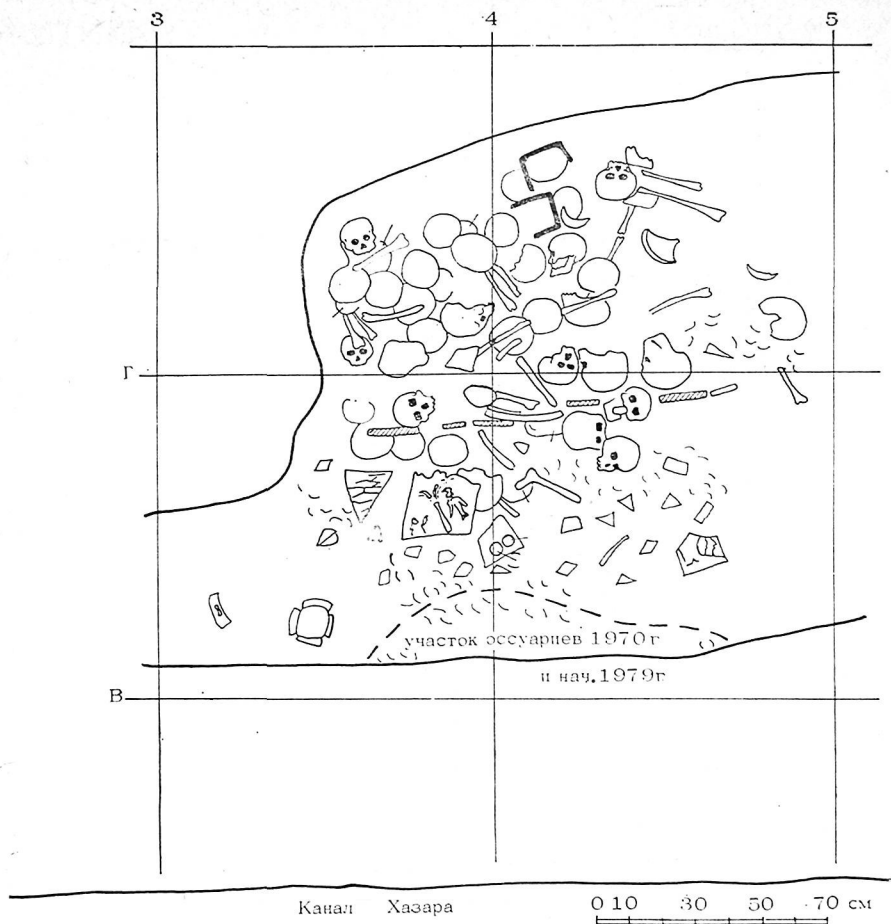

Рис. 74. Оссуарно-костные захоронения Имш-1. План.

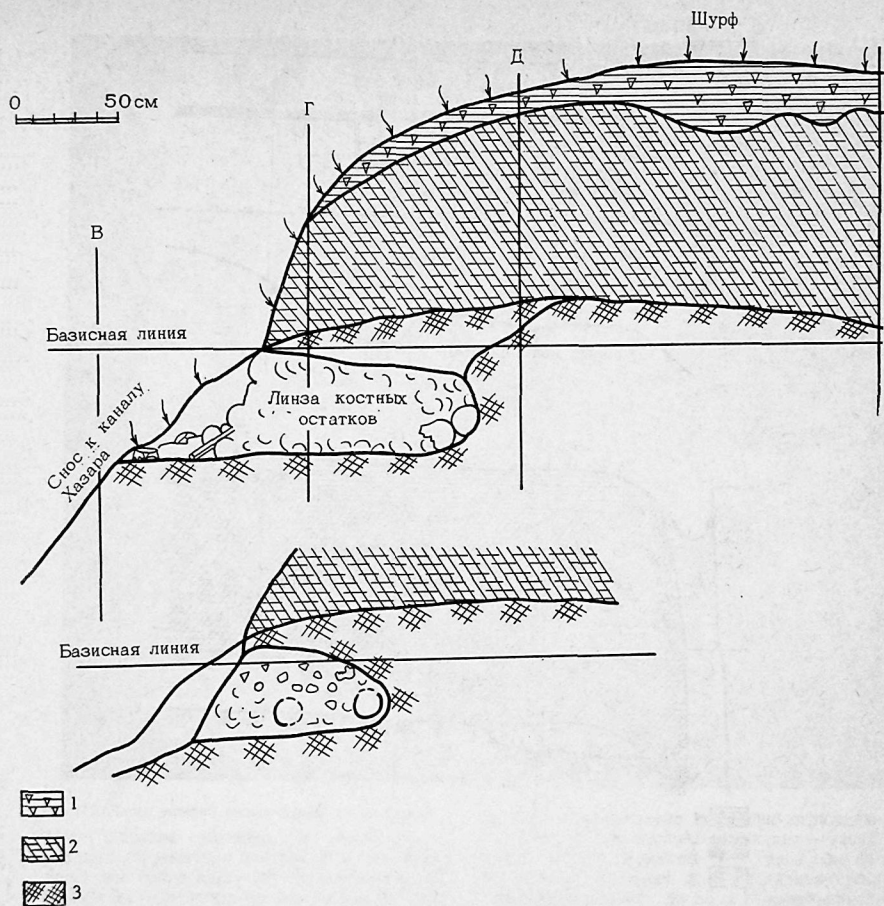

Рис. 75. Разрез через оссуарно-костные захоронения Ишм-1:

1 — плотный мелкокомковатый ржавый грунт от очистки канала; 2 — серый лесс, пронизанный корнями растений, с единичными вкраплениями безглазурной керамики; 3 — материковый лесс.

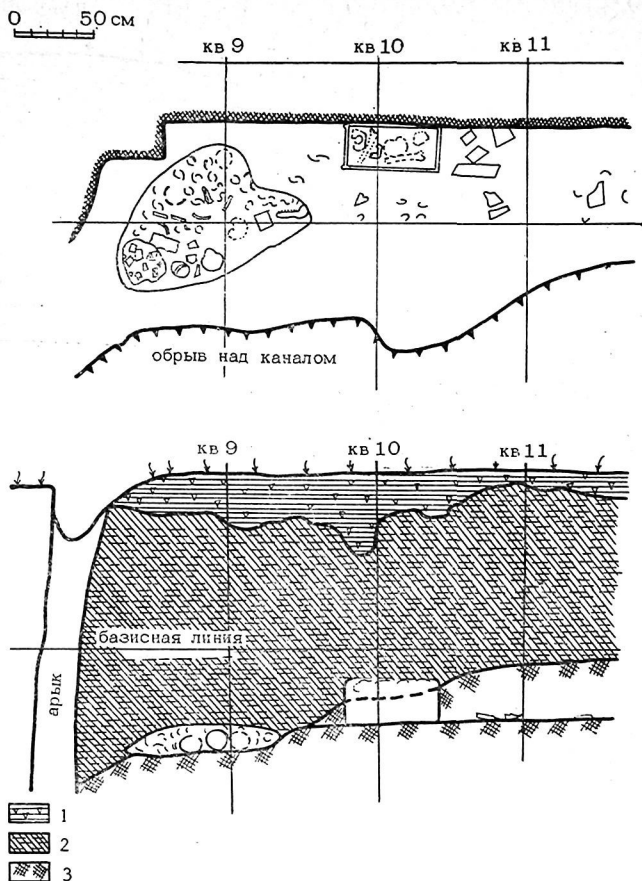

Рис. 76. Осуарно-костные захоронения Ишим-2. План, разрез:

1 — плотный мелкокомковатый грунт от очистки канала; 2 — серый лёсс, пронизанный корнями растений с единичными вкраплениями безглазуриной керамики; 3 — материковый лёсс.

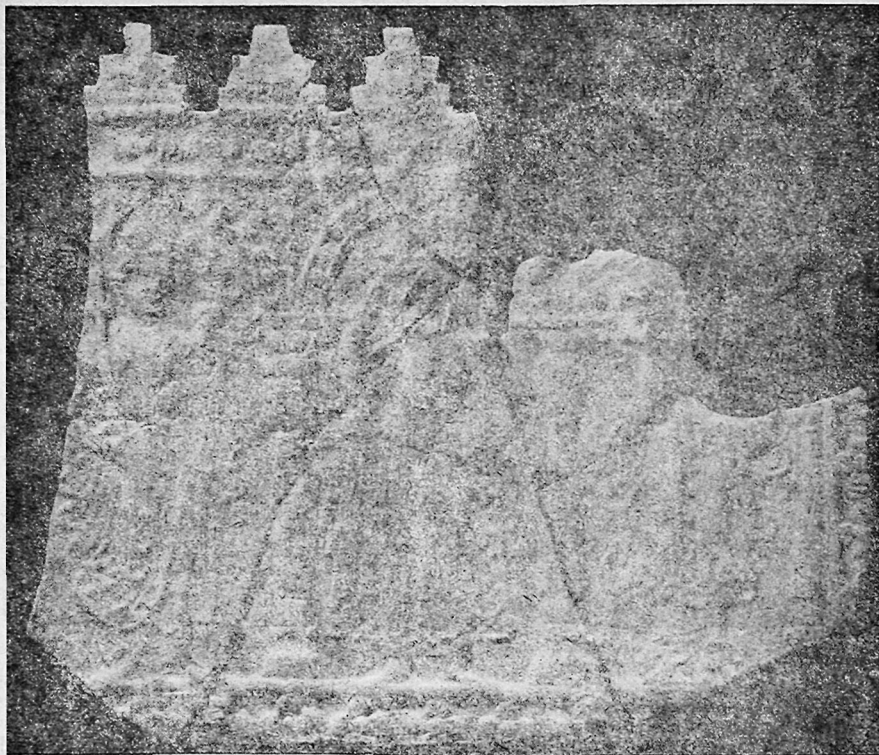

Рис. 77. Часть лицевой стенки одного из оссуариев.

лено широкое обследование Иштихантепе, так как современная застройка и прокладка дорог все более наступает на городище. Основное же тепе отведено под городское кладбище. О нем пока имеется предварительное сообщение (89).

Основная часть Иштихантепе представляет археологический тип «тепе со шлейфом». Южная часть высотой до 10 м имеет крутые ска-

ты, но в микрорельефе не видно ограждающих стен. У прилежащей площади — заovalенный контур. В начале 60-х годов еще существовала внешняя северо-западная стена шахристана длиной до 85 м и ее юго-западный поворот; ныне здесь все застроено.

Подземный материал на городище — от VI—VII до XII вв. — керамика, жженные квадратные кирпичи, фрагменты средневекового стекла, средневековые монеты.

Рис. 78. Лицевая стенка одного из оссуариев после реставрации.

Центром города было Иштихантепе — раннефеодальный населенный пункт, разросшийся у подножья дикханского кешка, впоследствии преобразованного в цитадель. Период этот археологически запечатлен остатками небольшого оссуарного могильника VI—VII вв. на обрывистом берегу канала Хазар, протекающего южнее Иштихантепе. Ему уже посвящены отдельные статьи (98, 99), здесь отметим основное.

Два почти смежных оссуарных захоронения, частью смытых каналом, предстали при раскопках в виде двух линз ($1,8 \times 1,5$ и $1,5 \times 0,8$ м), погребенных осевшим пластом глины. Первоначально, по всем данным, здесь

были вырыты небольшие пещеры-ертула, типа тех, которые до недавнего времени выкапывались жителями мнанкальской зоны в лесовых обрывах и служили временным жильем и для хозяйственных целей. В обоих захоронениях было плотное скопление костных останков, разбитых оссуариев и их фрагментов, отдельных частей крупных сосудов, на которых лежали куски черепов. Какой-либо системы в расположении всего этого материала не отмечено — очевидно, по мере помещения новых останков прежние сдвигались или нагромождались слоями друг над другом.

Оссуарии принадлежат к той особой типоло-

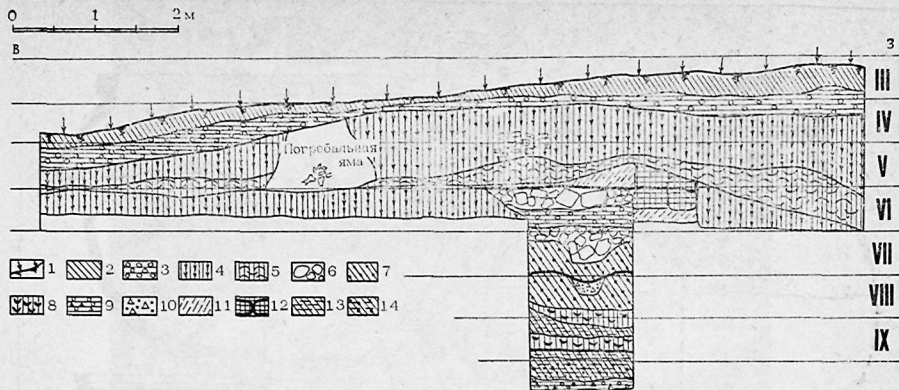

Рис. 79. Иштихан. Разрез в северной части Иштиханте-пе:

1 — дневная поверхность; 2 — дерновый слой земли с небольшими включениями керамики; 3 — плотный слой серой глины с мелким галечником; 4 — слой серой глины с большим количеством керамики; 5 — рыхлый слой глины с керамикой и костями животных; 6 — сыроватый битый кирпич; 7 — светлый слоистомковатой глины, насыщенный фрагментами цветной штукатурки; 8 — рыхлый слой с большим содержанием золы, обуглившихся костей и комковатой глины; 9 — слой, насыщенный галечником и фрагментами керамики и костей; 10 — галька (керамикой); 11 — плотный слой коричневого цвета; 12 — пахса; 13 — плотный глинистый слой коричневого цвета; 14 — плотный слой зеленовато-серого цвета с вкраплениями уголков.

гической группе, которая ранее была известна по комплексу оссуарных фрагментов из Бия-Наймана, а ныне мы именуем «мианкальской», поскольку аналогичные находки уже имеют широкий ареал (Иштихан, Муллакурбан, Раванак, Дурментепе). Это прямоугольные керамические ящики (размерами около $50 \times 28 \times 30$ см при сечении стенок 1–1,5 см), некогда покрытые четырехскатными пирамидальными крышками. Все поверхности орнаментированы барельефными композициями, выполненными оттиском с матриц. Изобразительный сюжет обычно повторяется на длинных и коротких стенках ящика. Преобладает среди них мотив аркады, основанной на колоннах, со стоящими под арками фигурами мужчин и женщин с ритуальными предметами в руках (маленький алтарь или плوشка с пылающим огнем, длинное луковичное растение с цветком, ступка с пестом, щипцы, лопатка и др.). Вверху обычно проходит зубчатый карниз. Реже встречаются

иные мотивы оформления — например, стилизованное дерево с тремя ветвями, завершенными розетками. На крышках — пышнолиственные орнаментально-растительные мотивы.

Оссуарные рельефы, на наш взгляд, прямо связаны с культом мертвых, с погребальными обрядами, существовавшими в Согде. Персонажи иштиханских оссуариев — это современные священнослужители, в облике, одеяниях, атрибутах которых воплощены образы амеша-спентов авестийской мифологии, связанные с верой в приход умерших к родным местам в дни праздника Фервардеджана. Они как бы творят посвятельную литургию, выполняя подобающие обряды, с которыми связаны и их атрибуты.

Иштихан времени развитого средневековья (IX—XII вв.) характеризуется в источниках как город с укрепленным центром и обширными предместьями (163, с. 466).

Для выяснения его средневековой stratigraphии нами было заложено два стратигра-

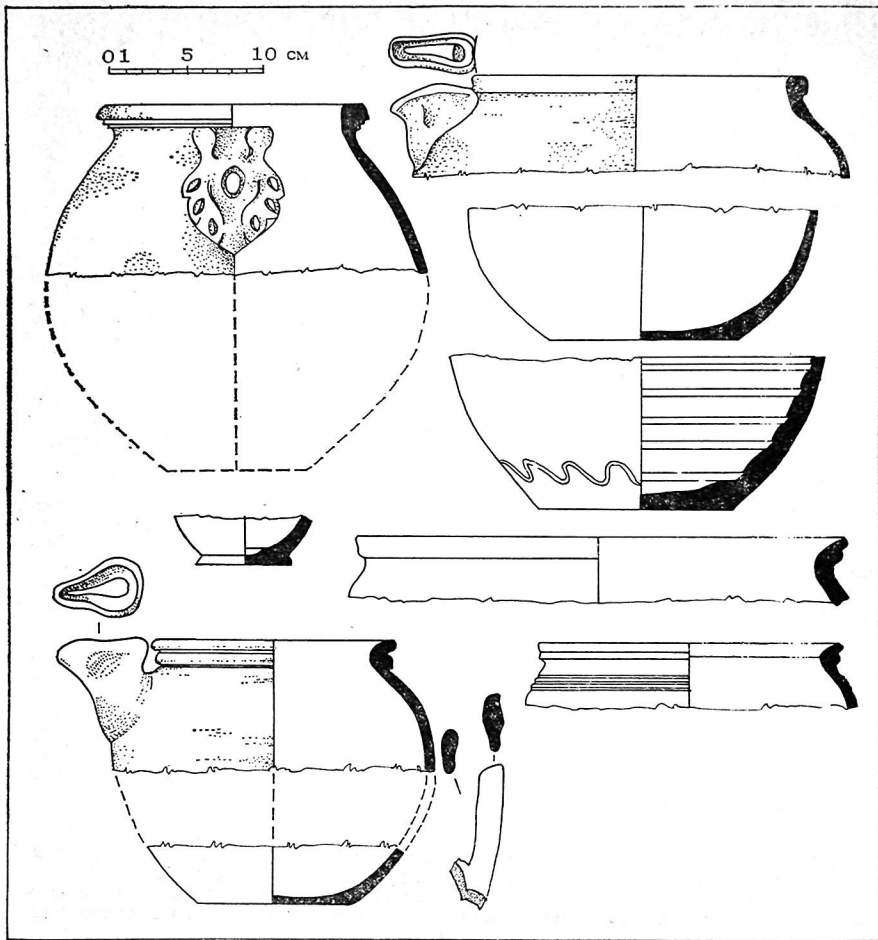

Рис. 80. Керамические фрагменты из оссуарных погребений.

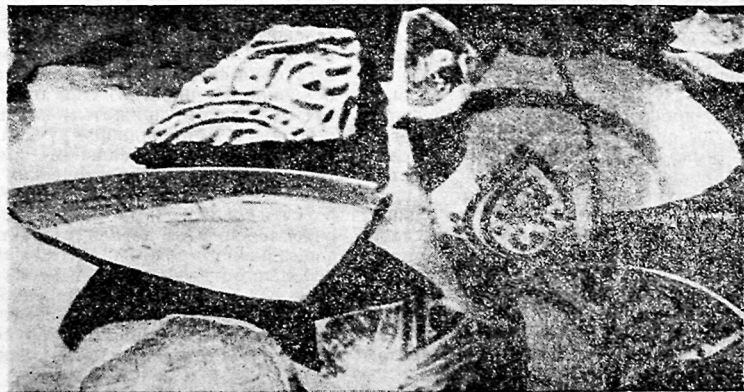

Рис. 81. Иштихантепе. Глазурованная керамика.

фических шурфа: один в шахристане на северном склоне в обресе, образованном при прокладке дороги к нефтебазе (шурф ИшС), а другой — в рабаде, в 250 м к югу от Иштихантепе, где был вырыт котлован под современное здание (шурф ИшЮ).

В шурфе ИшС под дерновым слоем следует на 1,5 м рыхловатый завал глины с большим включением средневекового материала: кусками жженных кирпичей, фрагментами стекла и изобилием неполованной и глазурованной керамики. Безглазурная керамика в основном хозяйственно-производственного назначения, многие сосуды снаружи закопчены, у них грубоватый темно-серый черепок с дресвой. Горшки широкогорлые, большого диаметра, венчик их с отгибом или с прямоугольной закраиной, один фрагмент — с небольшим остроконечным сливом у края. Среди неполовных столовых форм — небольшие горшочки чашевидной формы с отогнутой закраиной, один — с закрепленной под венчиком горизонтально торчащей круглой ручкой. Имеются кувшины желтоватого черепка со светло-желтым ангобом (форма по малым фрагментам

не восстанавливается); горловина одного из них оформлена многорядными концентрическими полосками и узором волны.

Глазурованная керамика представляет провинциальный вариант афрасиабской керамики IX—XII вв. (140). В составе форм — блюда, ляганы, миски-касы, горшочки, светильники-чираги. Иногда полива одноцветная, густого зеленого цвета, изредка — яркого тона. Таково дно лягана с подглазурным гравированным орнаментом в виде ромбической сетки и большинство чирагов. Они округлые, с оттянутым носиком, прижатым пальцами, с одной стороны и петлевидной ручкой — с другой. Касы и ляганы в основном имеют роспись трех основных колористических разновидностей:

роспись черным по белому, иногда с добавлением в детали узора красного или фисташкового цветов. Мотивы орнамента: от небольшого двойного завитка на дне до более сложных узоров — геометризированных фигур с заполнением резервов скобками и завитками, «афрасиабских» пальметт, крупных листьев или плодов (также на фоне завитков);

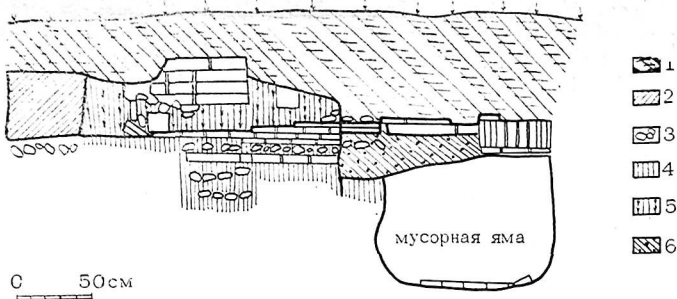

Рис. 82. Разрез в южной части шахристана:

1 — серая земля с включением галек, кусков жженого кирпича, отдельных фрагментов керамики; 2 — пахсовая стена; 3 — гальки; 4 — глина; 5 — рыхлая серая земля со средневековой керамикой, осколками стекла, кусками кирпича; 6 — глиняная подбровка с кусками кирпичей, керамики. В мусорной яме — обилие керамики, костей, стекла, яичная скорлупа, фрагменты жженных кирпичей, изразца, каллиба.

черный фон и роспись белым. В основном геометризанные мотивы, например, полосы с белыми точками между ними, зигзаг с завитками внутри треугольника. Встречаются также псевдонадписи арабского письма;

коричневато-красный фон с росписью белым и черным. Мотивы иные: точечные розетки, стилизованные птички с мелкоточечным заполнением и др. Найдено множество фрагментов стеклянных сосудов: донца крупных флаконов и графинов, одни со скобообразным выгибом к центру, другие — с небольшим плоским поддоном; горловины кувшинчиков, закраины стенок чаш и стаканов, изящные петлевидные ручки с отростками. Стекло — бесцветное, желтоватое, голубое, светло-зеленое. Как известно, стеклянная утварь в период развитого средневековья использовалась на Востоке для хранения лекарственных снадобий, парфюмерных жидкостей, ценных масел. Обилие их в средневековом Иштихане служит свидетельством существования на иштиханских рынках большого числа аттаров — специалистов и продавцов продукции этого вида. В этом шурфе, по-видимому, оказалась свалка

рыночного происхождения, накопившаяся на окраине шахристана. Характерно, что на ней нет кухонных остатков — разбитых котлов, угля, золы, рыхлых пятен ислевших органических веществ, которые типичны для отбросов из жилых кварталов.

На данном участке необходима постановка широкого по площади раскопа.

Углубление шурфа до 2 м ниже нулевой отметки выявило уровень пола с тремя слоями глиняной смазки и часть пахсовой стены, сохранившейся в высоту на 80 см. Ниже пола на глубину до 25 см следовал плотный слой глины с фрагментами пятнистой глазурованной керамики IX в. и керамики с ишкорной поливой и расплывающимся зеленоватым орнаментом. Далее — материковый лес.

Стратиграфический шурф ИшЮ, который можно назвать стратиграфическим разрезом, поскольку он протянут на всю длину котлована до 5 м, показал, что здесь нет каких-то единых, лежащих на горизонталях, культурных слоев: они смешиваются, обрываются, свидетельствуя об интенсивном обживании и перестройках на территории рабада, начинающейся в непосредственной близости от шахристана. На северном участке здесь оказа-

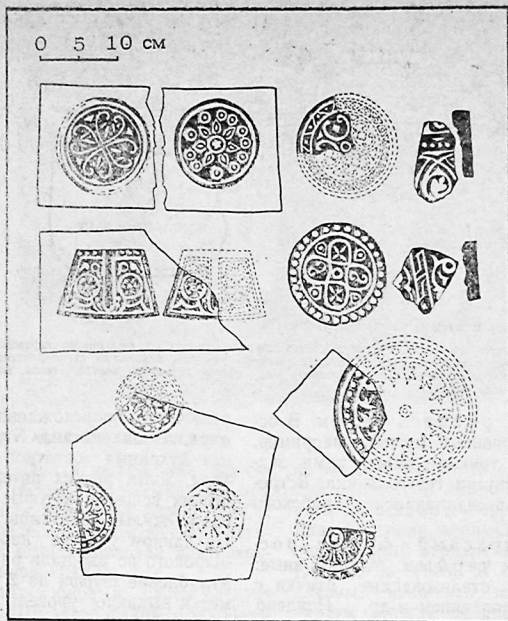

Рис. 83. Жженые кирпичи с тисненым орнаментом из Иштихана.

лась сбросовая яма, в которой были найдены симоб-кузачи, переданные в местный музей, и фрагменты средневековой керамики; на южном — сменяющие друг друга постройки.

На глубине 70 см от дневной поверхности в шурфе ИшЮ обнаружены остатки здания с паховыми стенами и отмошкой пола в два три ряда жженого кирпича, под который подведена галечная забутовка. Кирпич — прямоугольной формы, в большинстве тонкоплиточный ($28-30 \times 15 \times 2,8-3,5$ см). Имеются также крупные ($34 \times 17 \times 5$ см) и очень крупные экземпляры ($49 \times 49 \times 6$ см). Сочетание подобных крупноразмерных и тонкоплиточных кирпичей известно в мавзолее Сама-

нидов рубежа IX—X вв. Под этим зданием — плотный забутовочный слой глины с включением фрагментов керамики и кусков кирпича. На северном участке под пол уходит круглый спуск (диаметром 30 см), обложенный половинками кирпичей-маломеров, под которым оказалась мусорная яма глубиной 80 см. Следовательно, дом с кирпичным полом возводился на ранее обжитом участке. Позднее над руинами этого дома, когда над его полом накопился слой надувной и комковатой глины, была возведена новая постройка из сырца ($38 \times ? \times 8$ см). Затем разрушилась и она.

Шурф ИшЮ дал комплекс керамики (в основ-

ном X в.) того же типа, что и шурф ИшС. Состав ее под и над кирпичным полом типологически близок — очевидно, горизонты до и после строительства дома отделены интервалом в несколько десятилетий, причем оба восходят к саманидской эпохе. В верхнем горизонте сырцовой постройки найдены черепки с двухсторонней голубой поливой, что позволяет датировать ее XII столетием.

На улочке, идущей в северном направлении вдоль границы иштиханского рынка, в 1980 г. была вырыта двухметровая по глубине траншея для прокладки труб. Она дала разрез, в котором обнаружена часть помещения с мощенным полом. Над ним и на протяжении траншеи попадались средневековые жженые кирпичи (в основном в кусках) и фрагменты керамики X—XII вв. Особенно интересным оказался сам пол, выложенный фигурной кладкой, с диагональным расположением кирпичей (размерами $23 \times 23 \times 3,5$ см) и треугольных полукирпичей. Обращенная вниз сторона некоторых кирпичей имеет тисненый орнамент в виде крупного круга с окаймлением, заполненным кружками, крупным узором, образованным трилистниками. Эти кирпичи, очевидно, попали в отомскую пола из пришедшего в упадок более древнего здания.

Такого рода кирпичи с орнаментальными штампами известны благодаря сборам с городской Рабинджан и Калаи-Дабус, поступившим в Самаркандский краеведческий музей. При обследовании в 1934 г. Калаи-Дабуса А. Ю. Якубовский отметил находку подобного кирпича с «сасанидским» кругом и орнаментом в виде большой звезды и трилистников. Основываясь на сопоставлении со сходными кругами на афрасиабских очажках, он пришел к следующему заключению: «Едва ли можно сомневаться, что кирпичи эти относятся к раннеисламскому времени и, быть может, доходят до саманидской эпохи включительно» (146, с. 152). Позднее Л. И. Ремпель, опубликовав данные об упомянутых кирпичах из Самаркандского музея, также датировал их VIII—X вв. (11, с. 132—133, рис. 52).

Между тем, наличие кирпича с отгиском в виде круга с точками и отходящими от него

внутри трилистниками на раннесредневековом объекте Ходжа-Курган в Хатырчинском районе, где полностью отсутствует материал позднее начала VIII в., позволило поставить вопрос о передатировке данной группы кирпичей со штампами VI—VIII вв. (91, с. 44—45, рис. 9). Мотивы этих штампов находят аналогию на терракотовых дисках данного времени из Тараза и в архитектурном оформлении раннесредневекового кешка на известном блюде из коллекций Эрмитажа (106, с. 36, 51; 111, с. 84—85).

Кирпичи из Иштихана, вкуче с найденными ранее в других местах при земляных работах и поступившими в Иштиханский музей, дают несколько вариантов орнаментальных штампов. Они, очевидно, являлись частью убранства парадных сооружений домусульманского времени, возможно, феодальных замков или усадеб, располагавшихся в округе Иштихантепе. Следует подчеркнуть, что кирпичи с тисненым узором, как и мианкальские оссуарии со специфическим пластическим оформлением, присущи архитектуре только Мианкальского региона — в других областях Средней Азии они не встречались.

Вблизи от места древних оссуарных захоронений, там, где проходит современная дорога, пересекающая канал, а затем Акдарью, находился раннемусульманский некрополь, обнаруженный нашей экспедицией еще в 1971 г. Раскопки его, порученные Т. В. Беляевой, вскрыли здесь семь могил и отметили местоположение восьмой, снесенной при расширении арыка.

Раскопками установлены последовательность и устройство могил. Погребения принадлежат к категории «ящичных»: прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии север-юг, обкладывалась жженым кирпичом, в ней помещались усопший. Костяки лежали на спине, головою на север, лицами — в западном направлении, то есть условно на Мекку. Первоначальную дневную поверхность на данном участке фиксирует прямоугольная площадка ($3,2 \times 1,2$ м), ориентированная с востока на запад, по контурам которой местами сохранилась булыжная отмостка. Назначение

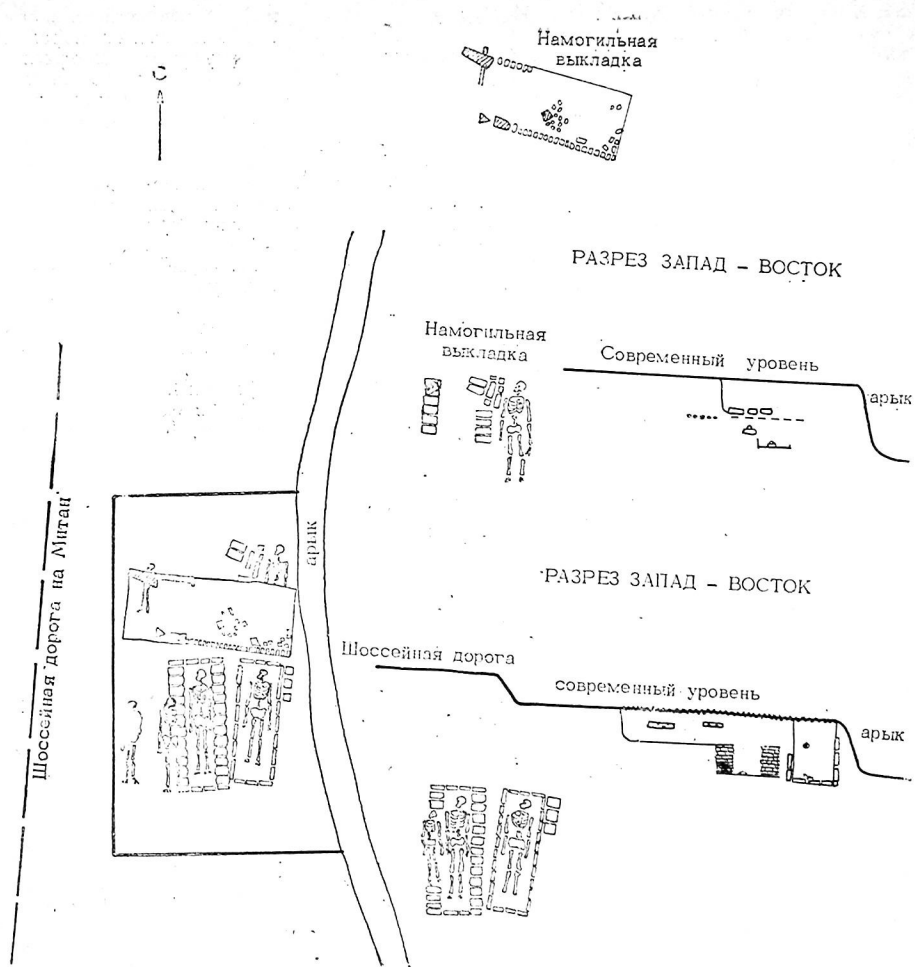

Рис. 34. Средневековый могильник в Иштихане.

ее неясно. Нумерация захоронений — № 4, 5, 6, 8 — давалась по порядку вскрытий, она не совпадает с хронологической последовательностью погребений.

От захоронения № 4 осталось лишь несколько кирпичей обкладки могильного «ящика», на крайний из которых положен череп; костяк был, очевидно, изъят, когда опускали могилу № 7, где костяк сохранился, но была разрушена обкладка. Лучше сохранились погребения № 5 и 6, расположенные южнее. Размеры погребения № 5, включая обкладку, — $2,3 \times 1,1$ м, сохранность — на высоту всего 40 см. Обкладкой служил жженный кирпич ($30 \times 15 \times 3,5$ см), поставленный у торцовых стенок на ребро, а у длинных — горизонтально. Те же формат кирпича и прием обкладки в погребении № 4. Размеры погребения № 6 — $2,2 \times 0,9$ м, причем восточная стенка сохранилась в высоту на 90 см, прочие — ниже. Кирпичи стенок поставлены на ребро, размеры их $21 - 22 \times 21 - 22 \times 4$ см.

Сильно истлевшие костяки из погребений № 1 и 2 лежали в 20—30 см ниже современной дневной поверхности. Определить размеры могил уже невозможно. Погребение № 3 располагалось в сорокасантиметровом промежутке между захоронениями № 1 и № 5, непосредственно на сохранившейся на неполную высоту западной стенке последнего. Налицо картина захоронений, отделенных промежуточным временем, когда уже оплыли первоначальные могильные холмы.

Такова относительная хронология захоронений. Что касается абсолютной, уточнить ее дает возможность находка монеты, обнаруженной вверху погребения № 6 в пределах его восточной стенки. По определению М. Е. Массона, это фельс поры правления Тахира II, чеканенный в Самарканде при саманиде Насре б. Ахмеди в 245 г. х. (859/860 г.). Монета служит свидетельством того, что погребение № 6 датируется временем последней трети IX в. Близки к нему по времени погребения № 4, 5 и, как полагают Т. Беляева, № 8, от которого остался лишь след на краю арыка. Разница формата кирпича — квадратного в одном случае и прямоугольного в других — не должна смущать. И тот, и другой —

тонкоплиточные кирпичи-маломерки, характерны для зодчества Мавераннахра времени Саманидов; оба (особенно прямоугольный) имели прототип еще в предмусульманском строительстве Согда.

Погребения № 1, 2 и 3 — позднее по времени, причем захоронение № 3, судя по примененным тех же кирпичей-маломеркам ($30 \times 15 \times 3,5$ см), вероятно, лишь на несколько десятилетий, а № 1 и 2 могут быть отнесены к концу X—XI в. Об этом позволяют судить фрагменты керамики из прилежащего культурного слоя: пятнистая; зеленая с подглазурным орнаментом; белофонная с коричневой росписью и краснофонная с растительной и эпиграфической росписью белым.

Небольшой по площади средневековый могильник свидетельствует, во-первых, о том, что данная территория не была в ту пору занята под застройку, и развитие рабада шло в юго-восточном направлении от шахристана; во-вторых, о приверженности еще в IX в. старосогдийской традиции коль скоро мусульманское кладбище основали рядом с былым оссуарным могильником. Прием обкладки могил кирпичами противоречит предписаниям ислама, согласно которым покойного укладывали просто в земляную яму. Предполагают, что такого рода могильные «ящики» в средневековом Согде и Мерве имеют домусульманскую основу.

Мы познакомились с археологическими материалами из находок учительницы истории Х. Шавгуловой, которая собирала их со школьниками на протяжении ряда лет на разных участках к югу и до 1 км к востоку от Иштихантепа. Здесь, очевидно, располагались постройки средневекового рабада, поэтому при рытье котлованов под новое строительство местами попадаются древние материалы. По существу, эти сборы положили начало созданию археологической коллекции образованного в 1979 г. Иштиханского краеведческого музея; некоторые предметы были переданы Х. Шавгуловой нашей экспедиции. В основном они относятся к IX—XII вв.

Особый интерес представляют собранные на одном участке и, следовательно, одновременные или близкие по времени сероглиняные

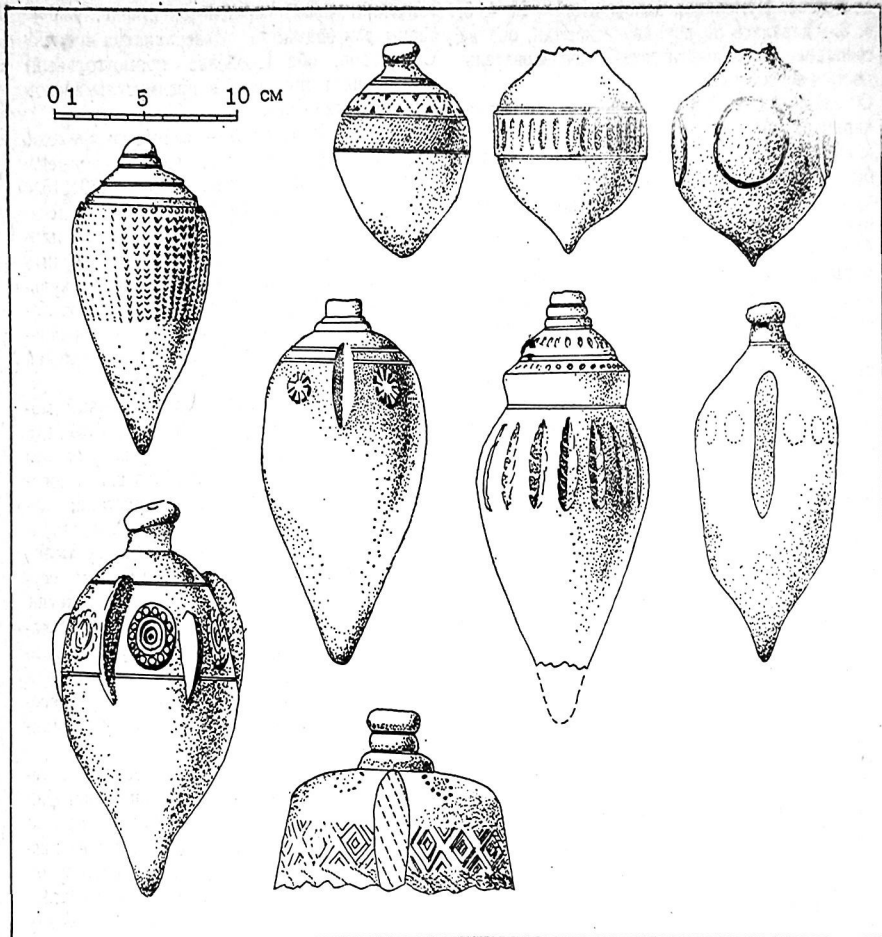
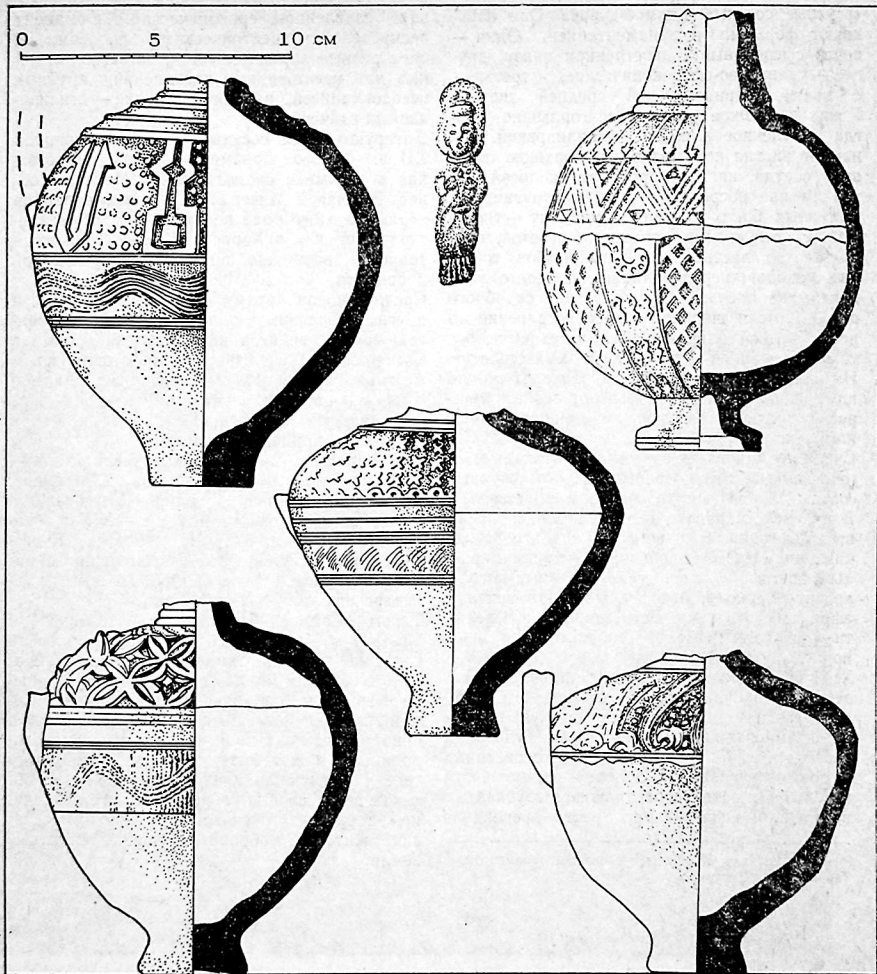

Рис. 85. Иштихан. Симоб-кузача.

«ртутные сосуды» — симоб-кузача. Они варьируют формами и орнаментацией. Одни — почти сферические с заострением внизу, другие — удлиненно-сфероконические, третьи — с почти цилиндрической средней частью. У них невысокое утолщенное горлышко, иногда выделенное высокой профилировкой. Орнамент иногда покрывает всю верхнюю половину сосуда, иногда проходит полосой по плечам или посредине, а также кругами на выпуклых боках сосуда. Орнамент — тисненый, с несложными мотивами розеток, продолговатых листьев, вереницы ромбов, точечных наколов; нередко также продолговатые налеты на плечах. Симоб-кузача подобного рода имели широкое распространение по всей Средней Азии и вообще Среднему Востоку по крайней мере с IX по XVI столетие. Им посвящена значительная литература, но иштиханские находки вызывают особый интерес, поскольку представляют единовременный комплекс.

Среди керамических сборов из Иштихана многочисленны глазурованные и безглазурные сосуды IX—XII вв. (в основном фрагменты). В их числе чираги с зеленой поливой; изящный белофонный кувшинчик с эпиграфическим орнаментом, выполненный черным и красным цветами; донья глазурованных каса — красно-, черно- и белофонные с орнаментами афрасиабского типа. Есть единичные черепки тимуридского времени (кобальтовая роспись по белому фону) и крупные чираги XV—XVII вв. с полуоткрытым цилиндрическим резервуаром и сильно оттянутым носиком. Имеются безглазурные одноручные кувшинчики со штампованной орнаментацией. Тулово их составлено из двух отдельно изготовленных и ориентированных половин, вминавшихся в калабы и затем скреплявшихся грубоватым внутренним швом. Форма тулова сферическая

или сдавленно-сфероконическая. Орнамент распределен концентрическими полосами и дает разные варианты сеток, зигзагов, точечных или крестовидных заполнений, крупных псевдонадписей, в одном случае — стилизованных птичек.

Датируются эти сосуды первой половиной XII в. Такого орнаментального богатства, как в керамике средневекового Мерва, здесь нет. Вообще в Мавераннахре штампованная керамика этого рода не имела такого распространения, как в Хорасане. Техника их изготовления, возможно, пришла из хорасанской провинции.

Средневековая керамика Иштихана, как и других населенных пунктов Мианкаля, беднее, чем знаменитая афрасиабская керамика Самарканда. Вероятно, она изготовлялась в местных провинциальных гончарных мастерских, — во всяком случае, в Иштихане нам встречались и бракованные сосуды, и штыри из печного припаса керамистов.

Среди нумизматических находок Иштихана — несколько медных монет чекана Саманидов, одна нечеткая — XI в., одна — Улутбека, а также монеты поздних чеканов — XIX в. (все определения сделаны Э. В. Ртвеладзе). К этому следует добавить зарегистрированную нами ранее находку серебряной монеты бухархударского типа VII—VIII вв.

Таким образом, Иштиханте возникло в VI—VII вв., разрослось и преобразовалось в город во времена Саманидов, функционировало вплоть до монгольского завоевания, после чего пришло в запустение. Фрагменты керамики XV и последующих веков единичны и обнаружены пока лишь на главном холме городища — может быть, они появились, когда тепе уже служило кладбищем и когда Иштихан перестал быть городом, но стал кишлаком с рассредоточенными постройками сельских жителей, обрабатывавших окрестные земли.

Рис. 86. Иштихан. Кувшины с тисненым орнаментом. Терракотовая фигурка.

ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ МИАНКАЛЬСКОГО СОГДА

Археологическое изучение Мианкаля Узбекостанской искусствоведческой экспедицией пока лишь начато — при обилии сосредоточенных здесь памятников рекогносцировками охвачены далеко не все, а начальные раскопные работы осуществлены лишь на нескольких памятниках. Тем не менее, полученные данные уже позволяют сделать ряд общих заключений и ввести в научный оборот новые материалы историко-культурного порядка.

Освоение островной части Мианкаля человеком, по-видимому, началось лишь в исторические времена. При низменном расположении в узком междуречье Акдарьи и Карадарьи и нередком затоплении и заболачивании многих участков его освоение стало возможным лишь после осуществления мелиоративных работ и создания регулируемой ирригации. Процесс этот начался, причем не повсеместно, не ранее середины I тысячелетия до нашей эры, когда после ахеменидских завоеваний жизнь постепенно вошла в колею. Обрели силу правители Самаркандской области, разрослась и получила оборонную мощь их столица Мараканда, началось освоение земель в ее округе. Нижний слой Кумышкенте, расположенного в двадцати километрах от Афрасиаба-Мараканды, содержит остатки пахосово-сырцовых строений и фрагменты керамики IV в. до н. э.

Уместно вспомнить свидетельство Арриана (Анабасис, гл. V), связанное с событиями восстания Спитамена. Когда под натиском его сторонников македоняне стали отступать к Политмету (Зарафшану), «потому что там был лес и варварам не так легко было поражать их — стрелами», после переправы через реку согдийцы их окружили. «Таким обра-

зом, македоняне были стеснены со всех сторон и бежали на небольшой остров на реке. Здесь скифы и всадники Спитамена окружили их и перестреляли, только немногих захватили в плен и всех перебили» (3, с. 158—159).

Мы полагаем, что речь идет именно о Мианкале. Это длинный, но узкий остров, особенно в дельте раздвоения Зарафшана сразу за Самаркандом, поэтому Арриан и назвал его небольшим. Прочие острова близ Самарканды образуются лишь в пору обмеления реки, но затопляются при паводках, Упомянутый лес — это густые туган, которые еще недавно покрывали побережье Мианкаля. Отлично зная свой остров, местами уже обжитой, а местами покрытый тугайными зарослями, согдийцы загнали на него пехотинцев-греков и уничтожили их здесь. Возможно, что их поддерживали и обитатели Кумышкенте — форпоста в восточной части Мианкаля.

Кроме Кумышкенте для данного периода другие пункты пока на Мианкале не обнаружены, но вполне возможно, что, как и на этом памятнике, ахеменидские слои погребены в нижних, уходящих вглубь относительно современной дневной поверхности слоя. Глубина залегания стратиграфического горизонта Кмш-I и перекрывающего его греко-бактрийского горизонта Кмш-II свидетельствует о том, что толща речных наносов выросла за протекшие два тысячелетия почти на пять метров.

В зоне к северу от Акдарьи столь древние памятники пока рекогносцировками не выявлены, хотя район этот с нарастающими грядками адыров издревле был чрезвычайно благоприятен для скотоводства; возможно, открытие следов обитания древнего скотоводческо-

го населения еще впереди. В античное время началось освоение правобережья Акдарьи и плодородных земель по ущельям вдоль больших, впадающих в Акдарью горных рек — Саганака, Актепе и др. Оно ознаменовано появлением городов (Кургантепе, Арктепе, Умараминтепе), укреплений (Чим-Курган, Хаузтепе), усадеб (Кизляртепе).

На островной части Мианкаля античный период зафиксирован раскопками УэйскЭ на Кумьшентепе, где он запечатлен мощными археологическими напластованиями, содержание которых свидетельствует о развитых приемах архитектурного строительства и высоком уровне городского гончарного ремесла.

Выделенный здесь стратиграфический горизонт Кмш-II относится к греко-бактрийскому времени (III—II вв. до н. э.) и включает два этапа. Кмш-IIa выделен остатками мощной стены из сырца (40×40×12 см), а перекрывающий его слой Кмш-IIб — комплексом керамики, аналогичной керамике из «эллинистического» слоя Афрасиба и греко-бактрийской — с городищ право- и левобережной Амударьи.

Современные историки, опираясь на косвенные данные античных источников, а также на находки в Согде греко-бактрийских монет, признают вхождение Согдианы в состав Греко-бактрийского царства (128, с. 126—127; 47, с. 293 и сл.). По мнению Е. В. Зеймалю, противника этой точки зрения, области Средней Азии к северу от Амударьи не входили в Греко-бактрийское царство и вплоть до конца I тысячелетия до нашей эры являли собой «варварскую периферию», не имевшую ни городов (а лишь огражденные убежища), ни значительных ирригационных сооружений, ни товарно-денежных отношений. Главным аргументом он выдвигает малое число найденных здесь греко-бактрийских монет, которые, якобы, были привозными, иноземными (42, с. 66 и сл.; 43, с. 47; 44, с. 201 и сл.). Обоснованные возражения против этой концепции уже публиковались (109, с. 31 и сл.). Отметим лишь, что находки греко-бактрийских монет и в Северной Бактрии, и в Согде отнюдь не малочисленны, притом они имеют широкий ареал. Во всяком случае, в ряде пунктов

они намного превышают число греко-бактрийских монет из Балха — греко-бактрийской столицы Бактры — в основном подьемных, а не из раскопок, в широком масштабе проводившихся на балхских городищах. В Согде же помимо отдельных имели место находки целых кладов греко-бактрийских монет — один обнаружен близ Китаба (68, с. 281), второй найден в Бухаре (114, с. 54 и сл.).

Доказательством вхождения Согдианы в состав вначале Селевкийского, а затем Греко-бактрийского царства служит также появление здесь после падения последнего монет — подражаний Анотиоху (Av — профиль государя, Rv — голова коня и греческая легенда с его именем) и Евкратиду (Av — профиль государя, Rv — на подражаниях тетрадрахмам — конные Диоскуры, на подражаниях ободам — два колпака Диоскуров и греческая легенда). Они начали чеканиться в то смутное время, когда в Среднюю Азию нахлынули из-за Сырдарьи саки, юечжи, кангюйцы. Согд был захвачен Кангюем, включившим его в свою обширную, но непрочную государственную конфедерацию. Пока власть Кангюя не упрочилась, не получила четкой государственной организации, а рынок требовал монетных эмиссий, монеты чеканились по образцу тех, что имели хождение ранее, в пору сильных государств (в число которых после походов Александра Македонского входила Согдиана) — Селевкийского и Греко-бактрийского, и были привычны для местного населения. Этот процесс имел место и в Северной Бактрии, где во II—I вв. до н. э. осуществлялся выпуск медных подражаний чекану Гелиокла. Хождение упомянутых подражаний в Согде охватывает конец II—I вв. до н. э. и вряд ли выходит за пределы начала I в. н. э. Подобно тому, как в Бактрии и областях к югу и юго-востоку от нее к этому времени укрепилось Кушанское царство, прочно определилась и роль кангюйских правителей в Согде. Очевидно, как одна из прерогатив царской власти появился локальный чекан монет так называемой «группы Гиркода», где на лицевой стороне передан облик не давно ушедших царей, а обобщенный образ кангюйского правителя с характерным этническим обликом. От-

несение начала чекана данной монетной группы ко II в. н. э. никак, по существу, не обосновано; оно может датироваться по крайней мере столетием раньше.

Отрицание Е. В. Зеймелем у согдийцев в первых веках до нашей эры городской жизни в прямом значении этого термина ничем не подкреплено. Если Кургантепе было на первых порах огражденным убежищем для кангюйского населения в предгорной зоне к северу от Мианкаля, то вскоре оно уже оформляется как хорошо укрепленный город, его нижние слои пока представлены лишь материалами из стратиграфического шурфа. В «эллинистических» слоях Мараканды — Самарканда обнаружены остатки архитектурных сооружений, выстроенных приемами античной строительной техники, и значительные сборы античной керамики высокого качества, изготовленной ремесленниками. То же отмечено и на Кумышкенте, где греко-бактрийский слой содержит и остатки монументальной архитектуры с применением окрашенных штукатурок эллинистического типа, и высококачественную керамику городского производства.

Кангюйский период конца II—I вв. до н. э. прослежен в нескольких пунктах. Одни связаны с традициями согдийской городской культуры — таков слой Кмш-III на Кумышкенте. Он иллюстрирует тот же, что и в Мараканде, процесс эволюции керамических форм и строительной техники (возведение на выровненных остатках более ранних построек новых монументальных сооружений). Другие соотносятся с осевшей на землях самаркандского Согда (точнее, его Иштиханской части) родоплеменной группой кангюйцев. Таково городище Кургантепе — крупный город с высокой, хорошо укрепленной цитаделью в центре и городскими ограждениями квадратного пространства, рядом с которыми раскинулся обширный родовой могильник с подкурганными захоронениями. Какова была первоначальная застройка кургантепинского шахристана-I, мы пока не знаем. Но заложенный внутри него шурф выявил значительную толщу культурных отложений возле крепостной стены (хозяйственные отбросы — керамика, зола, кости животных). Свалка возникла у са-

мой стены, застройки на данном участке первоначально не было — она появилась в следующий период над выравненными остатками этих слоев. Не исключено, что отвечая запросам еще недавно полукочевого народа, город вначале представлял собой обширное убежище, огражденное крепостными стенами (территория шахристана-I), не имевшее сплошной застройки, так как предназначалось для охраны в пору военных действий не только жителей, но и главного их богатства — стад. Не случайно местом основания города было выбрано ущелье у реки Саганак, которое обеспечивало его водой и располагалось в пригодной главным образом для скотоводства зоне адыров. Но со временем приобщение кангюйцев к культуре Согдианы с ее высоко развитым земледелием (оно засвидетельствовано античными источниками), урбанизированной цивилизацией определяло их адаптацию в согдийской среде. Они приобщились к городской жизни в разных ее проявлениях (жилища, продукция ремесленных мастерских, приемы фортификации, которые запечатлены, например, на цитадели Кургантепе). Вместе с тем, они придерживались племенных верований и обычаев — в частности, обряда подкурганных захоронений, в которые, однако помещали изделия согдийского городского ремесла.

В I—III вв. н. э. согдийско-кангюйский симбиоз таков, что выделять в культуре этого времени вклад одного или другого народа крайне трудно. Общим по всей Мианкальской зоне Согда является освоение «жизненного пространства». Во всех выявленных нашими исследованиями античных пунктах отмечены материалы этого времени, хотя некоторые, как уже было сказано, возникли и раньше. Это касается и больших городов. Так, на Кургантепе осуществлялась плотная застройка шахристана-I и слагается укрепленный стенами шахристан-II с внутренней застройкой, где, в частности, был возведен храм огня, связанный с исконной религией согдийцев. За его пределами возникли усадьбы, инвентарь которых также связан с городским ремеслом. Это отмечается и в связанных с городскими центрами пунктах типа Кумышкенте, где в слоях

Кмш-III и Кмш-IV запечатлены крупные строительные мероприятия и накопление многометровых культурных напластований. Это касается и таких сельских населенных пунктов, как Булакбаши, в материалах которого на смену комплексам типа раннего Кауучи-1 приходят комплексы позднего Кауучи-1 и начального Кауучи-11.

Для архитектуры античных населенных пунктов рассматриваемого региона — крупных (Кургантепе, Арктепе, Умараминтепе) и относительно небольших (Кумышкенттепе, Хаузтепе, Алпамыштепе) характерны прямоугольный план, охваченный мощными крепостными стенами, плотная внутренняя застройка. Лишь сельские обиталища типа Булакбаши имели случайную конфигурацию и не были укреплены.

Фортификация мианкальских городов и укреплений отвечала уровню военного дела той эпохи — она была призвана противостоять ударам стенобитных машин и эскалаторованию врага. Некоторые города имели цитадель: на Кургантепе она высится в центре города, на Умараминтепе — в углу. Раскопки цитадели Кургантепе выявили продуманную систему оборонных приемов. Цитадель обведена рвом, попасть к ее подножью можно было лишь через мост (может быть, подъемный?); отсюда кверху поднимался находившийся под защитой углового бастиона длинный пандус — его было нелегко форсировать врагу, находившемуся под градом стрел и каменных ядер. Пандус вел к укрепленным воротам с выдвинутыми пилонами и довольно узким проходом, затруднявшим вторжение неприятеля.

Конструкция стен, ограждающих Кургантепе и Умараминтепе, проще, нежели у стен Афрасиаба, где имеется застенная стрелковая галерея, позволявшая вести обстрел с двух уровней — из галереи через бойницы и, очевидно, напрямую с огороженного парапетом гребня стены (154). Стены монолитны, достигают 12 м в заложении. У Кургантепе они имеют защитную выносную берму, слегка выступающие башни, угловые бастионы, самый мощный из которых, призванный защищать единственные городские ворота, располагался в юго-западном углу шахристана-1.

Монолитные стены с башнеобразными выступами, предназначенными в основном для камнеметных орудий, появились в Бактрии при греках. Эта система сменила легко пробиваемые стенобитными машинами древнебактрийские укрепления с полукруглыми башнями, внутренними казематами и внутрибашенными камерами (156, 170). Эллинистический принцип укреплений засвидетельствован в ограждении Ай-Ханум — городе греков на левобережье Амударьи (165, с. 321 и сл.; 106, с. 13, 14; 167, с. 64—75). Трудно пока сказать, появились ли в Согде монолитные крепостные стены под влиянием эллинистической фортификации или, наоборот, являють тип архаичных стен, которые Арриан, повествуя о взятии Александром согдийских городов, характеризует как «земляные и невысокие».

Не представляется возможным судить о внутригородской планировке городов Согдианы до тех пор, пока не будут вскрыты значительные участки. Судя по микрорельефу, в шахристане-1 Кургантепе в северо-западном углу имелась обширная площадь, вероятно, общественного назначения (рынок), но использовавшаяся при необходимости как военный плац. Раскоп Кт-3 у крепостной стены возле этой площади показал, что в первых веках нашей эры здесь располагались рядовые застройки, видимо, малоимущих горожан. Правительственные здания, скорее всего, находились внутри цитадели. Примечательно, что оси и стены жилых зданий, раскопки которых начаты внутри шахристана-1, так же, как и находящегося вне его храма огня, параллельны между собой, а главное — параллельны направлению городских оградений. Налицо определенная градостроительная система, которой следовали при возведении зданий. Она отмечена для данной эпохи и в кушанской Бактрии — Тохаристане (62, с. 128).

Приемы строительной техники Согдианы выявлены достаточно определенно. Ведущий строительный материал здесь, как и по всей Средней Азии, — лес в виде битой глиняных и сырцового кирпича, нередко их сочетание. В отличие от Бактрии, Маргианы, Парфены, где доминирует сырец, здесь преобла-

дает пахса. Ее применяли как в крепостной архитектуре (укрепления Кургантепе, Умараминтепе), так и в жилых домах (там же), храмах (в Кургантепе).

Что касается сырьового кирпича, его размеры и форма не имели в Средней Азии твердых стандартов в античное и раннесредневековое время (не говоря о более древних эпохах). В период раннего железа кирпич повсеместно в Средней Азии был прямоугольным, чрезвычайно варьирующим в размерах. В античное время в областях прямого воздействия эллинистической техники — Бактрии, восточно-парфянских областях, а через Парфию — и в Хорезме, — стали применять сырец квадратной формы при общей тенденции к III в. до н. э. по III—IV вв. н. э. постепенного уменьшения его размеров, но без соблюдения единой меры, иногда даже в одновременных постройках одного и того же населенного пункта. В Чаче, Фергане, областях Семиречья в эту эпоху по-прежнему применялся прямоугольный кирпич, несколько меньший размерами, чем в доантичном строительстве. В Согде мы отмечаем, с одной стороны, применение прямоугольного кирпича, с другой стороны, под влиянием бактрийской (а, может быть, с македонских времен и непосредственно эллинистической) строительной техники — распространение кирпича квадратной формы, также претерпевшего с веками процесс постепенного уменьшения размеров, что наглядно демонстрируют, в частности, стратиграфические горизонты Кумышкенте. Можно привести ряд фактов применения прямоугольного сырца в постройках античного времени в Бухарском Согде (Баштепе — судя по керамическому материалу I—II вв. (39, с. 177, 182, 184)) и кашкардарьинском Согде (Еркурган, конструкции крепостных стен и башни I в. до н. э. — II в. н. э. (125, с. 62, 64; 129, с. 60 и сл.)). Кирпичи этой формы в одних и тех же строениях могли иметь различные размеры и сочетаться с квадратными кирпичами. В самаркандском Согде квадратный сырец преобладает в самом Самарканде и соподчиненных ему пунктах, каким было Кумышкенте. В Мианкальской же зоне с преобладанием здесь кангюйского населения

в городах (Кургантепе, Умараминтепе) и даже в захоронениях курганного захоронений (Орлатский могильник) применялся и тот, и другой форматы.

Перекрытия зданий были преимущественно балочными, основанными на стенах, а при значительных пролетах (например, в айванах) — на деревянных колоннах, но в античную пору в Согде, вероятно, появился и сырцовый свод.

Типология архитектурных сооружений в самаркандской зоне Согдианы пока еще выявлена слабо. На Афрасиабе в античных слоях были вскрыты лишь остатки отдельных помещений. В частично раскопанном нами жилом доме на Умараминтепе выявлено обширное центральное помещение (видимо, гостиная-михманхана) и анфилады комнат с двух сторон, состоящие из двух-трех помещений. Возможно, что они располагались и с других сторон, — такого рода планировочный принцип известен в упоминавшейся усадьбе II в. н. э. на поселении Кызыл-Кар (Бухарский Согд), характерен он и для Бактрии, но там имеется также обводной коридор.

Храм огня у стен Кургантепе — единственное пока полностью вскрытое античное культовое здание самаркандского Согда. Его план — квадратное святилище с вестибюлем (точнее — пронаосом) в обводе коридора имеет ряд аналогов в культовом зодчестве Бактрии и Парфии. Объемная композиция оригинальна благодаря тому, что если в последнем основном объеме приподнят на невысокой платформе, то здесь на возвышенном ступенчатом стилобате, изолирующем святилище огня от внешнего окружения.

Керамика Мианкаля дает ясное представление об этом виде материальной культуры античного времени и обрисовывает ее эволюцию в веках. Она предстает в нескольких разновидностях технологии и форм, связанных с разными группами населения этой области. С одной стороны — характерная керамика городского ремесла. Особенно содержательны в этом отношении керамические комплексы Кумышкенте, которые дополняет керамика из раскопок Умараминтепе и Кургантепе, частью подъемная с других пунктов. Другая

группа получена в раннекангюйских слоях на Кургантепе. Третья группа — комплекс из Булакбаши.

Характеристика этих комплексов дана в соответствии с разделом настоящей работы. По поводу первой группы отметим лишь следующее. Она не только пополняется и во многом уточняет комплексы Афрасиаб-II и III, но также дает более дробную стратиграфическую колонку, полученную на Кумышкенте. Здесь имеются комплексы: предантичный (Кмш-I, IV в. до н. э.), греко-бактрийский (Кмш-II, III — II вв. до н. э.), ранний согдийско-кангюйский (Кмш-III, I в. до н. э. — начало н. э., средний согдийско-кангюйский (Кмш-IV, III — II вв.), поздний согдийско-кангюйский (Кмш-V, III — IV вв.). Сравнительный анализ для всех периодов свидетельствует, что из крупных историко-культурных провинций Средней Азии (Бактрия, Хорезм, Чач, Маргиана, Парфияна, Фергана и др.) керамика Согда ближе всего к бактрийской. Это является свидетельством теснейших связей античных городов Бактрианы и Согдианы, обмена профессиональным опытом среди ремесленников-гончаров, единства эстетических вкусов массового потребителя, для которого изготавливалась керамика. Вместе с тем, абсолютного совпадения нет. Так, если в Бактрии была распространена сероглинная керамика (в южной Бактрии — в греко-бактрийский период, в северной — при Кушанах), то Согду она была чужда. С другой стороны, в Согде имел широкое распространение черный ангоб (иногда наносившийся поверх красного), который в бактрийской керамике был непопулярен и встречается, в основном, на позднеантичных экземплярах. Не вполне идентичны некоторые основные формы. Так, в Бактрии в первых веках нашей эры получили распространение вытянутые колоколовидные бокалы, а в Согде появилась особая форма бокалов с сильно удлиненным оvoidальным резервуаром, на очень вытянутой, неустойчивой, полый изнутри ножке. Таких примеров можно привести множество. Несомненно, при многих чертах общности Согд представлял самостоятельную область высокопрофессионального гончарства.

Керамика кангюйского типа, напротив, имеет лишь северные параллели, сближаясь с сако-усульской керамикой Семиречья, откуда, очевидно, в пору великого продвижения в Согд кочевых народов собственные их гончары перенесли свои традиционные технологические приемы и довольно ограниченный набор посудных форм. Со временем они уступили место согдийским керамистам, с продукцией которых не могли конкурировать и которые удовлетворяли потребности городов и селений в керамических изделиях.

В селениях скотоводов типа Булакбаши изготовлялась керамика, поразительно близкая к так называемой керамике Каунчи-I, главной зоной распространения которой был Чач. Является ли это показателем миграции «каунчинцев» из Чаचा в Согд или это конвергенция, порожденная общностью социальной организации, хозяйства, этническим родством, — пока решить трудно.

В античных слоях Мианкалы пока не обнаружены орудия труда. Но зато богато представлено вооружение. Оно извлечено из погребений II—I вв. до н. э. — I в. н. э. Орлатского могильника и с поразительной точностью воспроизведено на гравированных костяных пластинках из кургана Kp-2, во многом дополняя его состав. Это вооружение конного степного народа — кангюйцев, — приобщившегося к согдийской культуре. Вполне вероятно, что состав его совпадает с тем оружием, которое после кангюйских завоеваний стало основным и в согдийской военной среде: железные мечи и княжики с перекрестием у рукояти, сложносоставной лук с костяными обкладками, удлиненный колчан, вмещающий по два пучка стрел и лук со спущенной тетивой, а также известные лишь по изображению на пластине боевой топорик-клевец и драконообразный штандарт военачальника. Персонаж из сцены баталии, изображенной на пластине, одет в специфический военный доспех кангюйских воинов — бронированный панцирь и шлем. Состав вооружения из Орлатского могильника прямо соотносится с сарматским, который имел обширный ареал — от Сибири до южнорусских степей.

Находки в Орлатском могильнике, даже при

том, что большая часть кургана была ограблена, обогащают представления о прикладном искусстве кангюйско-согдийской среды. Бронзовая поясная бляха с изображением лежащего хищника из семейства кошачьих принадлежит к характерным произведениям позднего («сарматского») звериного стиля, истоки которого — в скифском искусстве. Пластины из кургана Кг-2, несомненно, войдут в число шедевров среднеазиатского искусства наряду с почти современными им ритонами из парфянской Нисы (69). Они, безусловно, принадлежат иному историко-культурному кругу. Если ритоны — это плод утонченной, пропагандной эстетическими идеалами эллинизма придворной культуры, то орлатские пластины отвечают запросам среды, еще связанной со степными традициями. Экспрессия представленных на них сцен поразительна, а сами они во многом предвзвещают дальнейшую их интерпретацию в средневековом искусстве Среднего Востока.

О культах Согдианы пока имеется сравнительно немного данных, но Мианкаль дополняет их новыми материалами. Храм огня в Кургантепе подтверждает роль зороастрийского культа огня в Согде, но, очевидно, не в иранской, а местной согдийской интерпретации. Открытие этого памятника подтверждает сведения позднелекхейского источника «Шахристанхой-и Иран» об основанном еще мифическими царями ирано-язычного эпоса храме огня в Самарканде, свидетельствуя, вместе с тем, что храм этот не был единственным в Самаркандском Согде. Указание упомянутого источника на искажение в Самарканде, с точки зрения ортодоксального зороастризма, самого ритуала «проклятым Афрасиабом», лишь свидетельствует, что культ этот имел здесь определенные локальные отличия от ритуалов, свершавшихся в иранских аташедах. Кургантепийский храм дает реальное представление как об архитектурном типе согдийского храма, так и о некоторых сторонах ритуала. Помимо поддержания жрецами в центральном святилище огня, в котором, судя по характеру пепла, сжигалось кустарниковое топливо, в обряде, видимо, играл определенную роль обход святилища по обводному ко-

ридору. Обширное свободное пространство вокруг храма — свидетельство его изоляции от окружающей застройки. Вместе с тем не случайно его расположение близ городских ворот у углового бастиона. Поскольку основное население как самого Согда, так и сопредельных областей чтило культ огня, подступавшие к городу враги не только не решились бы осквернить храм, но, может быть, устранились бы атаковать расположенные рядом и находящиеся под его покровительством городские ворота.

Находки за пределами укреплений Кургантепе костных останков в хумах, относящихся, судя по самим этим хумам, к позднееантичному времени, служат свидетельством оссуарного обряда погребений в согдийской среде. Что касается обосновавшихся здесь со II в. до н. э. кангюйцев, то они — по крайней мере до начала нашей эры — придерживались традиционного способа подкурганных захоронений с устройством дромосов и катакомб и снабжением усопших таким инвентарем, как оружие (у мужчин), пара сосудов, ритуальная пища и питье. Примечателен также обряд погребения в дромосе перед входом в катакомбу умерщвленной собаки покойного, а в женском захоронении Кг-1 целой туши коровы. Тип орлатских погребений во многом сближается с сарматским.

В среде оседлых скотоводов, проживавших в предгорных зонах Мианкаля в селениях типа Булакбаши, видное место занимал культ огня, сопряженный с культом домашнего животного как основы хозяйственного благосостояния. Свидетельством тому является наличие крупных керамических очажных подставок — «шашлычниц», приподнятые концевые участки которых обрамлены головами козла, бычка или особой личиной, сочетающей черты женщины и овцы — по-видимому, это почитавшаяся булакбашинами богиня — охранительница стада.

Период второй великой волны вторжения в Согд кочевых народов кидаритов и за ними эфталитов запечатлен в ряде античных пунктов Мианкаля их забросом или слоями запустения. Значительный интерес для данного времени представляет клад из четырех сереб-

ряных блюд на городище Челека, датируемый IV—V вв. н. э. Два из них являются местными согдийскими изделиями, два — привозными, одно связано с торевтикой государства Сасанидов, другое — с гуптским Пенджабом. Тот факт, что клад был зарыт его владельцем, свидетельствует о неспокойных временах, когда жители Согда вынуждены были прятать ценности.

Положение существенно изменилось в VI—VII вв. Это время становления раннего феодализма, когда набирал силу новый владетельный класс земледельцев-диххан. В. В. Бартольд дал этому классу точное определение: «рыцарство Средней Азии и Ирана», так как дихханы были и воинами, готовыми прийти в нужный момент по призыву правителя, стоявшего во главе той или иной области. Областей таких, как Иштихан и Кушания в рассматриваемом регионе, в самаркандском Согде было немало. О том, как выполняли свою службу представители дихханских родов, сохранилось выразительное описание у Наршахи по поводу церемониала при дворе правительницы Бухары. Дважды на дню она прибывала к крепостным воротам Регистана, садилась на трон, окруженный гулями и придворными. «Она установила правило для сельского населения, чтобы ежедневно на службу являлось 200 молодых людей из дихханов и потомков царских родов. Они являлись, опоясанные золотыми поясами, саблями, привешенными к поясу, и становились в отдалении». При этом обсуждались государственные дела, а в промежутке проходила общая трапеза. На следующий день прибывших сменяли новые представители из сельских владений (71, с. 15—16). Живопись Пенджикента дает наглядное представление о торжественном церемониале представительства богато одетой и вооруженной дихханской знати (38; 148; 149).

О роли Мианкаля в данный период свидетельствует тот факт, что в VIII в., после захвата Самарканда арабами, согдийские ихшиды перенесли свою столицу в Иштихан (9, с. 146—147).

Области Иштихан и Кушания, сельскохозяйственные по преимуществу, с плодородными

землями и горными пастбищами в условиях феодальной собственности и образа жизни получили совершенно новый характер развития. Здесь зарегистрировано огромное количество раннесредневековых усадеб типа «тепе со шлейфом», остатки которых содержат поднятый на мощной искусственной платформе кешк диххана и прилежащее к нему поселение для челяди и вассальных крестьян. Особенно много их на островной части Мианкаля — это показатель интенсивного освоения, которое могло происходить лишь при условии осуществления значительных мелиоративных и ирригационных работ. Вполне вероятно, что именно в этот период были созданы выведенные из головного канала Губар и питающие районы к западу от Самарканда каналы Синаваб и Иштихан, которые функционировали и в пору развитого средневековья (6, с. 192). Число таких «тепе со шлейфом» севернее Акдары значительно меньше. Если в античное время более обжитыми были ее берега, то в период средневековья — Мианкаль. На островной части находился главный город области — Иштихан, местоположение которого, как установлено археологическими исследованиями, совпадает с современным Иштиханом. Что касается Кушаний, то положение ее — увы! — до сих пор остается загадкой. Можно лишь предположить, что она располагалась в районе западной дельты Акдары — Карадары, где паводковые воды образуют широкие разливы, и что незащищенный от них после монгольского нашествия город был постепенно смыт и скрыт песчаными наносами.

В подчинении у этих главных городских центров находилось множество феодальных вотчин, судя по значительному числу и близкому местоположению «тепе со шлейфом», предполагавших сравнительно небольшими земельными наделами.

Кроме Иштихана специальное изучение раннесредневековых памятников нашей экспедицией не осуществлялось, так как данный период в зоне Самаркандского Согда уже широко освещен в науке благодаря обширным масштабам многолетних работ, проводившихся на городище Пенджикент, Афрасиабе, от-

дельных тепе (Тали-Барзу, Кафиркала). Можно лишь отметить, что приемы строительной техники здесь были те же, что и в архитектурно названных памятниках: пахса нарезными блоками или монолитная, с декоративной нарезкой по фасу, прямоугольный сырцовый кирпич, очень часто — чередование пахсовых и кирпичных рядов, иногда с фактурным делением кирпичей.

Ряд интересных архитектурных деталей запечатлен в рельефных композициях на мианкальских оссуариях: колонны, арки, зубчатые парапеты, которые соответствуют реальным архитектурным формам раннесредневекового зодчества Согда, что уже не раз отмечалось в литературе по поводу биянайманских рельефов. Оссуарии из Иштихана и Дурментепе вводят ряд деталей, ранее не встречавшихся. Так, наряду с дисками в оформлении архивольтов арок, имеются трех- и четырехлепестковые розетки, а также мотив «волны». Дурментепинский фрагмент свидетельствует о том, что в пластическое украшение фризов входил орнамент пышностебленного побега, преобразованного из античных акантов. На этом фрагменте чрезвычайно искусно изображена в межарочных треугольниках фигура летящего орла. Фрагмент интересен и своим содержанием, видимо, связанным с идеей отлетающей души, и как ключ к той дальнейшей трансформации, которую видим на других мианкальских оссуариях: вместо орла появляется чисто орнаментальный, ранее нераспознаваемый мотив, лишь отдаленно напоминающий прототип.

Изображение дисков на оссуарных арочках — также вполне реальная деталь архитектурного декора, засвидетельствованная находками на Мианкале жженных кирпичей с круговыми, по преимуществу фигурными штампами. Правда, данные кирпичи были связаны не с архивольтами, а с фризами. Появление их датируется VI—VII вв., а не VIII—IX вв., как считалось ранее, хотя такие штампы кое-где употреблялись еще и в пору развитого средневековья.

Раннесредневековая керамика мианкальского региона аналогична керамике того же времени в других областях Согда, хотя имеет

некоторые локальные отличия.

Исследования мианкальского Согда расширяют представления о преобладавшей здесь в домусульманское время культовой идеологии. Ею была религия Авесты, имевшая свои локальные особенности. Култ огня запечатлен для античной эпохи храмом-аташкедом на Кургантепе. О его роли в раннем средневековье свидетельствуют монеты бухархундатского чекана, встреченные как единичными экземплярами, так и в виде целого клада. Но особенно красноречиво изображение на оссуарии из Мулло-Кургана близ Лоиша, где представлен высокий алтарь с двумя служителями-жрецами, поддерживающими священное пламя. Лица их прикрыты повязками, чтобы не осквернить огонь своим дыханием (84, с. 46 и сл., рис. 1). Какое-то отношение к этому ритуалу имели и жрицы, изображенные на крышке данного оссуария — обе со священными растениями в руках (хаома?). Для многих мианкальских оссуариев (из Иштихана, Бия-Наймана, Дурментепе) характерно изображение фигуры юноши с большим переносным алтарем, на котором горит огонь, видимо, зажженный от священного огня в храме и переносимый юным жрецом во исполнение ритуала, связанного, по нашему мнению, с празднеством поминовения мертвых в дни Фарвардаджана.

Мианкальские оссуарии служат красноречивым свидетельством следования предписаниям Авесты о сохранении костных останков умерших. Вместе с тем, если прием оссуарных захоронений, распространенный в Согде, Хорезме, Чаче, Семиречье, в какой-то мере и отвечает предписаниям Авесты о сохранении костных останков, якобы несущих в себе частицы души усопшего, то нет оснований ставить его в прямую связь с зороастризмом, на чем настаивает Ф. Грене (163, с. 277 и сл.). Здесь, несомненно, существовала иная версия авестийской религии, отличная от ортодоксального зороастризма, исповедывавшегося в сасанидском Иране, и породившая иные формы погребальной обрядности.

Благодаря раскопкам иштиханских оссуарных захоронений и отдельным находкам нашей экспедицией был внесен новый материал в изу-

чение оссуариев Согде. Намечена классификация основных изображений и установлены особенности композиции и иконографии, выделяющие в особый цикл минальские оссуарии в ряду других согдийских оссуариев, в том числе из близлежащего Самарканда. Анализ изобразительных мотивов, особенно стоящих под арками персонажей, привел к заключению, что на них представлены акты литургий, свершавшейся во время годового праздника (связанного с верой в пришествие душ умерших к родным домам) и выполнявшейся жрецами и жрицами в образе и с атрибутами амеша-спентов согласно согдийскому ритуалу. Вместе с тем, оссуарии эти интересны как произведения искусства малых форм — одного из ответвлений местной коропластики. Монументальная по своей идее композиция, сочетающая архитектурные формы и переведенные в барельеф скульптурные образы, в полной мере отвечает общему стилю раннесредневекового искусства Средней Азии.

Существовали в самаркандском Согде VI—VIII вв. и иные культы. Например, культ предков, смыкавшийся с династическим культом. В хронике Бейши отмечено, что в резиденции Канского владетеля (т. е. в самом Самарканде) «есть храм предков, в котором приносят жертвы в шестой луне. Прочие владетели приезжают помогать в жертвоприношении» (17, с. 272). Такие храмы существовали и в иных областях. Не раз уже в литературе цитировалось сообщение Таншу о храме в Кушании: «По восточную сторону города есть двухэтажное здание. На северной его стене красками написаны древние императоры Срединного государства; на восточной — тукуюские и фолинские. Владетель, учинив поклонение перед ними, уходит» (17, с. 315). По-видимому, роспись передавала акт присутствия у кушанийских владетелей Канского дома известных согдийцам правителей крупных стран, с которыми поддерживались отношения. Это был особый династический храм местного правящего дома.

Донные неясен вопрос о характере культа, с которым было связано святилище в области Цао-Иштихан, о котором сообщает тот же ис-

точник. В нем упоминается «дух Дэси, которому поклоняются во всех владениях, лежащих от западного (Каспийского) моря на восток. Он представлен в образе золотого истукана, в 15 футов в объеме с соразмерною вышиною». Ежедневно ему приносились жертвы. Число жертвующих было огромным. (17, с. 275). Так звучит текст в переводе Иакинфа Бичурина, но в переводе Э. Шавана есть различие: не «дух Дэси», а «божества Тоси», культ которых был распространен на указанной территории (153, с. 139, прим. 3). Среди них — упомянутый «золотой истукан».

В. А. Лившиц дал справку, которая уточняет местоположение упомянутого места поклонения в области Иштихан. По мнению В. Б. Хеннинга, так называемый «Дэси-Тоси» — это имя одного из согдийских божеств, в древнекитайском — Таксин — передача согдийского Тахсич. Это божество известно по согдийской ономастике (Тахсич бандак — «раб божества Тахсич» в тексте IV в.). В. А. Лившиц полагает, что его именем было названо и селение, упоминаемое у Самани, «в нем-то и находился храм, описываемый в китайских источниках». Самани (XII в.) называет селение Тахси, лежащее в 5 фарсах от Самарканда в области Абгар (2, с. 183). Исходя из размера минальского фарсаха, который, как было сказано выше, равнялся 8 км, остатки Тахси следует искать примерно в 15 км восточнее Иштихана, причем не на Миянкале, а севернее Акдарьи, в зоне предгорий. Ритуал ежедневных жертвоприношений верблюдам, копей и баранов близок психологии и обычаям скотоводческого населения, в частности тех согдийцев, для которых скотоводство было основой хозяйства. Вероятно, культ этот имел более раннюю основу. Возникает вопрос — не с данным ли божеством связан образ вооруженного мужа (самого Таксича?) и коня на монетах группы Гиркода? Во всяком случае в пору развитого средневековья в области Абгар не было искусственного орошения, преобладали пастбища и богарные пашни, дававшие обильный урожай зерна.

Время развитого средневековья — новой фазы развития феодализма в Согде, как и по всей

Средней Азии, запечатлено археологическим ландшафтом Мианкаля. В начале X в. арабский географ Ибн-Хаукаль, описывая Самарканд как процветающий город, вместе с тем отмечал: «И замки, и высоко построенные башни, прочно сложенные, представляющие великолепные жилища и драгоценные палаты... они опустевшие и разрушенные (15, с. 14).

Археологические наблюдения на Мианкале подтверждают сказанное Ибн-Хаукалем: подавляющее большинство тепе со шлейфом, то есть раннефеодальных кешков с прилежащими к ним поселениями, в данный период были заброшены. Причины тому, во-первых, события арабских завоеваний, которые принесли немало бедствий населению захваченных стран; во-вторых, закономерности развития феодального общества. В противовес дробной структуре распавшейся на массу самостоятельных мелких владений страны, при Аббасидах со времени ее прочного вхождения в орбиту арабского халифата противостояла централизованная власть. Мощь ее усиливалась и единством идеологии, которой стал ислам. Это противопоставление централизованной феодальной государственности сепаратизму «среднеазиатского рыцарства» нарастает в период фактической самостоятельности среднеазиатских государств Тахиридов, Саманидов, Мамунидов. Уже в X в. при номинальном подчинении халифу, чье имя проставлялось в местном монетном чекане и в казну которого поступали подати, то было знаком признания его главой ислама, светскую власть осуществляли местные династии. В этот период на Мианкале процветало земледелие. Истахри отмечает исключительное плодородие зерновых культур в области Иштихана, именуя ее «сердцем Согда» (164, с. 466). Кушанию этой поры называли «матерью согдийских городов». Средневековые восточные географы донесли названия городов и крупных селений в интересующем нас регионе: в Иштиханской области — Бинкет, Гурджет, Зафир, Заз, Наукекек, Размаз, Растагфар, Сагардак, Хайдештер; между Иштиханом и Кушанией лежали Хушфагн и Шикистан, в Кушанийской области — Искарен и Исмитан.

Из-за отсутствия сведений о расстояниях между ними и главными городами, определить их местоположение не представляется возможным, хотя, очевидно, каким-то из этих пунктов соответствовали городища Актепе (Карахантепе) и Паскиратепе в Пайарыкском районе; Музантепе, Ташмазантепе, Чарвактепе, Кураштепе, Душтепе, Байтепе, Раватепе в Акдарьинском районе; Кулджомантепе, Чамбилтепе, Катагантепе, Караколпактепе и два безымянных тепе в Иштиханском районе. Эти города (за исключением Иштихана и Актепе) невелики по площади, обычно имеют шахристан прямоугольного плана, обведенный оплывшими стенами. У некоторых в одном из углов выделяется цитадель. Иные явно возникли на месте поселений раннего средневековья, причем цитаделью стал былой кешк. Слитные бугры внутри шахристана — свидетельство его плотной застройки. Встречающаяся за его пределами на вспаханных полях керамика X—XII вв. служит свидетельством того, что здесь имелся рабад.

Что касается сел и деревень, то в отличие от плотно застроенных, теснившихся к кешку дикхана небольших раннефеодальных селений, в IX—XII вв. они имели рассредоточенную застройку, чем в значительной мере объясняется отсутствие в наши дни четких следов средневековых кишлаков, ушедших со временем под распах.

Среди материалов этого периода, помимо некоторых монет, в подъемных сборах многочисленна керамика. Она представляет собой провинциальное повторение великолепной глазурованной керамической продукции, которую производил Самарканд («афрасиабская керамика»), а также образцы оформленной штампом безглазурной керамики и разновидности симбо-кузача. Очевидно, эта керамика поставлялась на местные ярмарки, куда стекалось невзаскательное население из земледельческой и скотоводческой округ.

При обследовании упомянутых археологических тепе времени развитого средневековья мы пришли к выводу, что обживание их прекратилось к XIII в. В основном это было вызвано монгольским завоеванием, но кое-где произошло и раньше, как это установлено, напри-

мер, для близлежащего Рабинджана, осажденного, разграбленного и разрушенного в середине XII в. хорезмшахом Иль-Арсланом (21, с. 168).

Изучение мианкальского региона периода XV—XVII вв. выходит за рамки нашей темы — это уже в большей мере предмет истории, а не археологии. Следов культуры данного времени отмечено крайне мало. Лишь Карахантепе, возникшее рядом с покинутым Арктепе, превращенным в мазар, предстает как город, обнесенный валом, внутри которого была мечеть с мраморными колоннами, возведенная во времена Улугбека. Можно упомянуть также культово-мемориальный комплекс XVII—XIX вв. у могилы Махдуми-Азама в Дагбите. При Шейбанидах интенсивно развивалась скотоводческая зона к северу от Акдарьи. Не случайно многие кишлаки и в настоящее время носят здесь названия, связанные с узбекскими родоплеменными наиме-

нованиями: Орлат, Алчин, Барлас, Мангыт, Канглы и др. Вместе с тем документы данного периода (36) донесли ряд сведений о системе действовавших тогда каналов и многочисленных пахотных землях в тумане Согуди-Калян и на самом Мианкале — частновладельческих и государственных «падшахских». Очевидно, изучение исторической топографии должно основываться на этих документах и источниках.

Заканчивая очерки о древностях Мианкаля, отметим, что Узбекистанской искусствоведческой экспедицией было положено начало археологическому и искусствоведческому изучению его древней и средневековой культуры. Но немало открытий и историко-культурных обобщений еще впереди. В комплексе исследованных памятников материальной культуры весь этот регион предстает как микрорайон Большого Согда, имеющий общие с ним и, вместе с тем, локальные черты.

Приложение

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПУНКТЫ
МИАНКАЛЬСКОЙ ЗОНЫ
(по данным обследования
Узбекистанской
искусствоведческой
экспедиции)*

Прилагаемый список содержит перечень археологических пунктов, зарегистрированных УзИскЭ в ходе обследования региона. Он не претендует на исчерпывающий перечень — вероятно, кое-что будет еще отмечено в ходе дальнейших рекогносцировок или сельскохозяйственных и строительных работ.

Термином «городище» обозначены объекты с четко выраженной, значительной территорией, охваченной стенами. «Поселение» — с хорошо просматривающимся планом, иногда укрепленное, при небольших размерах — без стен. «Тепе со шлейфом» — специфическая для Средней Азии группа археологических памятников с выделенным возвышающимся участком и прилегающим пониженным пространством. «Кешк» — раннесредневековый замок. «Тепе» — восхождение с археологическим содержанием.

Размеры указаны — наибольшие по длине и ширине; максимальные высоты — В для возвышенной части (цитадель, кешк) и в — для прилегающей территории. При малых размерах — 30—40 м и нечеткой конфигурации указаны их в списке опущено.

Значительная часть зарегистрированных памятников сильно задернована, особенно в тех

случаях, когда на них имеются старые мусульманские кладбища — мазары. Такие памятники названы без каких-либо определений, хотя по внешнему виду это «тепе со шлейфом», которые обычно являются остатками кешка с прилежащим к нему поселением. Они в большинстве восходят к раннему и отчасти развитому средневековью.

Уточненные в веках даты даны лишь в тех случаях, если на памятнике нами производились раскопки. Там, где при обследовании был получен датирующий материал — в основном керамика, иногда строительные материалы или монеты — приведены лишь общие хронологические определения — «античность» (первые века до и после н. э.), «раннее средневековье» (VI—VIII вв.), «развитое средневековье» (IX—XIII вв.), «позднее средневековье» (с XV в. и дальше).

Распределение материалов дано по пяти основным обследованным современным административным районам, следуя с запада на восток (Каттакурганский, Иштиханский, Акдарьинский, Пайарыкский, Кошрабадский). Местоположение объекта указано по близлежащему кишлаку.

* Список составлен автором данной книги и С. А. Савчуком.

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
---	-----------------------------	----------	---	-----------

Каттакурганский район
(в западной дельте Акдарьи)

1	Чуянчи	Чуянчитепе. Укрепл. посел. с кешком		Ран. среднев.
2	Чигатай	Пашатепе. Тепе со шлей- фом. Вблизи—еще одно тепе	90×50, В=8	Ран. среднев. Разв. среднев.
3	"	Мазартепе. Посел.		Разв. среднев.
4	"	Мазартепе. Посел. с кеш- ком	250×140, в=3, 90×90, В=12 80×85	Ран. среднев.
5	им. Маркса	Мазартепе. Тепе со шлей- фом		Разв. среднев.
6	Каттаминг	Безым. тепе со шлейфом		Ран. среднев.
7	"	Кум-тепе. Тепе со шлейфом		
8	"	Тепе—Курган		
9	Кипчак	Уритепе	80×80, В=12	Ран. среднев.

Колхоз им. Ленина

10	Чашма	Чашматепе. Укрепл. посел. с кешком	180×150, В=12	Ран. среднев.
----	-------	---------------------------------------	---------------	---------------

Колхоз им. К. Маркса

11	Явы	Явытепе. Кешк с укрепл. посел.	160×130, в=6, В=12	Ран. среднев.
12	Исабай	Исабайтепе. Тепе со шлей- фом	130×110, в=5, В=13	"
13	Шор-кишлак	Мазартепе. Тепе со шлей- фом; поздний мазар		
14	Кашан-ата	Мазар Кашан-ата		Позд. среднев.

Колхоз «Янгиабат»

15	Левобережье Акдарьи	Кизлартепе. Округлое тепе	д. 27, в=4,5	Античность
----	------------------------	---------------------------	--------------	------------

Иштиханский район

1	Райцентр Иш- тихан	Иштихантепе. Городище с цитаделью, шахристаном и ра- бадом	шахр, 600×500, раб. до 1500	Ран. и разв. среднев.
---	-----------------------	--	--------------------------------	--------------------------

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
---	-----------------------------	----------	---	-----------

Колхоз им. Ленина

2	Актепе	Актепе. Посел. с кешком	205×115, в=3, В=18,20	Ран. среднев.
3	Кургантепе	Безым. тепе у меч. Байлата		
4	"	Безым. тепе		
5	"	Юлдузчитепе		
6	Рават	Кичиктепе		Ран. среднев.
7	"	Чаудитепе. Посел. с кешком		
8	Каллахоса	Наймантепе. Посел. с кешком	150—110; Кешк— 60×40	Ран. среднев.

Колхоз «Мехнат-рахат»

9	Рават	Раваттепе. Посел. с кешком	126×126; кешк— 34×54	Ран. среднев.
10	"	Самандартепе		
11	"	Хантепе		
12	Тангит	Тангиттепе. Тепе со шлейфом		Ран. среднев.
13	Шейх-ислам	Джауртепе. Тепе со шлейфом		Ран. среднев.

Колхоз им. Навои

14	Сулувкурбан	Сулувкурбантепе		
15	"	Чимтепе		
16	Олтыкетмен	Бусолайтепе. Тепе со шлейфом		Ран. среднев.

Колхоз «8 Марта»

17	Сугат	Сугаттепе или Авлиятепе. Тепе со шлейфом		
18	Куктепе	Куктепе		Ран. среднев.

Колхоз им. Фрунзе

19	Кургантепе	Каузорттепе		Ран. среднев.
20	"	Мазарттепе. Тепе со шлейфом. Поздний мазар		
21	"	Безым. тепе		
22	Кокчили	Чангалтепе		
23	Кайчили	Шангайтепе		

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
24	Шейхляркент	Эски-кургантепе. Укрепл. посел. с цитаделью	93×48, в=2,5; цитадель—35×22, В=12	Позд. среднев.
25	Картепе	Имамбайтепе	80×90	Ран. среднев.
26	Пахтакор	Кухтана-бабатепе		

Колхоз им. Куйбышева

27	Бешлик	Бешлитепе		
28	"	Эгарчитепе. Тепе со шлей-фом	160×75; кешк—53×35	Ран. среднев.
29	"	Нагарчитепе. Тепе со шлей-фом	108×67	Ран. среднев.
30	"	Безым. тепе		

Совхоз «Янгикент»

31	Барлас	Кургантепе		Ран. среднев.
32	"	Чингалтепе		Ран. среднев.
33	"	Безым. тепе		Ран. среднев.
34	"	Шаукитепе		Ран. среднев.
35	"	Пещеры-ертула к сев. от р. Саганак		XIX в.
36	Тонибек	Безым. тепе. Посел. с кеш-ком	83×90, кешк—23×26	Разв. среднев.
37	Орлат	Городище Кургантепе	Цитадель 90×60, В=18 Город—650×650; в=5—8	Античность Ран. среднев., XVIII—XIX вв.

Колхоз им. Энгельса

38	Мирзакул	Кургантепе		
39	"	Палвантепе		
40	"	Кобултепе		
41	"	Караколпактепе. Городище с цитаделью	235×150, В=4; цитадель—70×90 В=10	Разв. среднев.
42	Дисинтепе	Дусинтепе		Ран. среднев.
43	Авлиетепе	Авлиетепе		Ран. среднев.
44	"	Чангалтепе		
45	"	Гиртепе		
46	Каршик	Каршиктепе. Посел. с кеш-ком	140×130, в=4 кешк—42×42, В=12	Ран. среднев.

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
47	Хазар-баба	Мазартепе. Посел. с кеш-	145×100; кешк—	Ран. среднев.
48	Утирчи	ком. Поздний мазар Утирчитепе	65×40	

Колхоз «Халкабад»

49	Катаган	Катагантепе		Разв. среднев.
50	Чамбил	Чамбилтепе. Городище с цитаделью	166×128; цита- дель 62×38	Разв. среднев.
51	Чайджоуль	Чайджовлитепе. Посел. с кешком	30×96; цита- дель—60×70	Ран. среднев.
52	"	Кургантепе		
53	Хина	Тумалоктепе. Посел. с кеш-	100×140; кешк—	
54	"	ком	60×80, В=10	
55	"	Аязкултепе		Ран. среднев.
56	Туркман	Юмолоктепе		Ран. среднев.
57	Канглы	Кизтепе		
58	Кутора	Урозбайтепе Эшонтепе		

Колхоз «Правда»

59	Тупар	Сойилтепе		Ран. среднев.
60	"	Уралбайтепе. Посел. с кеш-		Ран. среднев.
61	"	ком		
62	Ханака	Безым. тепе		Ран. среднев.
63	Мирза	Эшонтепе		
64	"	Арктее		Ран. среднев.
65	"	2 безым. тепе		Разв. среднев.
66	Нагарчи	Каттатепе		
67	Нисфикар	Байтепе		
68	"	Шуйхентепе		
69	Чорлак	Чорлактепе		
70	Эгарчи	Эгарчитепе		
71	Осмичун	Чигатайтепе		Ран. среднев.
72	Кизил-кулок	Мазартепе		
73	Кунград	Чолтепе		
74	Каракалпак	Каракалпактепе		
75	Чангал	Чангалтепе		
76	"	Кумтепе		

Колхоз «Зеравшан»

77	Худжалар	Худжалартепе. Кешк		Ран. среднев.
----	----------	--------------------	--	---------------

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
78	Тогойкал	Тогойкалтепе. Кешк		Ран. среднев.
79	"	Қараултепе. Кешк		Ран. среднев.
80	"	Безым. тепе		

Колхоз им. Ахунбабаева

81	Мангит	Алпамыштепе. Античная укрепленная усадьба, на ней — раннесредневековые строения	75×90, в=5	Первые вв. н. э., ран. среднев.
82	Ахманаул	Безым. тепе. Посел. с кешком	130×140; кешк— 60×32	Ран. и разв. средневековые
83	Қиркий	Култепе. Поселен. с кешком	100×130; кешк— 30×30	Ран. среднев.
84	"	Қаргатепе		
85	Қарихона	Ишан-баба. Тепе со шлейфом; поздний мазар	182×70; кешк— 20×20, В=15	Ран. среднев.
86	Чарлок	Чарлоктепе		Ран. среднев.
87	Кулджоман	Кулджомантепе. Посел. с кешком	190×75; кешк— 75×75	Разв. среднев.
88	Қараханы	Ишантепе. Посел.; поздний мазар	82×70	

Ақдарынский район

Колхоз «Дагбит»

1	Пос. Лоиш	Чарвактепе. Укрепл. посел. с кешком	170×140, в=3,5; кешк—65×65, В=13	Ран. среднев.
2	Опытная станция	Раваттепе (Мазарттепе). Укрепл. посел., поздний мазар	106×62, в=3—4 возв. отдел—38×38 В=10	Разв. среднев.
3	"	Безым. тепе		
4	1 мая	Маргулантепе. Кешк со шлейфом	142×110, в=4 кешк—40×40, В=12	Ран. среднев.
5—7	"	3 безым. тепе		
8—15	Қаратери	8 безым. тепе		Разв. среднев.
16—17	с/с Дагбит	2 безым. тепе		

Совхоз «Ақдарья»

18—20	Бешкаль	3 безым. тепе		
21	"	Зигтепе		

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
22	Бешкаль	Бойтепе		Разв. среднев.
23	Акиомоз	Дустепе		Разв. среднев.
24—	"	2 безым. тепе		
25	"	Алчитепе, городище с цита-	158×132; цита-	Античность
26	"	делью, поздний мазар	дель—60×70, В=15	Ран. среднев.
27	Кумок	Безым. тепе к Ю-З		
28	"	Шоназартепе к Ю-З		
29	"	Камалтепе		
30—	"	2 безым. тепе к С-З		
31				
32	Ярмчук	Кураштепе к Ю-В		Разв. среднев.
33—	"	4 безым. тепе к Ю-В, к югу, к Ю-З, к зап.		
36	Полмилган	Безым. тепе к югу		
37	"	Безым. тепе к Ю-В		
38	"	Безым. тепе к югу		
39	Янгидаргат	Безым. тепе		
40	"	5 безым. тепе, 1 к сев.		
41	Туртайгыр	2 к югу, 1 к западу, 1 к Ю-З		
42—	"			
45				
46	Карки	Безым. тепе к западу		
47	Личакча	Безым. тепе к югу		
48	"	Безым. тепе к западу		
49—	Бутанач	10 небольших безым. тепе вокруг кишлака		
59	Тартулы	Безым. тепе к северу		
60	"	Безым. тепе к С-З		
61	Давлян	2 безым. тепе к югу		
62—	"			
63				
64—	"	3 безым. тепе к западу		
66				
67	Центральный поселок	5 безым. тепе		
68	Чамбил	Безым. тепе		
69	Кашкурган	Кашкургантепе к югу		
70	"	Безым. тепе		
71—	Моллакурган	3 безым. тепе к западу и Ю-З		
73				
74—	Канглы	7 безым. тепе: 1—к востоку, 3—к Ю-В, 1—к югу, 2—в цен- тре		
80				

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
---	-----------------------------	----------	---	-----------

Колхоз «Гулистан»

81	Янгикент	3 безым. тепе		
82	"	Салкинтепе		
83	"	Ходжатепе		
84	Холдор	Гадай-топмас		
85—	"	2 безым. тепе		
86				
87	Узун	Манайтепе. Тепе со шлей- фом		
88—	Учтепе	3 безым. тепе		
90				
91	Чоршонба	Чоршонбатепе		
92	Чарвак	Чарвактепе. Посел. с кеш- ком	Отдельные буг- ры на расст. до 100, в=3—8	Разв. среднев.
93	Зиндантепе	Наврузтепе		
94	"	Чарвактепе		
95	"	Кумтепе		
96	"	Зиндантепе		
97	Ялангач	Безым. тепе		

Колхоз им. К. Маркса

98	Янгикишлак	Октепе. Тепе с кешком		Ран. среднев.
99	"	Кургантепе		Возм. античность
100	"	Безым. тепе к Ю-З		
101—	Примкент	3 безым. тепе		Ран. среднев.
103				
104	"	Учтепе и Кизилтепе. Горо- диче с двумя возвышен. тепе и обнесенным стенами шахри- станом. С юга — поздний ма- зар	335×565; С—З бугор—110×115, в=22; Ю—В 115 120, в=20	Разв. среднев.
105	Маолим	Маолимтепе. Поселение с кешком		Ран. среднев.
106	Султанкишлак	Безым. тепе		
107—	Иштол	5 безым. тепе		
111				
112	"	Ак-ататепе		
113	Жин	Безым. тепе	90×60	

Колхоз им. В. И. Ленина

114	Галаба	Безым. тепе		Ран. среднев.
115	"	Мазартепе		

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
116— 118 119 120 121— 122 123 124 125 126 127 128 129 130— 132 133	Галаба " " Галаба Шутур Бурганлок Кутурбулак Тартулы " " Курилиш " " Муллаходжа " " " "	3 безым. тепе Ялпоктепе Янгочтепе 2 безым. тепе 5 безым. тепе Безым. тепе Култепе Кызтепе Безым. тепе Шохайтепе к западу Бегамтепе 3 безым. тепе Темир-Актепе. Укреп. посел. с кешком	220×170, в=6; кешк—В=12	Ран. среднев.
134 135	Янгироват Чарвактепе	Безым. тепе к востоку Мазартепе. Тепе со шлей- фом	110×100, в=2—3; кешк—50×40, В=12	
136 137 138 139 140 141 142	" " Раимтепе Чукур Думсанд " " Бутанас Майкабог	Безым. тепе к северу Раимтепе к западу Безым. тепе Безым. тепе к Ю-З Безым. тепе к западу Безым. тепе. Посел. с кеш- ком Коштепе. Двойной бугор	70×65; кешк— 25×25 110×40, в до 10	Ран. среднев. Ран. среднев.

Колхоз «Узбекистан»

143	Чангалтепе	Чангалтепе. Посел. и от- дельно стоящий кешк	168×110, в=3— 4, кешк—60×40, В=12	Ран. среднев.
144 145	Казак-Худжа Карабатыр	Безым. тепе Карабатыртепе		

Колхоз «Москва»

146 147 148 149 150	Хайрбобо Сарки Тангироват " " Каратухум	Безым. тепе к востоку Мазартепе 2 безым. тепе к югу и вос- току Ташмазартепе. Посел. позд- ний мазар	70×80, в=3,5	Разв. среднев. Разв. среднев.
---------------------------------	---	---	--------------	----------------------------------

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
151— 152 153 154 155 156 157 158 159	Курулуш Ниязи " Янгироват Сухолмирзатепе Чайкал "	2 безым. тепе 2 безым. тепе Камалтепе к югу Аслартепе Безым. тепе Чайкалтепе. Тепе со шлей- фом	100×70, кешк— 70×80, В=7	Ран. среднев. Ран. среднев.
160 161 162 163 164 165 166	" Акбуйра Куксакал Ишан " Кулба "	Содикизлартепе Безым. тепе к югу Мазартепе. С поздним ма- заром Мазартепе. С поздним ма- заром Лочинтепе Кулбатепе Сориктепе		Ран. среднев. Ран. среднев. Ран. среднев.

Колхоз «Янгиабат»

167	Урта-кишлак	Парманкултепе. посел. с кешком	116×82; кешк— 35×45, В=8	Ран. среднев.
168	Янгиабат	Музантепе. Городище с ци- таделью; поздний мазар	210×65, в=3—6; цитадель—90×60, В=12	Разв. среднев.
169 170 171 172 173 174 175 176 177 178— 179	Азлартепе " " " Найманча Бешбола " Бойгалы Янгикишлак Роват	Иштепе Култепе Куентепе Найманчатепе Бешболатепе Иргайтепе Мазартепе Кураштепе. Усадьба 2 безым. тепе	40×30, в=1,5 15×15, в=2,5	Ран. среднев. Позд. античность

Колхоз им. XXII Партсъезда

180 181 182 183 184— 185	Кумкишлак " " " Курилиш	Убдонтепе Мазартепе к югу Мазартепе Хозоратепе 2 безым. тепе		
---	-------------------------------------	--	--	--

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
186	Курилиш	Култепе (окружено озером)		
187	"	Безым. тепе		
188	"	Пармонкултепе		
189	Абодан	Абодантепе. Посел. с кеш- ком	118×94, в=2; кешк—56×70, В=10	Ран. среднев.
190	Куйлибай	Куйлибайтепе. Посел. с кешком, позд. мазар	120×52, в=2—3; кешк—25×30	Ран. среднев.
191	Каллар	Каллартепе. Совр. мазар	60×70, в=4—5 кешк—25×35, В=11	Ран. среднев.
192	Каркарали	Каркаралитепе. Тепе со шлейфом		
193	"	Тепачактепе		
194	"	Куштепе		
195	Чойджоул	Чойджоултепе		
196	"	Хайраллатепе		
197	"	Мавлянтепе		
198	"	Токмоктепе. Совр. мазар		
199	Найманча	Наймантепе. Посел. с кеш- ком	75×55; кешк— 28×20, В=6	Ран. среднев.

Колхоз «Коммунист»

200	Янгикурган	Амиртепе. Посел. с кешком	130×100, кешк— В=15	Ран. среднев.
201	Арпа-кишлак	Арпатепе. Городище	185×180, в=8; цитадель—80×80, В=15	Ран. среднев.

Пайарыкский район

Совхоз им. Димитрова

1	Карахан	Актепе. Крупное городище с цитаделью, двумя шахрис- танами, рабадом	350×210; цита- дель—90×90, В=15	Античность; ран. и позд. среднев.
2	Маданият	Тентактепе. Пос.	130×100, в=2—8	

Совхоз «Коммунизм»

3	Паскира	Паскиратепе. Посел. с ук- реплен.	80×85; укреп. отдел—17×12, В=7	Разв. среднев.
4	Йултепе	Чебыштепе	60×70	

№	Местонахождение (кишлак)	Памятник	Размеры (при четкой конфигурации), м	Датировка
Колхоз им. Навои				
5	Эназар Эшмаксак	Безым. тепе. Посел. с кеш- ком	55×60; кешк— В=12	Ран. среднев.
6		Эназартепе. Укреп. поселен.	170×170	Ран. среднев.
7		Эшмаксактепе. Посел. с ук- репл.	укреп. 70×45, В=12	Разв. среднев.
Совхоз им. Ахунбабаева				
8	"	Куктепе. Кешк		Ран. среднев.
Кошрабадский район				
1	Райцентр Кош- рабад	Кошрабадтепе. Посел. с кешком	кешк—70×50, В=15	Ран. среднев.
2	"	Булак-баши. Неукреп. по- селен.	ок. 200×120	Античность
Совхоз «Кошрабад»				
3	Кушагач	Кушагачтепе. Укреп. посел. с кешком	105×115; кешк—30×30	Ран. среднев.
Колхоз «Коммунизм»				
4	Орлат	Кургантепе. Укреп. городи- ще с цитаделью и двумя шах- ристанами	Общий размер: 650×650; цита- дель—100×60, в=18; шахрис- тан—1—300×360	II в. до н. э.—IV в. н. э.; VII—VIII; XV—XVI вв.; конец XVIII— XIX вв.
5	"	Курганный могильник	1500—по горной гряде	II в. до н. э.— первые вв. н. э.
6	Курган	Актепе (или Арктепе). По- сел. с кешком	130×150; кешк— 55×70	Ран. среднев.
Совхоз «Янгикент»				
7	Янгикент	Чимкургантепе к западу. Тепе со шлейфом	100×70, в=2,5 кешк—В=10	Ран. среднев.
Совхоз им. Свердлова				
8	Шована-кишлак	Коштепе	50×55, В=5—7	Ран. среднев.

Итого: 320 пунктов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева А., Бубнова М. А., Пьянкова Л. Т. Отчет о работе Яванского отряда в 1971 г.//АРТ. Вып. №1 (1971). Душанбе, 1975.
2. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
3. Арриан. Анабазис Александра/Пер. Н. Коренькова. Ташкент, 1912.
4. Артамонов М. И. Композиция с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве//СА. 1971. №1.
5. Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г.//СА. 1949. №11.
6. Бартольд В. В. К истории Туркестана. Соч. Т. 3. М.—Л.: Наука, 1965.
7. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966.
8. Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. Соч. Т. 3. М.: Наука, 1965.
9. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М.: Наука, 1963.
10. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953)//МИА СССР. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 66.
11. Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Мириаде//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1973.
12. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.)//МИА СССР. М.—Л., 1964. №124.
13. Бентович И. Б. Керамика Пенджикента//МИА СССР. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953. №37.
14. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М.: Изд-во вост. литературы, 1960.
15. Бетгер Е. К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима Ибн-Хаукаля//Тр. САГУ. Вып. 81. Ташкент: Изд-во САГУ, 1951.
16. Бируни Абу-Рейхан. Памятники минувших дней/Пер. М. А. Салье. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР.
17. Бичуриин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
18. Бобров А. В. О бронзовых пластине из Тагарского кургана//СА. 1979. №1.
19. Борисов А. Я., Луконин Г. В. Сасанидские геммы. Л.: Труды Гос. Эрмитажа, 1963.
20. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.
21. Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М. Археологическое исследование Рабиджана//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент: Фан, 1984.
22. Вирский М. Древние курганы в Самаркандской области//КСКО. Самарканд: Товарищество, 1897.
23. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актюбе (I—начало IV в. н. э.)//Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1966.
24. Витрувий. Десять книг об архитектуре/Пер. Ф. А. Петровского. М., 1936.
25. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода//ТХЭ. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
26. Зоронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследство. М.: Госиздат лит. по строительству и архитектуре, 1953.
27. Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев: Наукова думка, 1972.
28. Вяткин В. Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилаята//КСКО. Самарканд: Товарищество, 1902.
29. Вяткин В. А. Самаркандский вилает//КСКО. Самарканд: Товарищество, 1897.
30. Григорьев Г. В. Каучичите (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.
31. Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении//Известия АН КазССР. Археологическая сер. Алма-Ата, 1948.
32. Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.
33. Григорьев Г. В. Тали-Барзу//ТОВЭ. Т. 2. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1940.
34. Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.
35. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
36. Егани А. А., Чехович О. Д. Реестры среднеазиатских актов//Письменные памятники Востока. Ежегодник 1976—1977. М.: Наука, 1984.
37. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафириган (Кобадан)//МИА СССР. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953. №37.
38. Живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
39. Жуков В. Д. Материалы к изучению Баш-тепин-

- ской группы памятников в западной части Бухарского оазиса // Тр. Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 8. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956.
40. Запиров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
 41. За саяца И. П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. №1.
 42. Зеймаль Е. В. «Варварские подражания» как исторический источник // СГЭ. Х. Л., 1975.
 43. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.
 44. Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и средневековье. Л.: Наука, 1978.
 45. Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Балдай-тепе // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1971.
 46. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. №2.
 47. История таджикского народа. Т. 1. М.: Изд-во вост. литературы, 1963.
 48. Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм // СА. 1964. №3.
 49. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент: Фан, 1973.
 50. Караев Э. Мраморная колесна XV века с иранской надписью // ОНУ. 1981. №5.
 51. Кожамбердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963.
 52. Кожамбердыев И., Ташбаева К. Глиняные дел мастера // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1982.
 53. Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на пшадле древнего Термеза // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
 54. Кошелевко Г. А., Пилипко В. Н. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы // Каракумские древности. II. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1968.
 55. Кругликова И. Т. Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане // Археология Старого и Нового света. М.: Наука, 1982.
 56. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М.: Наука, 1971.
 57. Литвинский Б. А. Джуский могильник и некоторые аспекты кангойской проблемы // СА. 1967. №2.
 58. Литвинский Б. А. Кангойско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968.
 59. Литвинский Б. А. Составной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. 1966. №4.
 60. Литвинский Б. А. Среднеазийские железные наконечники стрел // СА. 1955. №2.
 61. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальная обрядность. М.: Наука, 1984.
 62. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-Шох. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983.
 63. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА СССР. М.—Л.: Наука, 1966. №136.
 64. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975.
 65. Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. // МИА. М.—Л.: Наука, 1964. №124.
 66. Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 10. Л.: Советский художник, 1969.
 67. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маггиллы // МИА СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. №73.
 68. Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг. // Известия Среднеазиатского музея. Вып. 4. Ташкент: Изд-во Среднеазиатского музея, 1928.
 69. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. 4. Албум. М.: Изд-во АН СССР, 1956; текст—Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1959.
 70. Медведовская И. Н. Раскопки в Шауртупе в 1975 г. // АРТ, Душанбе: Дониш, 1980.
 71. Наршахи. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.
 72. Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепе // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
 73. Немцева Н. Б. К стратиграфии южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
 74. Нильсен В. А. Кызыл-Кир // ИМКУ, Вып. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.
 75. Обельченко О. В. Курганские погребения первых вв. н. э. и кенотафы Куно-Мазарского могильника // Тр. САГУ. Вып. CXI. Ташкент: Изд-во САГУ, 1957.
 76. Обельченко О. В. Куно-Мазарский могильник // Тр. Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 8. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.
 77. Обельченко О. В. Лявандацкая пряжка (к истории ранних кушан) // ОНУ. 1968. №8.
 78. Обельченко О. В. Лявандацкая могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент: Фан, 1961.
 79. Обельченко О. В. Миринкульские курганы // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент: Фан, 1969.
 80. Обельченко О. В. Могильник Акджар-тепе // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент: Фан, 1962.
 81. Обельченко О. В. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА. 1967. №2.

82. Обельченко О. В. Сазанганские курганы// ИМКУ. Вып. 7. Ташкент: Фан, 1966.
83. Оболенцева Т. Г. Курганы кауцанской и джунской культур//Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 23. М.—Л., 1948.
84. Павлическая Л. В. Осуарий из Муллакургона//ОНУ. 1983. №6.
85. Пидеев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии//Древняя Бактрия Л.: Наука, 1974.
86. Пилико В. Н. Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза//СА. 1980. №4.
87. Пугаченкова Г. А. Жига-тепе//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1979.
88. Пугаченкова Г. А. Исследования в Иштиханском районе//АО 1979 года. М.: Наука, 1980.
89. Пугаченкова Г. А. Иштиханские древности (некоторые итоги исследований 1979 г.)//СА. 1983. №1.
90. Пугаченкова Г. А. Иштиханский осуарийный памятник согдийского искусства//ОНУ. 1975. №3.
91. Пугаченкова Г. А. К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Мианкалы//СА. Вып. 4. Л.: Наука, 19.
92. Пугаченкова Г. А. К итогам полевых исследований Искусствоведческой экспедиции 1961 года//ОНУ. 1963. №4.
93. Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
94. Пугаченкова Г. А. К разведке античных памятников Согдианы//ОНУ. 1965. №7.
95. Пугаченкова Г. А. Кангой и Согд: на стыке двух культур//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1984 г. М.: Наука, 1985.
96. Пугаченкова Г. А. Монологи с археологической конференции//Знание—сила. 1983. №11.
97. Пугаченкова Г. А. Кургантепе (согдийско-кангойский симбиоз)//Советская археология в XI пятилетке: Тез. пленарных докл. М.: Наука, 1983.
98. Пугаченкова Г. А. Мианкальские осуарии—памятники культуры Древнего Согда//Наука и человечество, 1984. М.: Знание, 1984.
99. Пугаченкова Г. А. Образ конютей в согдийском искусстве//Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
100. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабавладения и феодализма//Тр. ЮТАКЭ. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
101. Пугаченкова Г. А. Работы Мианкальской группы//Археологические открытия 1982 г. М.: Наука, 1984.
102. Пугаченкова Г. А. Раскопки Узбеккистанской искусствоведческой экспедиции на античных памятниках в 1973 г.//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
103. Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина//Древняя Бактрия. Т. 3. М.: Наука, 1984.
104. Пугаченкова Г. А. Халчяна. К проблеме городской культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966.
105. Пугаченкова Г. А. Храм бактрийской богини на Дальверзинтепе//Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
106. Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах//Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950.
107. Пугаченкова Г. А., Карасев В. А., Савчук С. А. Работы Мианкальской группы//Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983.
108. Пугаченкова Г. А., Крашенинникова Н. И. Круглый храм парфянской Нисы//СА. 1964. №4.
109. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии//ОНУ. 1983. №5.
110. Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Изучение Дальверзинтепе и Умараминтепе//Археологические открытия 1977 г. М.: Наука, 1978.
111. Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент: ГИХЛ УзССР, 1961.
112. Ростовцев О. М. Работы в Самаркандской области//Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980.
113. Ростовцев О. М., Вафоев Г. А., Иванович И. Д. Археологические исследования в долине Турсуная Самаркандской области//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент: Фан, 1983.
114. Ртвеладзе Э. В., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары//ОНУ. 1984. №8.
115. Сагдуллаев Т., Хакимов З. А. Археологические изучения городища Кызылтепе//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
116. Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахира Ходжи/Пер. В. Л. Вяткина//КСКО. Вып. 6. Самарканд, 1899.
117. Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи//СА. 1984. №3.
118. Синицын И. В. Археологические исследования заволожского отряда Сталинградской экспедиции //КСИИМК. Вып. 55. 1954.
119. Скрипкин А. В. К датировке некоторых типов сарматского оружия//СА. 1980. №1.
120. Смирнов К. Ф. Ранняя история и культура сарматов. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
121. Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э.—IV в. н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1945.

122. Смирнова О. Д. Очерки из истории Согда. М.: Изд-во АН СССР, 1970.
123. Сорокин С. С. К вопросу о толковании вневкурганных памятников ранних кочевников Азии // Государственный Эрмитаж. Археологический сборник. Л., 1981.
124. Ставицкий Б. Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу // СА. 1967. №2.
125. Сулейманов Р. Х., Турабеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана // ИМКУ. Вып. 14. Ташкент: Фан, 1978.
126. Тереножкин А. И. Рец.: Г. В. Григорьев. Каунчиптепа // Изв. УзФАН ССР, 1940. №8.
127. Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчиптепа // ВДИ. 1946. №1.
128. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
129. Турабекова М. Цитадель Еркургана // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982.
130. Тургунов Б. А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1973.
131. Тургунов Б. А. О местоположении средневекового города Иштихан // ОНУ. 1963. №11.
132. Тургунов Б. А., Пугаченкова Г. А. Дом радявого горожанина // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1968.
133. Усманова З. И. Эрк-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. 12. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1963.
134. Филанович М. И. Гаур-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. 15. Ашхабад: Илим, 1976.
135. Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
136. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан, 1983.
137. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
138. Чертов В. И. Древние курганы в Каттакурганском уезде // СКСО. Самарканд: Товарищество, 1897.
139. Чехович О. Д. Самаркандские документы XV—XVI вв. М.: Наука, 1974.
140. Шишкина Г. В. Глазуванная керамика Согда (вторая половина VII—начало VIII в.). Ташкент: Фан, 1979.
141. Шишкина Г. В. Кала-и Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
142. Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-II) // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент: Фан, 1974.
143. Шишкина Г. В. О местоположении Мараканды // СА. 1969. №1.
144. Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. №2.
145. Штейн В. Ф. Сцены жертвоприношений обожествленных хищников на сибирских пластинах // Бронзовый и железный век в Сибири. Новоси-
- бирск: Изд-во Сиб. ФАН СССР, 1974.
146. Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину 1934 года // ТОВЭ. Т. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
147. Andrae W. *Hatra*. T. I. Berlin, 1908; T. II, 1912.
148. Azarpay G. *Sogdian Painting*. Ed. University of California. Berkeley, Los Angeles, London, 1981.
149. Belenizki A. M. *Mittelasiens Kunst der Sogden*. Leipzig, VEB Seemann, 1980.
150. Bernard P. *Céramique, Ai-Khanoum*, pt. 2. Bulletin des correspondance Helleniques. T. LXXIX. Paris, 1965.
151. Boyce M. *A History of Zoroastrianism*. Vol. 1, Leiden—Köln, Ed. Brill, 1975.
152. Catennat A., Gardin J. C. Diffusion comparée de quelques genres de poterie caractéristique de l'époque Achéménide sur le Plateau Iranien et en Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Paris: Ed. CNRS, 1977.
153. Chavannes E. *Documents sur les Tou-Kieu (Turcs) Occidentaux* // Сборник Трудов Орхонской экспедиции, VI. Спб., 1903.
154. Chichikina G. V. Les remparts à l'époque hellénistique en Asie Centrale. FMG. T. 3. Valbonne, 1982.
155. Francfort H. P. *The Art and Architecture of the Ancient Orient*. London: Ed. Penguin Books, 1970.
156. Francfort H. P. *Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane*. Paris, 1979.
157. Frye N. *Sasanian Remains from Quars-i Abu Nasr*. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1973.
158. Fouilles d'Ai-Khanoum // MDAFA, T. 11. Paris, 1973.
159. Gardin J. C. *Die Ursprung der Kusana—Keramik*. Festschrift für Klaus Fischer. Köln, Domont Buchverlag, 1984.
160. Gardin J. C. *Les céramiques*. Fouilles d'Ai-Khanoum // MDAFA. T. 11. Paris: Ed. Klincksieck, 1973.
161. Gardin J. C., Lyonnet B. *La prise en compte archéologique de la Bactriane Orientale (1974—1978): premiers résultats*. Mesopotamie, XIII/XIV, Firenze. Ed. Licos, 1978—1979.
162. Gharshamir R. *Iran. Parthes et Sassanides*. Paris, Gallimard, 1962.
163. Grenet F. *Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation*. Paris. Ed. du CNRS, 1984.
164. Le Strange G. *The Lands of the Eastern Caliphate*. Cambridge: The University Press, 1930.
165. Leriche P. *Ai-Khanoum, un rempart Hellénistique en Asie Centrale* // Revue Archéologique. 1974. N 2.
166. Leriche P. *Fortification grecques: le bilan de la recherches au Proche et Moyen Orient*. FMG. T. 3. Valbonne, 1932.
167. Leriche P., Rougeulle A., Chassouli N. *Recherches sur les fortifications de la ville haute et de la citadelle sud-est*. Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. T. LXVIII. Paris, 1980.

168. Markwart J. Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Rome, 1921.
169. Naumann R. Sassanidische Feuertäre. Iranica Antiqua, Vol. 7. Leiden: Ed. Brill, 1967.
170. Pougatchenkova G. A. Caractère de l'architecture antique de fortification dans la région de l'Asie Centrale//FMG, 1, Valbonne, 1982.
171. l'Asie Centrale//FMG, 1, Balbonne, 1982.
- and Evolution in their Social and Cultural Aspect//FMG. T. 1. Valbonne, 1982.
172. Schlumberger D. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane//Journale Asiatique, 1964.
173. Van den Berghe L. Archéologie de l'Iran Ancien. Leiden: Ed. Brill, 1959.
174. Wiseman D. J. Götter und Menschen in Rollespiegel Westasiens. Prague: Artia, 1958.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия	САГУ — Среднеазиатский Государственный университет
АРТ — Археологические работы в Таджикистане	СКСО — Справочная книжка Самаркандской области
ВДИ — Вестник древней истории	ТОВЭ — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана	ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР	ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане	
СА — Советская археология	

Цена 3 р. 80 к.

ПУГАЧЕНКОВА Галина Анатольевна — исследователь истории художественной и материальной культуры Среднего Востока, академик АН УзССР, заслуженный деятель науки УзССР. Основные научные работы посвящены античному и средневековому зодчеству, искусству и археологии Средней Азии и сопредельных стран. Ею исследованы сотни памятников в республиках Средней Азии и десятки в Афганистане, разработаны проблемы архитектурной типологии и школ средневекового зодчества, скульптуры, миниатюрной живописи, коропластики. Лауреат Государственной премии Узбекской ССР им. Хамзы. Почетный доктор Страсбургского университета [Франция], член-корреспондент Германского археологического института [ФРГ] и Итальянского института Среднего и Ближнего Востока [Италия].

ПОИСКИ И
ОТКРЫТИЯ

